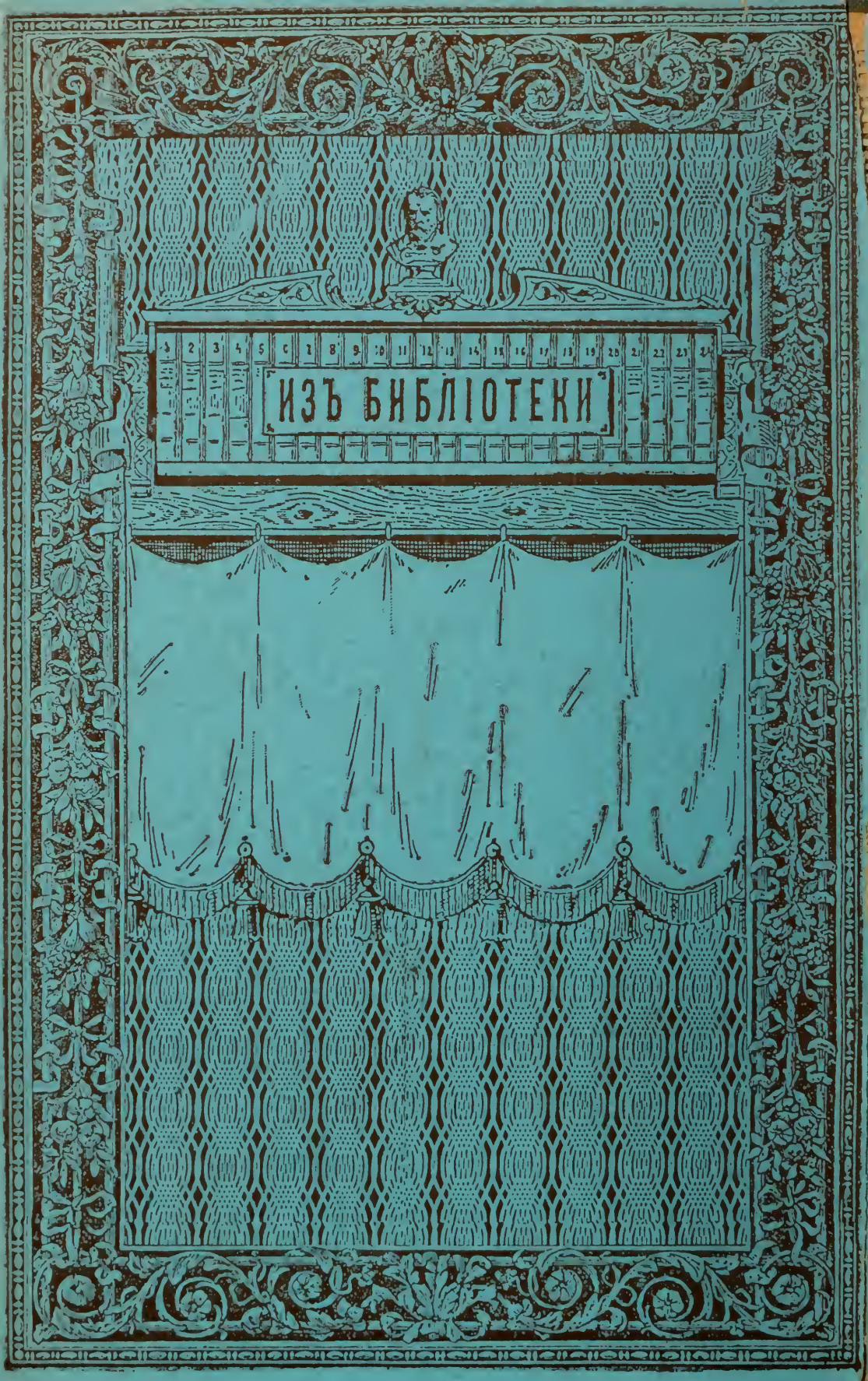
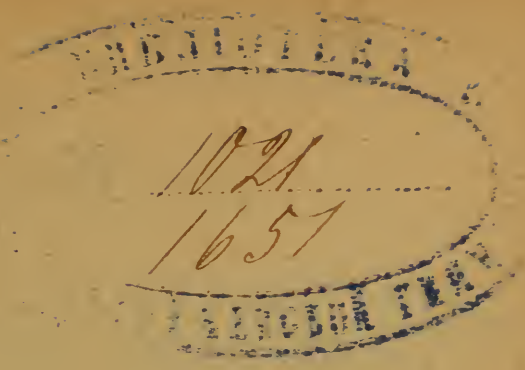
3 1761 06635579

СОЧИНЕНІЯ
ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ 3.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ


ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ



237

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

LR
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

БАСУРМАНЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

494867
25.7.99

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1900

Дозволено цензурою. Спб., 2-го марта 1900 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7

ПРОЛОГЪ.

«Божіею милостію, радуйся и здравствуй, господинъ и сынъ нашъ, князь великой, Дмитрій Ивановичъ, всея Руси... на многая лѣта!»

Слова митрополита по случаю вѣнчанія на великокняженіе Дмитрія Іоанновича, внука Іоанна III

Это было 27-го октября 1505 года. Будто къ вѣнчанію царя, Москва снарядилась и изукрасилась. Соборъ Успенскій, церковь Благовѣщенія, Грановитая палата, Теремный дворецъ, Кремль съ своими стрѣльницами, множество каменныхъ церквей и домовъ, разсыпанныхъ по городу, — все это, только-что вышедшее изъ-подъ рукъ искусныхъ зодчихъ, носило на себѣ печать свѣжести и новизны, какъ бы возникло въ одинъ день волею всемогущею. Дѣйствительно, все это было сотворено въ короткое время геніемъ Іоанна III. Кто оставилъ бы Москву за тридцать лѣтъ назадъ бѣдною, ничтожною, похожею на большое село, огороженное дѣтинцемъ, не узналъ бы ея, увидавъ теперь. Также скоро и вся Русь поднялась на ноги по одному молодецкому оклику этого генія. Взявъ исполина-младенца подъ свою царскую опеку, онъ сорвалъ съ него пелены, и не по годамъ, а по часамъ, воспиталъ его

на богатырство. Новгородъ и Псковъ, не ломавшіе ни передъ кѣмъ шапки, сняли ее передъ нимъ, да еще принесли въ ней свою волю и золото; иго ханское свержено и переброшено за рубежъ земли Русской; Казань, хотя отыгрывалась еще отъ великаго ловчаго, но отыгрывалась какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто все это сотворилъ, первый изъ русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однакожъ, 27-го октября 1505 года, изукрашенная Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству. Іоаннъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забылъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады; сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою и нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ Великаго и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора, черная изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна ея желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую, однакожъ, пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы украдкою отъ своего сторожа глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма, и въ ней, на этотъ разъ, томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ

такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что, кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, видѣнъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротникѣ рубашки горитъ изумрудная запонка; въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ, съ изголовьемъ изъ *мисюрской* камки и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филигранной работы. Видно, не простой узникъ!

Не простой, да еще вѣнчанный... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель неземной. Всѣ его преступленія — въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ и который надѣла на него прихоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на сторонних, не на него жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму! Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чемъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьѣ, облокотясь на колѣна и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто

дали ему отраву. Никого съ нимъ не было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капель съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползли по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ, это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: «Matheas», «Марѳа, посадница Великаго-Новгорода», «Будь проклятъ!», «liebe Mutter, liebe A...», и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ, или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей.

Дверь темницы тихонько отворилась. Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся.

— Аѳоня! это ты? — радостно спросилъ онъ; но, увидавъ, что принялъ вошедшаго за другого, присовокупилъ съ грустью: — Ахъ, это ты, Небогатый!.. Чтожъ нейдетъ Аѳоня?.. Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?

— Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то, что глазомъ, — сказалъ дьякъ Дмитрія, Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и, между тѣмъ, строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ стеречь внука. (Надо знать, что въ это время онъ же, за болѣзнію Дмитріева *казначея и постельничаго*, исполнялъ ихъ должность. Честь честью князю, хоть и заключенному!..) — Успокойся, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой! Ужъ, конечно, скоро придетъ нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь,

хилъ становится, худо видитъ, такъ бредетъ себѣ ощупью. А ты, покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ; я подамъ тебѣ твой ларецъ.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки, его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка, сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ къ себѣ на колѣна и отперъ его ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу, одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключенныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками, или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (перстни) яхонтовыя и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, запонки драгоцѣнныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія и лалы въ горсть, пускалъ ихъ будто дождь, сквозь пальцы, тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя, — и вдругъ, послышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лицо его просіяло.

— Это Аѳоня! — молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели.

— Запри, Дмитрій Ивановичъ! — сказалъ съ твердостью Небогатый, — безъ того не приму.

Проворно щелкнулъ ключъ въ ларцѣ; дверь отворилась, и вошелъ въ избу тюремную старичекъ небольшого роста, сгорбившійся подъ ношею лѣтъ; ими золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ гла-

зомъ вѣчную занавѣску; зато другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоцѣнный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣе отца нѣжнолюбимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ очахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, стряхалъ съ него порошинки снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели. А гость былъ не иной кто, какъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными имъ на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ, сверхъ того, умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого въ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему позволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича (котораго, однакожъ, запрещено было называть великимъ княземъ). Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ дорогъ для него. Чтожъ давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, какія оставались у него въ свѣтѣ, — и эту награду тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костяного ларца, но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ — его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими не воленъ.

Вчера Аѳанасій Никитинъ началъ современную ему

повѣсть о *Ньмчинѣ*, прозванномъ *«басурманомъ»*. Нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣсня соловушки, котораго можно заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разсказчику; рдѣли щеки его, и нерѣдко струились по нимъ слезы. Далеко, очень далеко уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только повременамъ грубая брань сторожей за перегородкой напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, уписывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳанасія Никитина: *«Сказаніе о нѣкоемъ Ньмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ»*.

Вдругъ, среди разсказа, вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя:

— Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу, — сказалъ онъ торопливо, — онъ сильно воспечаловался о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай.

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому платку, пробѣжала какая-то дума; она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная!.. Свобода... вѣнецъ... народъ... милости... можетъ быть, и казнь... чего не было въ ней? Узникъ-дитя, только-что игравшій цвѣтными камушками, сталъ великимъ княземъ всея Руси!

Іоаннъ — еще земной властитель на смертномъ одрѣ; еще смерть не сковала устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство и котораго при-

вели изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя.

— Сталось... дѣдъ умеръ! — подумалъ онъ, и сердце его упало, шаги запнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворцѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, состраданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные разсчеты, называемые нынѣ политикою, такъ же какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда, такъ же какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою Провидѣнія.

Разсчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ; плачъ и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними:

— Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ... за тобой послано ужъ не малое время... Иванъ Васильевичъ еще живъ... Благослови тебя Господь на великокняженіе!

Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но когда ему надо было вступить въ *постельную хоромину*, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу...

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди.

— Сюда... ко мнѣ, Дмитрій!.. милый внукъ мой!..— сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ.

Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣна, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ задыхающимся голосомъ:

— Я согрѣшилъ передъ Богомъ и тобою... Прости мнѣ... прости... Господь и я вѣнчали тебя... будь... мо... имъ...

Лицо Василія Іоанновича искосило завистью и страхомъ.

Еще одно слово.

Но смерть стояла тутъ на сторонѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ его, назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои.

Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели... опять въ темницу.

Тамъ, на его постели, отдыхалъ Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведника. Выплакавъ свое горе, прилегъ подъ бокъ къ старцу и злополучный Дмитрій. Царевичъ и убогій тутъ уравнялись. Одному снились въ эту ночь

столы великокняжескіе и пышный вѣнецъ, горящій, какъ жаръ, на головѣ его, и пріемы пословъ чужеземныхъ, и смотръ многочисленной рати; другому — гостепріимная пальма и ручей въ степяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый, и какъ изумился онъ, увидавъ подлѣ себя царевича! Грустно покачалъ онъ сѣдою головой, прослезился, и только-что началъ благословлять его, какъ послышалъ веселый, отважный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: «молодцы!.. на татаръ!.. на Литву!..»

И вслѣдъ за тѣмъ пробудился княжичъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя, и потомъ, упавъ на грудь Аѳони, залился слезами:

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось...

Скоро и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ, стало казаться ему соннымъ видѣніемъ. Только, припоминая себѣ этотъ тяжкій сонъ, онъ чувствовалъ на челѣ своемъ ледяную печать, которую наложили на него уста вѣнценоснаго мертвеца.

Пришла зима; все было въ *черной* избѣ попрежнему. Перемѣнились однѣ декораціи: утихъ однообразный шумъ капели, исчезла и свѣтлая точка на пузырѣ одинокаго окна; вмѣсто ихъ серебряная кора облѣпила углы стѣнъ и пазы потолка; а свѣтлую точку, сквозь которую узникъ видѣлъ небо съ его солнышкомъ и вольныхъ птичекъ, покрыла тяжелая заплатка. Но Аѳоня попрежнему навѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ свою повѣсть о нѣмцѣ, котораго называли «Басурманомъ», и дописецъ Небогатый, передавъ ее исправно бумагѣ, положилъ свитокъ въ кованый сундукъ—внукамъ на потѣшеніе.

Прошло года три съ небольшимъ.

Вѣнчаннаго узника не стало въ тюрьмѣ, и Аѳанасія Никитина не видать уже было въ ней. Знать, Дмитрія Іоанновича выпустили на свободу?.. Да, Господь освободилъ его отъ всѣхъ земныхъ узъ. Вотъ что пишетъ лѣтописецъ:

«1509 года, 14-го февраля, преставился великой князь Дмитрій Іоанновичъ въ нужѣ, въ тюрьмѣ».

Герберштейнъ прибавилъ:

«Думаютъ, что онъ умеръ отъ холода или отъ голода, или задохнулся отъ дыма».

Этотъ прологъ требуетъ объясненія.

Вотъ оно.

Въ 1834 году, въ С.....мъ уѣздѣ продано было помѣстье одного изъ вельможъ екатерининскихъ. Богатая старинная библіотека, въ которой (такъ сказали мнѣ люди, достойные вѣры) находились историческія сокровища, распродана была кому попало. Пріѣхавъ на мѣсто, бросаюсь къ добычникамъ, чтобы силою золота исхитить у нихъ какую-нибудь непонятную рѣдкость. Надежда тщетная! я опоздалъ. Большая часть библіотеки—говорятъ мнѣ въ утѣшеніе—досталась ст.....му мяснику, который допродаетъ книги кипами, на вѣсъ [1]). Спѣшу къ нему, и получаю отвѣтъ, что все уже разобрано.

— Вотъ остатки, — промолвилъ онъ, указывая на

---

[1]) Совершенная правда! Даже въ Москвѣ объ этомъ знали библіоманы, и просили меня развѣдать, не сыщется ли какая историческая рѣдкость у мясника.

книжную рухлядь и полуистлѣвшіе столбцы, — посмотрите, не выберете ли себѣ чего?

Съ жадностью и трепетомъ принимаюсь за работу; погружаюсь въ пыль и ветошь бумажную... Тутъ ничего, тамъ столько же, далѣе вздоръ! Опять за розыски... опять утопаю въ нихъ... Время летитъ. Мясникъ поглядываетъ на меня, какъ на сумасшедшаго... Наконецъ (о, буди благословенно жилище его!) развертываю одинъ полуистлѣвшій столбецъ, пригнетенный сильными изъ книжнаго царства въ самый уголъ кладовой. Заглавіе очень заманчиво: «*Сказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ*». Читаю текстъ — сокровище! Перебираю больные листы съ осторожностью врача — въ сердцѣ столбца итальянская рукопись... Въ ней все тѣ же имена, какъ и въ русской, съ прибавкою нѣсколькихъ новыхъ, большею частію иностранныхъ; герой повѣсти одинъ и тотъ же. Видно, писано человѣкомъ близкимъ къ нему: разсказъ дышитъ особенною къ нему любовью и возвышенными чувствами. На заглавномъ листѣ стоитъ только: «*Памяти моего друга Антоніо*». Это успѣлъ я наскоро разсмотрѣть въ чудномъ архивѣ мясника. Не могу скрыть восторга, и въ жару предлагаю бородатому Лавока самую пригожую, любую Іо изъ своего стада. Торгъ разомъ слаженъ; привожу столбецъ домой, дрожа за хилую жизнь его. Разбираю листы русской хартіи, какъ лепестки дорогого цвѣтка, готоваго облетѣть Едва-едва успѣваю спасти отъ разрушенія половину ея. Итальянская рукопись болѣе уцѣлѣла. Изъ нихъ-то составилъ я «*Повѣсть о басурманѣ*», пополнивъ изъ исторіи промежутки, сдѣланные разрушительнымъ временемъ.

— «Уловки романиста! — скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей и читательницъ, — уловки, чтобы заинтересовать насъ къ своему произведенію!

Вѣрьте или нѣтъ, мой почтеннѣйшій, и вы, любезнѣйшая изъ любезнѣйшихъ, а можетъ статься и прекраснѣйшая, говорите, если вамъ угодно, что я написалъ это предисловіе именно съ цѣлію представить картину Москвы, обновленной и украшенной великимъ Іоанномъ, — картину, которая не могла попасть въ мой романъ: возражать не буду. Говорите, что я это сдѣлалъ, желая помѣстить хоть гдѣ-нибудь романическое, интересное лицо Дмитрія Іоанновича, которое не могло быть поставлено на первомъ планѣ романа, занятомъ ужъ другимъ лицомъ, а на второмъ планѣ не умѣщалось; прибавьте, что я, вслѣдствіе всѣхъ этихъ потребностей, придумалъ и находку рукописей; говорите что вамъ угодно: очныхъ ставокъ дѣлать не могу, доказывать на бумагѣ справедливость моихъ показаній не въ состояніи, и потому, виноватый безъ вины, готовъ терпѣть ваше осужденіе. Чтожъ дѣлать? сказочникамъ не въ первый разъ достается за обманъ. Кажется, было кѣмъ-то говорено: лишь бы обманъ былъ похожъ на истину и нравился, такъ и повѣсть хороша; а розыски исторической полиціи здѣсь не у мѣста. Не оправдываюсь также въ двухъ, трехъ анахронизмахъ годовъ, или времени года, или мѣсяцевъ, сдѣланныхъ, когда я пополнялъ промежутки въ рукописяхъ. Они умышленны: легко это замѣтить. Указывать на нихъ въ выноскахъ почелъ я лишнимъ: стоитъ развернуть любую исторію русскую, чтобы найти, напримѣръ, что покореніе Твери случилось осенью, а

не лѣтомъ, что то и то случилось не въ одномъ году, что наказаніе еретиковъ было въ Новгородѣ, а не въ Москвѣ. Предоставляю дѣтямъ отыскивать эти вольныя и невольныя погрѣшности. Такихъ анахронизмовъ (замѣтьте: не обычаевъ, не характера времени) никогда не вмѣню въ преступленіе историческому романисту. Онъ долженъ слѣдовать болѣе поэзіи исторіи, нежели хронологіи ея. Его дѣло не быть рабомъ чиселъ: онъ долженъ быть только вѣренъ характеру эпохи и двигателя ея, которыхъ взялся изобразить. Не его дѣло перебирать всю меледу, пересчитывать труженнически всѣ звѣнья въ цѣпи этой эпохи и жизни этого двигателя: на это есть историки и біографы. Миссія историческаго романиста — выбрать изъ нихъ самыя блестящія, самыя занимательныя событія, которыя вяжутся съ главнымъ лицомъ его разсказа, и совокупить ихъ въ одинъ поэтическій моментъ своего романа. Нужно ли говорить, что этотъ моментъ долженъ быть проникнутъ идеей?.. Такъ понимаю я обязанности историческаго романиста. Исполнилъ ли я ихъ — это дѣло другое.

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЪ БОГЕМІИ

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелѣяло
Чадо милое отъ матери.
Осталася родимая
На крутомъ, красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое...»

Старинная пѣсня.

Знаете ли, гдѣ Бѣлая гора? — Не знаете, такъ я вамъ скажу: это въ Богеміи, близъ границъ саксонскихъ. Сюда поведу васъ теперь.

Вотъ, неподалеку отъ этой горы, сквозь мракъ черной, осенней ночи, мерещется на берегу Эльбы башня, омытая дождемъ. Вотъ, въ двухъ щеляхъ, которыя называются окнами, засверкалъ огонекъ, освѣтилъ смиренное зданіе и невѣрно протянулъ его въ рѣку. Волчья ночь! ни искорки на небѣ, ни отрадной бѣловатой полосы, обѣщающей утро. Мраку нѣтъ гра-

ницъ: кажется, и ночи этой не будетъ конца. Вѣтеръ, будто злой духъ, рвется въ башню; его завываніямъ вторитъ вой волковъ въ ближнемъ кустарникѣ. Рѣка, разстроенная въ своемъ теченіи, опрокинулась поперекъ, осадила положеніе башни и силится захлеснуть ее полою своихъ валовъ.

Въ башнѣ все тихо; сквозь рѣшетку и слюду оконъ едва слышится голосъ вѣтра, наигрывающій свои грустныя фантазіи. Огромная комната освѣщена пылающимъ въ очагѣ костромъ. Вездѣ замѣтна простота и даже бѣдность. Украшеніемъ служатъ только рога оленей и нѣсколько оружій, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Противъ огня, опрокинувшись назадъ на спинку креселъ, дремлетъ восковое лицо старушки; очеркъ его, пощаженный временемъ, говоритъ еще, что она была смолоду красавица, несмотря на темныя, мѣстами, пятна, которыя, вѣроятно, болѣзнь оставила на немъ. Изрѣдка печальныя думы перебѣгаютъ по этому лицу; чаще проникнуто оно грустью, и вы, не видя на немъ слезъ, сказали бы, что душа ея вся въ слезахъ. Старушка должна быть хозяйка башни, которую называли нѣкогда замкомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея старикъ сѣдовласый, высокій, худощавый — служитель, оруженосецъ или кастелянъ. Смотря на него, дѣлаешься добрѣе, благочестивѣе, становишься ближе къ небу. Гдѣ такіе старики въ домѣ, тамъ, полагать можно, благословеніе Божье. То, сидя на треножной скамейкѣ, онъ борется со сномъ и, повременамъ, побѣжденный имъ, ныряетъ головой, то подходитъ на цыпочкахъ къ очагу, чтобы поправить въ немъ огонь, то вслушивается къ сторонѣ двери. Посреди этой воплощенной зимы палъ цвѣтокъ, только-что распу-

стившійся: дѣвушка лѣтъ шестнадцати — по одеждѣ ея, по мѣсту, которое занимаетъ въ углубленіи комнаты, должно принять ее за служанку. Она сидитъ на низенькой скамейкѣ, за пряжею, вся убранная пылающимъ огнемъ. На пригожемъ лицѣ ея тоже замѣтна тревога. Взоры нерѣдко допрашиваютъ дверь; при малѣйшемъ стукѣ за нею, руки судорожно вздрагиваютъ и перестаютъ прясть. Все тихо въ башнѣ; только слышно, какъ жужжитъ веретено въ нетерпѣливыхъ рукахъ дѣвушки, какъ вѣтеръ жалобно просится въ окно.

Ночь, а не спятъ обитатели бѣднаго замка! Видно, кого-то поджидаютъ.

Раздался звукъ рога, и тотъ перехваченъ вѣтромъ. Никто не слыхалъ кромѣ дѣвушки.

— Батюшка! — сказала она, порвавъ свою прядь, — Якубекъ пріѣхалъ.

И служитель привсталъ во всю высоту свою.

И старушка, отдѣливъ голову отъ спинки креселъ, обратила къ нему взоры, исполненные слезъ.

Все въ комнатѣ стало ожиданіе.

Опять заигралъ рогъ, но рѣзче и живѣе прежняго, и на этотъ разъ взялъ верхъ надъ неугомонною стихіей.

На всѣхъ лицахъ означилась душевная тревога; грудь дѣвушки заволновалась.

— Чтожъ не посвѣтишь ему, Янъ? — сказала старушка.

— Остолбенѣлъ отъ радости, госпожа баронесса! — отвѣчалъ служитель, и спѣшилъ поднесть къ огню свѣтильню желѣзной лампы, налитой жиромъ, которую успѣла подать ему дѣвушка.

Но пріѣзжій, видно, былъ не мѣшокъ: дверь отворилась, и вошелъ въ комнату малый, лѣтъ двадцати, пригожій и проворный. Взглядъ любви на дѣвушку, поклонъ баронессѣ Эренштейнъ (такъ звали владѣтельницу бѣднаго замка), мокрую шляпу и большія рукавицы съ раструбами въ ноги къ своей любезной, рогъ съ плечъ долой, и началъ разстегивать лосиную броню, ограждавшую грудь его.

— Все ли здорово, нашъ малый? — спросила баронесса дрожащимъ голосомъ, и еслибъ не боялась унизить свое рожденіе, готова была броситься на шею вѣстнику.

— Слава Богу, милостивая госпожа, слава Богу! Поклоновъ отъ молодого господина нѣсть числа, — отвѣчалъ пріѣзжій. — Только ночь, хоть глаза выколи: ѣдешь, ѣдешь и наѣдешь на сукъ иль на пень. А нечистыхъ не оберешься на перекресткѣ у Бѣлой горы, гдѣ недавно убаюкали проѣзжихъ: такъ и норовятъ на крестецъ лошади, да вскачь съ тобою. Одинъ загналъ было меня прямо въ Эльбу.

Старый служитель покачалъ головой, давая ему знать, что онъ болтаетъ вздоръ.

— Ты прочелъ бы молитву Пресвятой Лоретской Дѣвѣ, — перебила баронесса.

— Молитвами Богородицы и спасся я отъ купанья... Когда бы не вашъ приказъ скакать сюда, лишь провожу молодого господина, да... — тутъ онъ умильно взглянулъ на дѣвушку, — да не усердіе обрадовать вѣсточкою о немъ, такъ ночевалъ бы въ послѣдней деревнѣ. А дождь, дождь такъ и лилъ, какъ изъ кадушки.

— Бѣдный Якубекъ! ты, чай, промокъ насквозь, —

сказала баронесса. — Погрѣйся у огня, — хотѣла она примолвить, но, увидѣвъ, что онъ вытащилъ изъ-за пазухи бумагу, исправно сложенную и перевязанную крестъ-на-крестъ зеленымъ шнуркомъ за восковою печатью, едва могла произнести: — письмо отъ *него!*

Дрожащими руками схватила она посланіе и прижала къ изсохшей груди: потомъ посмотрѣла на него, любовалась имъ и спрятала на груди, ощупывая, хорошо ли ему тутъ будетъ.

Почему жъ не спѣшила прочесть драгоцѣнное посланіе?

Потому... потому-что баронесса не умѣла читать (замѣтьте, это было къ концу XV вѣка).

Якубекъ съ радостнымъ видомъ вручилъ еще своей госпожѣ кошелекъ, туго набитый; за нимъ-то онъ такъ много хлопоталъ около себя.

— Такой добрый молодой господинъ, — сказалъ онъ, отдавая это бремя, — по всему видно было, боялся не столько за деньги, сколько за меня. Такой добрый! А не дастъ себѣ на ногу наступить. Видно, рыцарская кровь поговариваетъ въ немъ, даромъ лек...

Тутъ Янъ не выдержалъ и съ сердцемъ дернулъ разсказчика за рукавъ, такъ что тотъ закусилъ себѣ языкъ. Между тѣмъ баронесса держала кошелекъ и, смотря на него, плакала. Какую ужасную повѣсть прочли бы въ этихъ слезахъ, если бы перевесть ихъ на языкъ! Потомъ, какъ бы одумавшись, отерла слезы и начала разспрашивать Якубка, какъ доѣхалъ до Липецка сынъ ея (о немъ-то были всѣ заботы), что тамъ дѣлалъ, какъ, съ кѣмъ отправился въ путь.

Этихъ спросовъ только дожидался Якубекъ, чтобы почесать языкъ.

— Ѣхали мы по-добру, по-здорову, — началъ онъ такъ, — только въ одномъ бору, частомъ и темномъ, какъ черная щетина, выставили было молодцы бѣлки своихъ глазъ, да мы были людны, сами зубасты, и показали имъ одни хвосты нашихъ коней. Да еще...

Встревоженная баронесса стала со страхомъ прислушиваться.

— Въ одной гостиницѣ... проклятая хозяйка, еще и молодая! подала намъ ветчины... повѣрите ли, милостивая госпожа, ржавчины на ней, какъ на старомъ оружіи, что лежитъ въ кладовой. Молодой господинъ не ѣлъ, проглотилъ кусочекъ сухаря, обмочивъ его въ воду; а меня дернуло покуситься на ветчину... такъ и теперь отъ одного помышленія...

— Говори дѣло, Якубекъ! — перебилъ сердито старый служитель, — коли станешь молоть всякій вздоръ, такъ рѣчи твоей не будетъ конца, какъ Дунаю.

— Пускай малый говоритъ себѣ, что вздумаетъ, — сказала баронесса, для которой и малѣйшія подробности путешествія были занимательны.

— Спасибо, господинъ Яне! — произнесъ смущенный разсказчикъ, отвѣсивъ поклонъ старому служителю: — поправили во-время деревенщину. Вотъ видите, вы живали при покойномъ баронѣ...

При словѣ «покойномъ» легкое содроганіе означилось на губахъ баронессы.

— Живали въ большихъ городахъ, видали императора и церковь святого Стефана, такъ слова даромъ не пророните, все равно что розенобель. А мы отродясь впервой выѣхали въ Липецкъ... ахти, что за городъ! — (тутъ, опомнясь, онъ кивнулъ головой и замахалъ рукою, какъ будто отгонялъ мухъ) — сыплемъ себѣ глупыя рѣчи,

словно мѣдные шеллехи. Вотъ видите, добрая госпожа!— продолжалъ онъ, обратясь къ старушкѣ, — ѣхали мы благополучно. Только дорогой его милость все скучалъ объ васъ, то и дѣло наказывалъ мнѣ и просилъ: «смотри, Якубекъ, служите вѣрно, усердно матушкѣ, какъ дѣти ея. Разбогатѣю — не забуду васъ. Объ Янѣ не безпокоюсь,—молвилъ онъ,—старикъ положитъ за нее душу свою. (Слеза блеснула на рѣсницѣ старика, между тѣмъ какъ улыбка судорожно промелькнула на губахъ). Но вы молоды...» Онъ говорилъ мнѣ все: *вы*, навѣрно, разумѣлъ тутъ и... гмъ! коли позволишь, господинъ Яне, сказать...

Тутъ онъ поклонился, взглянувъ очень умильно на дѣвушку. Покраснѣвъ, какъ пунцовый макъ, она что-то пошарила около себя и вышла будто за тѣмъ, чего не нашла.

— Я разгадаю эту загадку, — молвила баронесса ласковымъ голосомъ,—Антонъ разумѣлъ тутъ и Любушу.

— Добрый молодой господинъ! — продолжалъ парень,—обо мнѣ не забылъ... И по дорогѣ къ Липецку, и какъ отъѣзжать изволилъ, наказывалъ мнѣ строго-на-строго: «не забудь, Якубекъ, смотри, скажите матушкѣ, я обѣщалъ женить васъ... Матушка и добрый нашъ Янъ, вѣрно, не откажутъ мнѣ...»

— Я въ душѣ давно благословила васъ, мои друзья. Что скажетъ отецъ?

— Сына у меня нѣтъ, такъ ты будешь мнѣ сыномъ, — произнесъ старикъ. — Только благословенія не дамъ, пока не доскажешь вѣстей о молодомъ господинѣ безъ прибавокъ о себѣ.

Якубекъ едва не прыгалъ отъ радости, осмѣлился поцѣловать руку у баронессы, поцѣловалъ въ плечо

своего будущаго тестя; потомъ, принявъ степенный видъ, будто взошелъ на каѳедру, повелъ свой разсказъ о молодомъ Эренштейнѣ.

— Въ Липецкѣ насъ только и дожидались... насъ? то-есть, его милость, хотѣлъ я сказать... Въѣхали мы въ домъ. Господи! думалъ я, уже не самъ ли король королей тутъ живетъ! Десять башенъ поставь рядомъ, развѣ выйдетъ такой домъ: посмотришь на трубы, шапка валится, а войдешь въ него — запутаешься, какъ въ незнакомомъ лѣсу. Комнаты были готовы. Тотчасъ же пришелъ къ господину Антону посолъ московитскій, подалъ ему руку и говорилъ очень, очень ласково; и что государь его будетъ весьма радъ молодому нашему господину, что будетъ содержать его въ великой чести, милости и богатствѣ. Диву дался я! Господинъ ничего почти не понималъ изъ рѣчей посла; переводилъ ему все какой-то италіянецъ, живавшій ужъ въ Московіи. А я, такъ и нижешь каждое словечко, будто на нитку, рѣдкое проронилъ, развѣ ужъ какое мудреное, не по-нашему сказано. Посолъ, ни дать ни взять, по-чешски говоритъ. Гадалъ я сначала, не по-чешски ли выучился. Анъ нѣтъ, и слуга его такъ говоритъ; вишь это такъ по-московски. Посолъ молодому господину самъ молвилъ: чехи съ москвитами были одной матери дѣтки, да потомъ войнами разбиты врозь. Этакъ, думалъ я, легко и мнѣ махнуть въ переводчики...

— Ты забылъ, — перебилъ смѣясь Янъ, — вѣдь переводчику надо разумѣть и по-таковски, по-каковски говоритъ тотъ, для кого переводишь... Понимаешь?

— И впрямь! Экой я простякъ!.. Вотъ, примѣрно сказать, быкъ съ бараномъ хотѣли бъ кой о чемъ по

реговорить другъ съ другомъ; по-бараньи-то понимаю, и баранъ меня, а по-быковски не знаю, и станешь втупикъ.

Невольно улыбнулась баронесса при этомъ сравненіи.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ Янъ, — только договаривай о молодомъ господинѣ, а то разомъ залетишь за какой-нибудь вороной подъ небеса.

— Не заботьтесь, господинъ Яне, хоть и глазѣю по сторонамъ, а все-таки держусь крѣпко за полы молодого барона.

— Ужъ не вздумалъ ли дорогой называть Антона барономъ? — сказала старушка съ видомъ встревоженнымъ, — тебѣ это строго запрещено.

— Не хочу солгать, милостивая госпожа! Только разъ согрѣшилъ, нечаянно ослушался, сорвалось съ языка. Зато мигомъ оправился: «не подумайте, молвилъ я ему, что васъ называю барономъ потому, что вы баронъ; а этакъ у насъ чехи и дейтчи называютъ всѣхъ своихъ господъ, такъ и я за ними туда жъ по привычкѣ... Вотъ этакъ мы все честимъ и вашу матушку, любя ее». Нѣтъ! я себѣ на умѣ! Какъ впросакъ попаду, такъ другого не позову вытащить.

— Спасибо, Якубекъ! Ну, что-жъ съ вами было въ Липецкѣ?

— Вотъ нанесли отъ посла молодому господину шкуръ звѣриныхъ, московитскихъ: все куницы да бѣлки, и наклали въ горницѣ цѣлую гору. «Это все отъ великаго князя въ задатокъ», сказалъ переводчикъ. Куда намъ это! не успѣлъ, кажись, вымолвить господинъ мой, какъ налетѣли купцы, словно голодные волки, послышавъ мертвое тѣло, и начали торговаться.

Разомъ наклали кучку серебра и золота на столъ, да шкурки и унесли. Только вамъ изволилъ молодой господинъ прислать съ десятокъ куницъ, да мнѣ пожаловалъ бѣлочекъ съ десятокъ. — «Невѣстѣ твоей, молвилъ онъ, на зимній нарядъ». Тутъ пришелъ къ нему извозчикъ, что повезъ его, еврей...

— Еврей!.. — воскликнула баронесса, всплеснувъ руками и поднявъ глаза къ небу. — Мати Божья! храни его подъ милостивымъ покровомъ своимъ! Ангелы Господни! отгоните отъ него всякую недобрую силу!

— Я самъ было испугался, что поганый жидокъ повезетъ молодого господина; да какъ дѣло распуталось, такъ и у меня на груди стало легче. Извозчикъ, лишь увидалъ его, бросился цѣловать полы его епанчи. — «Ты мой благодѣтель, спаситель!» — говорилъ онъ. — «Помнишь, какъ въ Прагѣ школьники затравили было меня огромными собаками? Впились ужъ въ меня на смерть; а ты бросился на нихъ, повалилъ ихъ замертво кинжаломъ, да и школьниковъ поколотилъ. Никогда не забуду твоего добра; пускай тогда забудетъ меня Богъ Іакова и Богъ Авраама! Въ Москвѣ у меня много пріятелей, сильныхъ, знатныхъ людей: молви мнѣ лишь слово, къ твоимъ услугамъ! Нужно ли тебѣ денегъ? — скажи: Захарій, мнѣ надо столько и столько, и я принесу тебѣ ихъ во тьмѣ ночной, затаю свои шаги, свое дыханіе, чтобы не видали, не слыхали, что ты получаешь ихъ отъ жида». — Ничего не понималъ я изъ его рѣчи, только видѣлъ — еврей бьетъ себя въ грудь, и чуть не плачетъ, и опять примется цѣловать полы господской епанчи. А все это перевелъ мнѣ послѣ молодой господинъ, чтобы я вамъ пересказалъ слово-въ-слово. «Матушкѣ будетъ легче, если она

то провѣдаетъ», — молвилъ онъ: — «Захарію вѣрю; онъ меня не обманетъ. Да и посолъ за него ручается: онъ-де то-и-дѣло бываетъ въ Москвѣ и всѣ знаютъ его тамъ за честнаго человѣка. Съ нимъ и писать можно къ матушкѣ». Наконецъ собрались въ дорогу. Ѣхало ихъ много: тутъ были разные мастеровые... (легкая краска набѣжала на лицо баронессы) — и тѣ, что льютъ всякое дѣло изъ мѣди, и такіе, что строятъ каменныя палаты и церкви, — и не перечтешь всѣхъ, какіе были. Размѣстились по повозкамъ. Я проводилъ господина за городъ. И сталъ онъ мнѣ опять наказывать служить вамъ вѣрно, усердно, какъ бы онъ самъ служилъ вамъ, и сто разъ повторялъ это. За городомъ остановилась его повозка. Тутъ простился со мною; не почуждался обнять меня. — «Приведетъ ли Богъ увидѣться!» — молвилъ онъ, и заплакалъ. Послѣднее слово его все было объ васъ... Повозка тронулась, а онъ все стоялъ на передкѣ, и долго кивалъ мнѣ и махалъ рукою, будто просилъ передать вамъ его поклоны. Я не трогался съ мѣста, а онъ, мой голубчикъ, дальше и дальше, и скрылся, словно канулъ на дно... Отъ сердца что-то оторвало... Хотѣлъ бы воротить его, хотѣлъ бы еще разъ поцѣловать его руки; не тутъ-то было... Когда бы не вы да не Любуша, воля Господня! не удержали бы меня здѣсь...

Якубекъ не могъ болѣе сказать слова: горькія слезы мѣшали ему говорить; рыдала мать, плакалъ и старый служитель.

Всѣ трое, казалось, пришли съ похоронъ родного. Долго не ложились спать обитатели замка и почти всю ночь проговорили о молодомъ Эренштейнѣ. Наконецъ баронесса ушла въ свою почивальню, наказавъ Яну

позвать къ ней завтра отца Лаврентія. Это былъ діаконъ сосѣдняго моравскаго братства [1]), довѣренный чтецъ ея корреспонденціи.

И завтра пришло, и отецъ Лаврентій прочелъ баронессѣ слѣдующее письмо отъ ея сына.

«Дражайшая матушка, поспѣшаю увѣдомить тебя, что я благополучно прибылъ въ Липецкъ. Я здоровъ и доволенъ, сколько можетъ быть доволенъ сынъ, удаленный отъ матери, которую нѣжно любитъ. Не пеняй на мечтателя, что онъ покинулъ тебя: любовь къ наукѣ и ближнимъ и вмѣстѣ возможность быть тебѣ полезнымъ — рѣшили меня на такое дѣло. Ты сама благословила меня на него, добрая, милая матушка!

«Въ Липецкѣ ожидалъ ужъ насъ посолъ русскій: онъ не обманулъ меня и доставилъ мнѣ на первый разъ значительную сумму, которую получишь съ Якубомъ. Только для тебя дорожу деньгами: ими могу успокоить твою старость. Милости короля московитскаго, которыми посолъ обнадеживаетъ, дадутъ мнѣ средства и впредь быть тебѣ полезнымъ.

«Съ какимъ удовольствіемъ услышалъ я первые звуки языка московскаго или, какъ называютъ иначе, русскаго, еще съ большимъ удовольствіемъ, когда узналъ, что онъ нашему языку родной! Кое-что и теперь понимаю изъ разговора посла, съ которымъ ѣду. Жалѣю, что я по-чешски не знаю болѣе. Надѣюсь, по пріѣздѣ въ Москву, скоро выучиться говорить по-

---

[1]) Г. Булгаринъ посмѣивался надъ словомъ *діаконъ*, увѣряя, что этого званія не существуетъ у моравскихъ братьевъ. Отвѣтомъ моимъ да будетъ статья въ Энцикл. Словарѣ: *Братство*, и послѣ прочтенія ея, да будетъ ему стыдно, что онъ смѣется надъ своимъ незнаніемъ.

русски: это заставитъ моихъ новыхъ знакомцевъ скорѣй полюбить меня; а я ужъ и теперь люблю ихъ, какъ единоплеменниковъ.

«О чемъ Якубекъ тебя попроситъ, сдѣлай это для меня и для него.

«Дорожа твоимъ родительскимъ благословеніемъ выше всего, отправлюсь съ нимъ въ дальнѣйшій путь: оно вмѣстѣ съ тобою тутъ, у сердца моего. Цѣлую сто разъ твои руки, твой послушнѣйшій сынъ

«Антонъ Эренштейнъ».

Отецъ Лаврентій нѣсколько разъ вынужденъ былъ перечитывать письмо; всякій разъ было оно орошено слезами и спрятано у сердца матери.

Первые дни разлуки были для нея убійственны. Вездѣ бродила она по слѣдамъ милаго сына, воображая гдѣ-нибудь его встрѣтить. Вещи, имъ оставленныя, перебирала съ какимъ-то благоговѣніемъ. Запрещено было садиться на стулъ, на которомъ Антонъ обыкновенно сиживалъ во время стола, или сдвигать его съ мѣста. Этого не позволяли даже и отцу Лаврентію. Цвѣтокъ, сорванный Антономъ въ послѣдній день его отъѣзда, вложенъ, какъ святыня, въ листъ рукописной библіи, на которомъ онъ остановилъ свое чтеніе. И въ комнатѣ его все осталось въ томъ видѣ, въ какомъ было при немъ. Часто старушка мать ходили въ нее тайкомъ и плакала, сидя на кровати милаго странника. Ни одной жалобы къ небу, ни одного упрека: только молитвами объ его здоровьѣ и благополучіи денно и ночно провожала его.

А странникъ все далѣе и далѣе. Еще долго видѣлъ онъ голубое небо своей родины, въ которое душѣ

такъ хорошо было погружаться, горы и утесы, на немъ своенравно вырѣзанные, серебряную нить разгульной Эльбы, пирамидальные тополи, стоявшіе на стражѣ берега, и цвѣтущія кисти черешни, которыя дерзко ломились въ окно его комнаты. Еще чаще видѣлъ онъ во снѣ и на яву дрожащую, изсохшую руку матери, поднятую на него съ благословеніемъ.

Мы узнали, что Антонъ — сынъ баронессы Эренштейнъ. Скажемъ еще болѣе: отецъ его живъ, богатъ, знатенъ, занимаетъ важную должность при императорѣ Фридрихѣ III; но въ замкѣ богемскомъ знаютъ эту тайну баронесса да старый Янъ, — никто болѣе. Прочіе жители башни, самъ Антонъ, почитаютъ его умершимъ. Но для чего это? Зачѣмъ, въ какомъ званіи ѣхалъ молодой Эренштейнъ на Русь?

Антонъ былъ лекарь.

Сынъ барона, и лекарь?.. Странно, чудно! какъ согласить съ его настоящимъ званіемъ гордость тогдашняго нѣмецкаго дворянства? Чтобы судить, каково было сердцу баронскому терпѣть это, надо вспомнить, что лекаря были тогда, большею частію, жиды, эти отчужденцы человѣчества, эти всемірные паріи. Въ наше время, и то очень недавно, въ земляхъ просвѣщенныхъ, стали говорить объ нихъ, какъ о человѣкахъ, стали давать имъ осѣдлый уголокъ въ семьѣ гражданской. Какъ же смотрѣли на нихъ въ XV вѣкѣ, когда была учреждена инквизиція, жарившая ихъ и мавровъ тысячами? Когда самихъ христіанъ жгли, четверили, душили, какъ собакъ, за то, что они смѣли быть христіанами по разумѣнію Виклефа и Гусса, а не по наказу Пія или Сикста? Власти преслѣдовали жидовъ огнемъ, мечомъ и проклятіями; народъ, осте-

рвененный противъ нихъ слухами, что они похищаютъ дѣтей и въ день Пасхи пьютъ кровь, вымещалъ на нихъ за одно вымышленное злодѣяніе сторицею настоящихъ. Думали, — воздухъ, свѣтъ Божій заражены ихъ дыханіемъ, ихъ нечистымъ глазомъ, и спѣшили лишать ихъ воздуха, свѣта Божьяго. Палачи, вооруженные клещами и бритвами, еще до мѣста казни сдирали и рвали съ нихъ кожу и потомъ, уже изуродованныхъ, бросали въ огонь; зрители, не дождавшись, чтобы они сгорѣли, вырывали ужасные остатки изъ костра и влачили по улицамъ человѣческіе лоскутья, кровавые и почернѣвшіе, ругаясь надъ ними. Чтобы хоть нѣсколько продлить свое существованіе, жиды брались за самыя трудныя должности: изъ огня кидались въ полымя. Должность лекаря была одною изъ опаснѣйшихъ. Разумѣется, большая часть этихъ невольныхъ врачей морочила людей своими мнимыми знаніями; зато съ лихвою отплачивались имъ обманы ихъ или невѣжество. Отправлялся ли паціентъ на тотъ свѣтъ, отправляли съ нимъ и лекаря. Нуженъ ли примѣръ? Вотъ одинъ довольно громкій. Врачъ Петръ Леони, изъ Сполетты, истощивъ всѣ средства свои надъ угасающимъ Лаврентіемъ Медичисомъ, далъ ему наконецъ порошокъ изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ камней. Это не помогло: великолѣпный Лаврентій отправился безъ возврата туда, куда отправляются и не великолѣпные. Чтожъ съ Леономъ? Друзья покоійника недолго думали: убили тотчасъ врача, или, какъ говорятъ другіе, мучили его такъ, что онъ самъ бросился въ колодецъ, избѣгая новыхъ пытокъ. Сколько же такихъ мучениковъ погибло въ безвѣстности, неудостоенныхъ помина лѣтописцевъ! Послѣ всего этого,

надо было не-жиду большое самоотверженіе, чтобы, для пользы науки и человѣчества, посвятить себя во врачи.

Судите, что чувствовалъ баронъ, видя своего сына лекаремъ.

Какъ же, для чего, почему это случилось?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЩЕНІЕ

....Когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя.
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ столкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Пушкинъ.

Въ Римѣ закладывали храмъ... Замѣчателенъ ли былъ этотъ день, можно судить, если скажу, что закладывали тогда храмъ Св. Петра. Въ этотъ день положенъ былъ краеугольный камень, идеалъ этого дивнаго зданія; но нужно было еще полвѣка, чтобы геній Браманте пришелъ осуществить его. Со всѣхъ сторонъ стекались итальянцы и чужеземцы, многіе изъ любопытства видѣть великолѣпное зрѣлище, иные по долгу, другіе изъ любви къ искусству или чувства религіознаго. Церемонія отвѣчала вполнѣ величію предмета: папа (Николай V, основатель и ватиканской библіотеки) не пожалѣлъ тогда своей казны. Толпа кардиналовъ, герцоговъ, князей, самъ преемникъ Петра, съ своимъ кортежемъ, легіонъ кондотьеровъ, блестящія латы, зна-

мена, орифламы, цвѣты, золото, пѣніе, — все это въ чаду куренія, какъ бы шествующее въ облакахъ, представляло чудное зрѣлище. Но кто бы подумать могъ, что бездѣлица едва не разрушитъ величія этой процессіи!

Въ толпу знатныхъ иностранцевъ, одинъ другого богаче одѣтыхъ, одинъ другого статнѣе, слѣдовавшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи за папою, невѣдомо какъ, втерлась маленькая, уродливая фигурка итальянца въ какой-то скромной епанчѣ. Это былъ кусокъ грязи на мраморѣ художественнаго произведенія, нищенская заплата на бархатноіі тогѣ, визгъ лопнувшей струны посреди гармоническаго концерта. Казалось, уродецъ нарочно пришелъ въ этотъ блестящій кругъ мстить за свои природные недостатки. Блестящая молодежь, его окружавшая, начала перешептываться между собою, бросать на него косые взгляды, тѣснить его: уродецъ молча шелъ себѣ далѣе. Стали допытываться, кто бы такой былъ этотъ смѣльчакъ, осмѣлившійся испортить кортежъ, который старались такъ хорошо уладить, и доискались, что — врачъ изъ Падуи. «Лекарь? важная штука!.. Какой-нибудь жидъ!..» Въ это время нѣсколько хорошенькихъ личиковъ выглядывало изъ оконъ. Вотъ одна лукаво усмѣхнулась; вотъ, кажется, другая указала пальцемъ на толпу молодыхъ людей... Можно ли это стерпѣть? Участили косые взгляды, рожицы; посыпались перекрестнымъ огнемъ насмѣшки: кто наступилъ на ногу уродца, кто придавилъ его. Онъ, будто глухой, слѣпой, безчувственныіі, шелъ себѣ впередъ. «Отъ него воняетъ мертвечиной», — говорилъ одинъ. — «Мыломъ цирюльнымъ», — перебилъ другой. — «Отбрилъ бы его своею двугранной бритвой», — прибавилъ третій, грозясь

палашомъ.—«Слишкомъ благородный металлъ для этой ракалiи!»—сказалъ молодой, красивый, статный нѣмецъ, который былъ всѣхъ ближе къ нему: — «для него довольно и палки». Тутъ маленькая фигурка рученкою схватилась было за бокъ, думая найти кинжалъ, но оружiя при ней не было. Изъ крошечнаго рта вырвалось слово: «Knecht!» вѣроятно потому, что нѣкоторыхъ наемныхъ нѣмецкихъ воиновъ называли тогда ландскнехтами. О, при этомъ словѣ надо было видѣть, что сдѣлалось съ молодымъ тевтономъ! По лицу его пробѣжали багровыя пятна, губы его затряслись; мощною рукою впился онъ въ затылокъ малютки, поднялъ его на воздухъ и бросилъ за черту процессiи. Это было сдѣлано такъ быстро, что могли только замѣтить руки и ноги, которыя, не болѣе двухъ, трехъ мгновенiй, барахтались на воздухѣ; слышали какое-то шипѣнiе, потомъ ударъ о мостовую, и потомъ ни вздоха, ни движенiя. «Славно, баронъ!» сказали товарищи атлета, сомкнувъ ряды и тихомолкомъ смѣясь, какъ бы ничего не бывало.

Несчастный, брошенный въ прахъ съ такою исполинскою силой, былъ падуанскiй врачъ Антонiо Фiоравенти. Въ этомъ маленькомъ созданiи высочайшiй разумъ сильно проявилъ себя. Говорили много объ его учености, о чудесахъ, которыя онъ дѣлалъ надъ больными, о добротѣ души и безкорыстiи его. Не знали однакожъ силы этой души, потому что никто еще не входилъ съ нею въ борьбу, ни люди, ни судьба. До сихъ поръ жизнь его была однимъ успѣхомъ: ученiе, деньги, слава — все ему далось, казалось, въ вознагражденiе за обиду, сдѣланную ему природою; и все это онъ скрывалъ подъ завѣсою дѣвичьей скромности. Увн-

давъ его въ первый разъ, нельзя было не смѣяться надъ его крошечною, уродливою фигурой; но, при каждомъ новомъ свиданіи съ нимъ, онъ незамѣтно росъ и хорошѣлъ въ глазахъ вашихъ: такъ очаровательны были его умъ и любезность. Путешествуя для подвиговъ добра и науки, онъ только-что пріѣхалъ въ Римъ и, такъ сказать, на первомъ шагу черезъ порогъ вѣчнаго города оступился очень несчастливо. Во время процессіи какая-то властительная дума увлекла его, безъ вѣдома его воли, въ кругъ блестящихъ иностранцевъ: жестоко же онъ былъ наказанъ за свое разсѣяніе.

Когда онъ пришелъ въ себя, все было тихо и пусто вокругъ; только передъ глазами его прыгали черные мальчики, и между ними на него наступалъ молодой германецъ. Голова его была такъ тяжела, мысли такъ смутны, что онъ едва понялъ свое состояніе. Собравшись съ силами, онъ потащился на свою квартиру, но образъ противника всюду слѣдовалъ за нимъ. Съ того времени этотъ образъ никогда не покидалъ Антоніо Фіоравенти: если бъ онъ былъ живописецъ, то положилъ бы его сейчасъ на полотно; онъ указалъ бы на него среди толпы народной; онъ узналъ бы его и черезъ тысячу лѣтъ.

Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ въ сильной горячкѣ; въ бреду видѣлъ только нѣмца; по выздоровленіи, первый предметъ, который онъ могъ распознать умомъ своимъ, былъ ненавистный нѣмецъ. Съ силами его росло и желаніе мести; дарованія свои, науку, деньги, связи, жизнь — все посвятилъ онъ отнынѣ этому чувству. Тысяча средствъ, тысяча плановъ были придуманы, чтобы отмстить за оскорбленіе. Когда бы выполнить тогдашніе его помыслы, изъ нихъ всталъ бы исполинъ

до неба. Антоніо началъ беречь жизнь, какъ берегутъ отпущенную сталь меча, когда собираются на битву, Отмстить, а тамъ бросить эту жизнь въ когти дьяволу, если не дано ему было повергнуть ее къ престолу Бога! Тридцать лѣтъ исполнялъ онъ завѣтъ Господа: «любить ближняго, какъ брата»; тридцать лѣтъ стремился онъ по пути къ небу,—и вдругъ, судьба схватила его съ этого пути и повѣсила надъ пропастью ада; въ правѣ ли она была сказать: «держись, не падай!» Былъ одинъ, у котораго голова не вскружилась надъ этой бездной, но Тотъ былъ не человѣкъ, Тотъ ходилъ по волнамъ, какъ по сушѣ. Кто жъ виноватъ, если простой смертный не удержался?

Такъ говорилъ самъ съ собою Антоніо Фіоравенти, и мысленно точилъ орудіе мести.—«За дѣло!» сказалъ онъ наконецъ, лишь только былъ въ состояніи выйти изъ дому. Розысканія повели его вездѣ—во дворцы и на большія дороги, въ храмы и виллы, въ библіотеки и на кладбища. Нерѣдко видали его въ тайныхъ переговорахъ съ привратниками, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ полиціей; чернь и знать—все было для него средство, лишь бы достигнуть цѣли своей. Подъ знойнымъ небомъ, въ дождь, въ грозу, стоялъ онъ на перепутьяхъ, поджидая, не увидитъ ли своего нѣмца. Да! онъ называлъ его *своимъ*, какъ будто купилъ несмѣтною суммою мести. Своими разспросами перерылъ всѣ кварталы, всѣ дома до дна; Римъ передъ нимъ обнажился, и когда онъ узналъ, что въ Римѣ не было его врага, онъ оставилъ «вѣчный городъ», бросивъ ему на прощаніе слово проклятія.

Но розыски его были не совсѣмъ напрасны: онъ досталъ списокъ всѣхъ иностранцевъ, которые пріѣз-

жали отъ разныхъ дворовъ къ закладкѣ храма. Часто пересматривалъ онъ его, перебиралъ сердцемъ разныя имена, въ немъ означенныя, училъ ихъ наизустъ; то одно имя, то другое, будто по предчувствію, отмѣчалъ кровавою чертою и упивался иногда радостью, какъ будто съ этимъ спискомъ имѣлъ во власти уже и тѣхъ самихъ, которые были въ немъ помѣчены. Чего не далъ бы онъ за магическую силу призвать ихъ всѣхъ на лицо къ себѣ!.. О, тогда бы отмѣтилъ онъ *одного* иною, кровавою чертою!

Три, четыре года, можетъ быть и болѣе, странствовалъ Антоніо Фіоравенти по Италіи и Германіи, отыскивая тщетно своего врага. Казалось, месть его наконецъ утомилась или стала разсудительнѣе. Онъ совершенно предался наукѣ. Сдѣлать важное открытіе по медицинѣ и тѣмъ пріобрѣсти себѣ великое имя, славу европейскую: этимъ-то именемъ, этою славою хотѣлъ онъ отомстить врагу своему. Напишутъ его портретъ: ненавистный нѣмецъ увидитъ его и узнаетъ; ему скажутъ, что это портретъ знаменитаго Антоніо Фіоравенти, того крошечнаго лекаря, котораго длинный тевтонъ такъ жестоко оскорбилъ... Онъ броситъ ему свою славу въ лицо: это своего рода пощечина для врага. О, такая месть — высокое чувство! Съ вѣрою въ искусство свое и жаждою новыхъ познаній онъ посѣтилъ важнѣйшія учебныя заведенія, наконецъ прибылъ въ Аугсбургъ. Здѣсь скоро разбѣжалась молва, что онъ исцѣляетъ умирающихъ, поднимаетъ изъ гроба; славили особенно его знаніе женскихъ болѣзней, которымъ онъ себя преимущественно посвятилъ; аугсбургскіе врачи, награжденные его совѣтами и тайнами, всѣ спѣшили дать ему первенство; его увлекали и въ

палаты и въ хижины, потому что онъ и бѣднѣйшимъ не отказывалъ въ помощи.

Разъ его призываютъ въ домъ барона Эренштейна.

Баронъ, тридцати лѣтъ, красивый, знатный, богатый, увѣнчалъ эти дары судьбы женитьбою на дальней родственницѣ короля Подибрада, дѣвушкѣ очаровательной красы. Но не родство съ царемъ, не честолюбіе скрѣпляли этотъ союзъ: любовь страстная, готовая на всѣ жертвы, вела жениха и невѣсту къ брачному алтарю. Три года супруги, словно обрученные, не наглядѣлись, не наговорились досыта, не истощили пламенныхъ ласкъ одинъ другому; три года этой жизни были для нихъ однимъ медовымъ мѣсяцемъ. Въ началѣ четвертаго баронесса готовилась подарить своему супругу первый плодъ ихъ любви. Заранѣе истощили всѣ нѣжныя попеченія, всевозможныя причуды роскоши, чтобы принять на свѣтъ и возлелѣять это дитя, баловня фортуны; заранѣе астрологи, которыхъ было тогда множество, напророчили ему умъ, наружныя достоинства, славу, блага жизни донельзя и едва-ли не безсмертную жизнь. Съ одной стороны желанія, съ другой лесть и корысть окружили будущаго пришельца въ міръ алмазными дарами. Для барона же чувство быть отцомъ превышало всѣ блага, какими онъ только наслаждался на землѣ, выключая счастіе любить свою милою, прекрасную супругу и быть ею любиму. Итакъ, баронесса готовилась родить. Всѣ фазы беременности исполнились благополучно и обѣщали такое же окончаніе; но когда наступилъ роковой срокъ, оказалось противное. Три дня возрастали ея муки и опасность. Можно судить, что чувствовалъ въ это время баронъ. Искуснѣйшіе

врачи города были призваны на помощь; врачи употребили всѣ средства, какія только знали: ничто не помогло, и они отказались. Несчастная не могла долѣе выдержать: она пожелала смерти и спросила духовника. Между тѣмъ какъ посылали за нимъ, одинъ изъ врачей совѣтовалъ Эренштейну пригласить знаменитаго итальянца Фіоравенти, недавно прибывшаго въ Аугсбургъ. — «Если онъ не спасетъ», — сказалъ совѣтникъ, — «такъ никто не спасетъ. Итальянецъ едва ли не нашелъ средства воскрешать мертвыхъ».

Духовникъ шелъ съ дарами на лѣстницу; вслѣдъ за нимъ входилъ Антоніо Фіоравенти; навстрѣчу шелъ хозяинъ дома, блѣдный, дрожащій, съ растрепанной головой, съ запекшимися губами. Былъ полдень; солнце ярко освѣщало лѣстницу, всѣ предметы рѣзко означались. Первымъ дѣломъ барона, гордаго, спѣсиваго, родственника королевскаго, было броситься къ ногамъ итальянца и молить его о спасеніи супруги. Золото, помѣстья, почести, все сулилъ онъ ему, лишь бы спасти ту, которая для него была дороже самой жизни.

Антоніо взглянулъ на хозяина дома...

Боже! небесныя силы! это *онъ*... онъ самый, тотъ ужасный, ненавистный нѣмецъ, оскорбившій его такъ жестоко въ Римѣ. Ошибиться нельзя — тотъ самый, котораго преслѣдуетъ месть его столько лѣтъ, чьей крови хотѣлъ бы онъ напиться, продавъ себя хоть сатанѣ, — онъ самый теперь у ногъ его, въ его власти.

Фіоравенти захохоталъ въ душѣ своей адскимъ хохотомъ; волосы встали-бъ у того дыбомъ, кто могъ бы слышать этотъ смѣхъ. Руки его тряслись, губы дрожали, колѣна подгибались; но онъ старался оправиться и сказалъ съ сатанинскою улыбкою: «Хорошо, мы увидимъ».

Въ этихъ словахъ заключалась цѣлая вѣчность.

Баронъ не узналъ его: въ безуміи отчаянія могъ ли онъ помнить что-нибудь, пояснить себѣ что-нибудь? Онъ видѣлъ въ немъ только спасителя жены, своего ангела-хранителя, и готовъ былъ нести его на своихъ рукахъ въ спальню страдалицы.

— Поспѣшайте, ради Бога, поспѣшайте!—воскликалъ Эренштейнъ голосомъ, который могъ бы тронуть и тигра.

— Хорошо, мы увидимъ!—повторилъ сурово Фіоравенти, и, между тѣмъ, геній мести летучею молніею освѣтилъ бездну души его и начертилъ ему, что онъ долженъ былъ дѣлать.

Идутъ; пришли въ спальню страдалицы. Сбереженный полусвѣтъ позволялъ врачу различить черты ея и исполнять свои обязанности. Какъ хороша была она, несмотря на свои страданія! Врагъ счастливъ ею—тѣмъ лучше: еще чувствительнѣе будетъ мщеніе...

— Слава Богу! духовникъ! — сказала баронесса умирающимъ голосомъ.

— Нѣтъ, другъ мой, не онъ, — произнесъ, утѣшая ее, Эренштейнъ. — Не отчаивайся; вотъ знаменитый врачъ, который поможетъ тебѣ... предчувствія меня не обманываютъ... вѣрю твердо, и ты, мой милый другъ, вѣрь также...

— Ахъ, господинъ врачъ! спасите меня... — могла только выговорить умирающая.

Минута... двѣ... три... до пяти глубокаго, гробового молчанія; онѣ сочтены были на сердцѣ супруга ледяными пальцами смерти.

Наконецъ Фіоравенти подошелъ къ нему.

— Она...

И врачъ остановился.

Эренштейнъ впился въ него глазами, жадными, какъ голодныя піявицы, слухомъ, острымъ какъ бритва, которая рѣжетъ волосъ; ротъ его былъ открытъ, но не произносилъ ничего. Онъ весь хотѣлъ сказать: жизнь или смерть?

— Она...

И врачъ опять остановился.

Лицо барона стало подергивать.

— Она будетъ спасена, ручаюсь въ этомъ жизнью своей, — сказалъ съ твердостью Фіоравенти, и ужасная статуя барона сошла будто съ своего пьедестала.

Эренштейнъ озарился весь жизнью; молча онъ пожалъ руку Антоніо и тянулъ ее къ себѣ, чтобы прижать къ губамъ. Врачъ отнялъ руку.

— Она будетъ спасена, и вашъ ребенокъ также, — прибавилъ онъ шопотомъ, — только съ условіемъ отъ меня...

— Все, что угодно, — отвѣчалъ баронъ.

— Не думайте, что мое требованіе будетъ такъ легко для васъ.

— Ничего не пожалѣю; требуйте моего имущества, моей жизни, если хотите.

— Вотъ видите, я итальянецъ и лекарь: простымъ словамъ не довѣряю... дѣло идетъ о моемъ благосостояніи... мнѣ нужна ваша клятва...

— Клянусь...

— Постойте... я видѣлъ тамъ духовника...

— Понимаю, вы хотите... идемъ.

Они вошли въ сосѣднюю комнату.

Тамъ стоялъ старецъ-священнослужитель съ свя-

тыми дарами, готовясь отрѣшить ими земного отъ земли и дать ему крылья на небо.

— Отецъ святой, — произнесъ торжественно баронъ, — будьте посредникомъ между мною и живымъ Богомъ, Котораго призываю теперь въ свидѣтели моей клятвы.

Священникъ, ничего не понимая, но увлеченный необыкновеннымъ голосомъ хозяина, возвысилъ чашу съ дарами и преклонилъ благоговѣйно бѣлую, какъ ленъ, голову.

— Теперь говорите за мною, — прервалъ дрожащимъ голосомъ Фіоравенти, будто испуганный священнодѣйствіемъ, — но помните, что двадцать минутъ не болѣе осталось для помощи вашей супругѣ. Упустите ихъ — пеняйте на себя.

Эренштейнъ продолжалъ такимъ же торжественнымъ, глубоко изливающимся изъ души голосомъ, но такъ, чтобы его нельзя было слышать въ спальнѣ жены:

— Если моя Амалія будетъ спасена, клянусь всемогущимъ Богомъ, надъ пречистымъ тѣломъ Его единороднаго Сына, и да погибну я въ мукахъ адскихъ, да погибнетъ, какъ червь, родъ мой, когда я преступлю клятву эту...

Тутъ онъ обратилъ глаза на врача, ожидая его словъ.

Врачъ съ твердостью произнесъ:

— Если у меня родится сынъ, первенецъ...

Баронъ повторилъ:

— Если у меня родится сынъ, первенецъ...

— Году отдать его, сына моего, падуанскому врачу Антоніо Фіоравенти...

Баронъ остановился... къ сердцу его прилилъ горячій ключъ.. Онъ взглянулъ на искусителя всею силою своихъ понятій... Этотъ взглядъ напомнилъ ему приключеніе въ Римѣ... Онъ узналъ своего противника и угадалъ свой приговоръ.

— Говорите же, господинъ баронъ! изъ двадцати минутъ убыло уже нѣсколько...

Эренштейнъ дрожащими устами продолжалъ:

— Году отдать его, сына моего, падуанскому врачу Антоніо Фіоравенти, тому самому, котораго я, лѣтъ за пять тому, оскорбилъ безъ всякой причины и у котораго я нынѣ, предъ Іисусомъ Христомъ, отпустившимъ грѣхи самому разбойнику, прошу униженно прощенія...

— Прощенія?.. А!.. Нѣтъ, гордый баронъ, нѣтъ теперь пощады!.. Пять лѣтъ ждалъ я этой минуты... Говорите: клянусь и повторяю мою клятву отдать моего первенца, когда ему минетъ годъ, лекарю Фіоравенти, съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ изъ него современемъ лекаря; почему властью отца и уполномочиваю надъ нимъ господина Фіоравенти, а мнѣ не вступаться ни въ его воспитаніе, ни во что-либо до него касающееся. Если-жъ у меня родится дочь, отдать ее за лекаря... Одинъ онъ, Фіоравенти, имѣетъ право современемъ разрѣшить эту клятву.

— Нѣтъ, я этого не произнесу...

— Спасите меня, умираю!.. — послышался изъ другой комнаты ужасный голосъ госпожи Эренштейнъ.

И баронъ немедля проговорилъ всѣ слова Фіоравенти, одно за другимъ, могильнымъ голосомъ, какъ будто читалъ свой приговоръ казни. Холодный потъ капалъ со лба его; кончивъ, онъ упалъ безъ силъ на

стулъ, поддерживаемый вѣрнымъ служителемъ Яномъ и священникомъ, давно неравнодушными свидѣтелями этой ужасной сцены. Оба спѣшили подать ему помощь.

Между тѣмъ Фіоравенти бросился въ спальню.

Черезъ нѣсколько минутъ Эренштейнъ открылъ глаза, и первый звукъ, который онъ услышалъ, былъ крикъ младенца.

Все было забыто.

Онъ осторожно подошелъ къ дверямъ спальни и приложилъ къ нимъ ухо: родильница тихо говорила... она благодарила врача.

Врачъ возвратился и сказалъ:

— Господинъ баронъ! поздравляю васъ съ сыномъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЫЛО ЛИ ИСПОЛНЕНІЕ?

О тайнѣ
Царской никто не узналъ, но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ придутъ за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не вѣдалъ онъ ночью.
Время однако текло...
«Сказка о царѣ Берендеѣ».. *Жуковскій.*

Госпожа Эренштейнъ, ничего не подозрѣвая, въ благодарность врачу, дала своему сыну имя, которое онъ носилъ. Маленькій Антонъ былъ пригожъ, какъ розанъ; съ каждымъ днемъ расцвѣталъ онъ болѣе и болѣе подъ лучомъ ея взоровъ, согрѣваемый ея нѣжными попеченіями; вмѣстѣ съ нимъ расцвѣтала и мать. Отецъ только наружно утѣшался имъ; мысль, что отдалъ его итальянцу, будто продалъ сатанѣ, что изъ него будетъ только лекарь, убивала всѣ радости его. Часто взглядъ на младенца, обреченнаго такому позору, исторгалъ слезы изъ глазъ барона; боясь, однакожъ, чтобы жена не замѣтила ихъ, онъ пожиралъ эти слезы. «Лекарь!.. Боже мой! Что скажетъ свѣтъ, что скажутъ родные, друзья, а пуще непріятели, когда узнаютъ о назначеніи баронова сына? Какъ объявить женѣ? Это убьетъ ее. Лучше бъ не родиться несчастному!»

— Милый другъ, — говорила однажды баронесса, держа на колѣнахъ прекраснаго малютку и вся пылая отъ любви къ нему, — не даромъ астрологи напророчили нашему сыну столько даровъ. Полюбуйся имъ; посмотри, какой умъ, сколько огня въ его глазахъ; онъ глядитъ на насъ, будто насъ понимаетъ. Кажется, такъ и горитъ на немъ звѣзда величія и славы! Кто знаетъ, какая высокая доля ждетъ его! Вѣдь и король богемскій, Подибрадъ, былъ простой дворянинъ.

Эти слова раздирали душу отца...

— Другъ мой! — говорилъ онъ, — грѣшно отцу и матери заранѣе пророчить судьбу дѣтей своихъ; эта самонадѣянность можетъ оскорбить Провидѣніе, Которое лучше насъ знаетъ, что дѣлать съ нимъ, къ чему его ведетъ.

— Правда, — отвѣчала мать, смущенная какимъ-то предчувствіемъ, а можетъ-быть и грустью, проницавшею въ словахъ и глазахъ мужа, — правда, эти пророчества могутъ оскорбить Господа. Будемъ только молиться Ему, чтобы Онъ не отнялъ его у насъ. О, тогда не переживу моего Антона.

И мать перекрестила младенца во имя Отца и Сына и Святого Духа, боясь, чтобы гордыя желанія ея въ самомъ дѣлѣ не навлекли на него гнѣва Божьяго, и прижимала его къ груди своей, въ которой сердце билось, какъ ускоренный маятникъ, и все было что-то не на мѣстѣ.

«Зачѣмъ живетъ этотъ сынъ, этотъ обреченникъ на горе и стыдъ родителей? Что ему въ жизни лекарской? Лучше бъ Господь прибралъ его теперь, во-время, на небо въ ликъ Своихъ ангеловъ!.. Или, почему не приберетъ самого отца?.. Тогда клятвѣ не было бъ

исполненія: мать не давала ея; мать и сынъ будутъ счастливы».

Такъ думалъ отецъ и гордый баронъ. Не разъ приходило ему на мысль самовольно нарушить клятву. Никто не зналъ о ней, кромѣ стараго духовника и Яна; духовникъ схоронилъ свою тайну въ стѣнахъ какого-то монастыря, а въ вѣрномъ служителѣ умерла она. Но, сколько баронъ ни былъ базхарактеренъ, слабодушенъ, все-таки боялся вѣчныхъ мукъ. Клятва врѣзалась такими огненными буквами въ памяти его, адъ такъ сильно рисовался въ его совѣсти, что онъ рѣшился на исполненіе ужаснаго обѣта.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ все не открывалъ тайны своей супругѣ. Было много приступовъ, борьбы, рѣшеній, и всегда кончалось тѣмъ, что онъ откладывалъ объясненіе.

Амалія сдѣлалась вновь беременной: это обстоятельство принесло отраду растерзанной душѣ барона. Можетъ-быть, она подаритъ ему другого сына... Тогда первый пусть идетъ въ жертву неумолимому року, пусть будетъ лекаремъ!..

Годъ прошелъ, а мать все-таки ничего не знала объ ужасной тайнѣ. Ждетъ баронъ день, два... Фіоравенти не является за своею жертвой. Авось либо не будетъ!.. Тянутся недѣли... нѣтъ его. О, если бы умеръ?..

И баронъ молчалъ, благословляя каждый прошедшій день. Зачѣмъ же тревожить напрасно мать? Можетъ статься, Фіоравенти удовлетворилъ свою месть въ день рожденія ихъ сына; можетъ статься, великодушный Фіоравенти доволенъ и муками ожиданія, которыя заставляетъ терпѣть оскорбителя, и не желаетъ болѣе

исполненія своей клятвы. Добрый Фіоравенти! да будетъ надъ тобою благословеніе Божье!

Удержи благословеніе... Итальянецъ — не дитя, играющій своими чувствами, будто золотыми пузырями, которые лопаются въ воздухѣ.

Въ одинъ день — это было то самое число, тотъ самый часъ, когда случилось роковое приключеніе въ Римѣ (мщеніе разсчитано), Янъ, съ блѣднымъ лицомъ вошелъ къ своему господину. Янъ ничего не говорилъ, но этотъ понялъ его.

— Здѣсь?.. — спросилъ онъ служителя, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Приказалъ сказать, что онъ здѣсь, — отвѣчалъ Янъ.

Прошло опять нѣсколько дней, Фіоравенти не являлся за своею жертвою. Ужасные дни! Они отняли у барона нѣсколько годовъ жизни. Не узнало бы высшее дворянство, не провѣдали бы родня, знакомые, кто-нибудь, хоть послѣдній изъ его вассаловъ, что сынъ отдается въ лекаря, какъ отдаютъ слугу на годы въ ученье сапожному, плотничному мастерству?.. Эти мысли тревожили его гораздо болѣе самой жертвы.

Однажды приносятъ барону записку отъ Фіоравенти.

Милость или казнь объявляетъ?..

Развертываетъ дрожащими руками, и читаетъ, съ трудомъ переводя духъ:

«Я узналъ, что баронесса должна скоро разрѣшиться отъ бремени. Роды ея будутъ трудные — это мнѣ извѣстно. Предлагаю свои услуги».

Разумѣется, услуги эти приняты съ восторгомъ и благодарностью.

Фіоравенти отгадалъ: роды баронессы были трудны. Но онъ и въ этотъ разъ поздравилъ супруга съ ея жизнью и сыномъ, Фердинандомъ; только прибавилъ:— «теперь мы подѣлимся; одного вамъ, а другого мнѣ». Это объявленіе, съ твердостью сказанное, дало наконецъ знать отцу, что участь старшаго сына не перемѣнилась и что осталось только приготовить Амалію, по выздоровленіи ея. Сроку дано два мѣсяца. Эренштейнъ просилъ, сверхъ того, чтобы позволено было сдать ребенка въ какомъ-нибудь итальянскомъ мѣстечкѣ или селѣ, гдѣ не знали бы ни барона, ни врача.

Все это ему даровано, какъ милостыня, которую богачъ бросаетъ нищему. Еще одна щедрота: позволялось отцу и матери каждые три года видѣть по недѣлѣ, даже по мѣсяцу, своего сына, ласкать его, говорить имъ, что онъ ихъ сынъ, но подъ именемъ бѣдныхъ нѣмецкихъ дворянъ, Эренштейновъ, утверждая его однакожъ въ любви, въ уваженіи къ лекарскому званію. И еще одна статья условія: всякаго рода помощь или подарки отъ родителей рѣшительно будутъ пересылаемы назадъ. Баронъ на все согласенъ, тѣмъ болѣе, что условія ограждали до времени тайну отъ гласности, которой онъ страшился болѣе всего.

Въ это время на домъ барона нагрянуло новое несчатіе.

Несмотря на всѣ усилія разума, нѣкоторые вопросы на счетъ соединенія внѣшняго человѣка съ внутреннимъ останутся навсегда неразрѣшенными. Развѣ *тамъ* разгадаютъ намъ то, что и есть, можетъ быть, *тамошнее!*.. Законъ предчувствія въ числѣ этихъ вопросовъ. Кто, отъ царя до селянина, не испыталъ

надъ собою силы его, и, между тѣмъ, въ этой цѣпи людей, кто разрѣшилъ его процессъ?.. Приговариваюсь этимъ разсужденіемъ къ тому, чтобы сказать о предчувствіи, какое имѣла баронесса о своей потерѣ. Она видѣла во снѣ: разъяренный волкъ оторвалъ старшаго сына отъ груди ея, вскинулъ его къ себѣ на спину и унесъ... куда — ужъ не видала. Когда она проснулась, волненіе крови ея было такъ сильно, что молоко бросилось ей въ голову. Фіоравенти опять спасъ ей жизнь, но не могъ уничтожить слѣды ужасной болѣзни. Баронесса потеряла свою красоту; темныя пятна обезобразили ее. Одно несчастіе принесло ей другое — постепенное охлажденіе къ ней супруга, какъ мы сказали, отъ природы измѣнчиваго характера. Донынѣ онъ любилъ ее пламенно; не было жертвъ, на которыя не рѣшился бы для блага ея, даже для ея спокойствія. Но сердце его было сосудъ превращеній, не хуже Пинеттовыхъ: пламя могло въ нѣсколько часовъ обратиться въ ледъ, какъ и случилось. Отнынѣ всѣ попеченія его обратились на меньшаго сына. Если бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дали ему на выборъ — лишиться Фердинанда или супруги, за спасеніе которой онъ отдалъ нѣкогда сына и отдалъ бы себя, то, конечно — въ душѣ своей согласился бы пожертвовать супругой, хотя бы этого явно не сказалъ. Таковъ онъ былъ во всѣхъ случаяхъ жизни; нынѣ, изъ тщеславія, готовъ играть своею жизнью на концахъ копьевъ, пуститься въ новый крестовый походъ, — завтра не дотронется до булавки, не замараетъ ноги, чтобы спасти погибающаго; нынѣ у ногъ врага, котораго вчера билъ, цѣлуетъ у него руку, — завтра готовъ повторить съ нимъ римскую сцену, если бъ она опять представилась;

нынѣ сажаетъ васъ на первое мѣсто за своей трапезой, осыпаетъ васъ всѣми почетными именами, вытаскивая ихъ изъ словаря приличія и уваженія, — завтра, по первому намеку прохожаго цыгана, безъ всякихъ изслѣдованій, обратится къ вамъ спиной, заставитъ васъ ждать у воротъ своего замка, если вы имѣете въ немъ нужду, и встрѣтитъ съ своей баронской высоты словами: здорово, любезный *мой*! Такіе характеры нерѣдки.

По выздоровленіи баронессы, собрались ѣхать на поклоненіе св. Дѣвѣ Лоретской, въ благодарность за двукратное спасеніе баронессы отъ смерти. Изъ дѣтей взяли старшаго. Меньшаго оставили съ кормилицею и на попеченіи близкой родственницы. Фіоравенти сопутствовалъ имъ не безъ предосторожности. Онъ вызналъ характеръ барона и убѣжденъ былъ, что тотъ, кто изъ боязни ада исполнилъ ужасную клятву свою, не побоится (каковъ часъ!) отправить его на тотъ свѣтъ. И потому за врачемъ ѣхало нѣсколько служителей, хорошо вооруженныхъ. Подъѣзжая къ условленному мѣсту, баронъ оставилъ своихъ служителей въ послѣднемъ городѣ, взявъ съ собою только Яна и жену его. По пріѣздѣ въ село, гдѣ должно было сдать дитя барону, оставалось кончить эту драму, которая начинала ему надоѣдать, и приготовить Амалію къ разлукѣ съ старшимъ сыномъ. При этомъ случаѣ уснувшая любовь или состраданіе и совѣсть пробудились въ немъ. На немъ лица не было, когда онъ пришелъ къ женѣ съ объявленіемъ ужаснаго приговора.

— Ты боленъ, другъ мой? — сказала она, испуганная ужаснымъ состояніемъ, въ какомъ его увидала.

Онъ признался, что боленъ давно. Амалія упрекала его, зачѣмъ такъ долго скрывалъ отъ нея свою болѣзнь; вмѣстѣ съ своими поцѣлуями орошала его слезами, предлагала ему пособія, какія только знала самая нѣжная, попечительная любовь. Баронъ признался, что болѣзнь его душевная... что началась она со времени рожденія перваго сына. . бросилъ въ душу женщины, страстно его любящей, сомнѣніе, боязнь, утѣшеніе, гнѣвъ, борьбу долга съ привязанностію, преданность Богу, и когда перепыталъ всѣ чувства и утомилъ ихъ, между нѣжнѣйшими ласками предложилъ ей выборъ: лишиться мужа навсегда, или сына только разлукою временною. Наконецъ разсказалъ ей свою исторію съ Фіоравенти, это насланіе на него Божіе, напомнилъ ей ея муки, приготовленія къ смерти, явленіе итальянца и какимъ образомъ онъ, для спасенія ея, приступилъ къ ужасной клятвѣ, полагая, что корыстолюбивый врачъ хотѣлъ требовать только непомѣрной платы за свои труды. Не исполнить клятвы, — навлечь на себя гнѣвъ Божій, погибель на сына ихъ, на весь родъ; исполненіемъ покоряются они волѣ Всевышняго. Можетъ быть, Господь послалъ имъ ангела-утѣшителя въ лицѣ второго сына; итальянецъ, можетъ быть, сжалится надъ ними и, современемъ, отмѣнитъ свой приговоръ. Онъ ужъ и такъ оказалъ великодушіе, позволивъ видѣться съ сыномъ каждые три года.

Умно приготовлено, хорошо сказано, но какія утѣшенія побѣдятъ чувство матери, у которой отнимаютъ сына? Всѣ муки ея сосредоточились въ этомъ чувствѣ; ни о чемъ другомъ не хотѣла знать. Чтобы сохранить при себѣ свое дитя, она готова была отдать за него

свой санъ, свои богатства, идти хоть въ услуженіе. Но неисполненіе клятвы должно принести ужасное несчастіе мужу ея, и она рѣшается на жертву.

Мать на все согласна, лишь бы ей сдать самой дитя свое: ее поддерживаетъ еще надежда выиграть что-нибудь для себя у жестокаго Фіоравенти. Не тигръ же онъ! Да и тотъ выпустилъ бы свою жертву изъ пасти, увидавъ отчаяніе матери. Она хотѣла прежде испытать, не тронетъ ли итальянца, никого не послушалась и повлеклась въ избушку, въ которой онъ остановился. Ее остановили у дверей. Въ униженіи стояла она часъ, два и три... Ничто не поколебало итальянца. Наконецъ ей вынесли записку:

«Госпожа баронесса! мое слово неизмѣнно. Молите Бога, чтобы я скоро умеръ, тогда развѣ вашъ сынъ не будетъ лекаремъ. Одно только, что я могу сдѣлать для матери, у которой отнимаю все ея благо, — это позволить ей видѣться съ Антоніо у меня не черезъ три года, какъ я сказалъ вашему супругу, а каждый годъ, но съ условіями, вамъ, конечно, ужъ извѣстными. Нарушеніе этихъ условій дастъ мнѣ право нарушить и мое снисхожденіе. Это моя послѣдняя уступка и мое послѣднее слово. Въ назначенный срокъ ожидаю моего воспитанника — Антоніо».

Сдали дитя, разстались съ нимъ... Мать не умерла съ горя: въ сердцѣ ея была надежда увидѣть сына черезъ годъ, а съ надеждою не умираютъ. При этомъ случаѣ лекарь, ничтожный человѣкъ, видѣлъ баронессу у ногъ своихъ... властелинъ духомъ остался властелиномъ.

Чета Эренштейновъ возвратилась въ Аугсбургъ безъ старшаго сына, будто умершаго дорогой.

Баронъ, успокоивъ свою совѣсть исполненіемъ клятвы, сдѣлавъ въ этомъ критическомъ положеніи все, что нужно было сдѣлать благоразумному супругу, и сдавъ Антона, казалось, сбросилъ съ себя тяжелый камень. Воображеніе начало мириться съ существенностью и расцвѣчать для него будущность. Мало-помалу сталъ онъ забывать старшаго сына; сперва думалъ о немъ, какъ о предметѣ, достойномъ состраданія; потомъ — какъ о предметѣ далекомъ, чуждомъ, наконецъ — ненавистномъ. Черезъ годъ позволено было отцу и матери видѣться съ Антономъ: поѣхала на это свиданіе одна мать. Еще два, три года, и сердце барона записало его въ умершіе. Онъ обратилъ свои надежды, свою любовь на меньшаго сына. Но страсть, которая овладѣла имъ отнынѣ, которой онъ далъ первое, безспорное мѣсто въ душѣ своей, было честолюбіе. Сражаясь всѣми возможными орудіями за каждую ступень, приближавшую его къ милостямъ верховнаго властителя, — уступая ему на каждой ступени отъ своихъ феодальныхъ правъ, онъ наконецъ достигъ одного изъ первыхъ мѣстъ при императорѣ Фридрихѣ III. Онъ сдѣлался любимцемъ его, переставъ быть человѣкомъ. Чѣмъ выше восходилъ онъ, тѣмъ болѣе удалялся отъ него отчужденецъ и наконецъ исчезъ для него, какъ едва замѣтная точка, которую поглотилъ мракъ ночи. Если иногда и посѣщали его заботы объ Антонѣ, такъ это для того, чтобы отдалить всякое подозрѣніе объ его постыдномъ существованіи.

Мать Антона осталась для него тою же нѣжною матерью, какою была въ первыя минуты его жизни. Что я говорю? — любовь ея возрасла съ его несчастною

судьбою. Изъ двухъ дѣтей, Антонъ былъ, конечно, ея любимцемъ; Фердинандъ пользуется всѣми правами рожденія, согрѣтъ каждый день у груди матери, растетъ въ нѣгѣ родительскихъ попеченій, избалованъ тщеславіемъ отца; угадываютъ его желанія, чтобы предупредить ихъ. Чего недостаетъ этому баловню судьбы съ самаго его рожденія? А другой, лишь увидѣлъ свѣтъ, обреченъ на изгнаніе изъ дома родительскаго, изъ отчизны, отчужденъ всѣхъ правъ своихъ, растетъ на рукахъ иноземца, посторонняго, врага его семейству; ласки, которыя расточаетъ ему мать, самое свиданіе съ нимъ, куплены у этого иноземца дорогою цѣною униженія. Какъ же не любить болѣе это дитя рока! Кажется, сама судьба старалась распредѣлить ихъ по рукамъ матери и отца, смотря на ихъ главныя отличія. Амалія несчастна, изгнанница изъ сердца супруга, — Антонъ также несчастенъ, также изгнанникъ; черты его — черты матери, характеръ — вылитъ въ форму ея души; онъ любитъ ее даже болѣе своего воспитателя; Фердинандъ осыпанъ фортуною, гордъ, тщеславенъ, шаткаго нрава, какъ и отецъ, похожъ на него лицомъ. Онъ замѣчаетъ холодность его къ матери, иногда грубое обхожденіе, и самъ, въ нѣкоторыхъ необузданныхъ выходкахъ противъ ея, показываетъ, что онъ достойный сынъ отца и наслѣдникъ всѣхъ его качествъ. Онъ терзаетъ животныхъ, бьетъ немилосердно, безъ причины, коня, на которомъ ѣздитъ, бьетъ служителей, исполняющихъ медленно его повелѣнія, трунитъ вслѣдъ отцу надъ придворнымъ лекаремъ и шутомъ, мейстеромъ Леономъ, какъ называютъ его при дворѣ, и разъ травилъ его своими собаками; онъ не любитъ ученія, привязанъ къ однѣмъ гимна-

стическимъ забавамъ. Сколько для матери причинъ, кромѣ несчастія, предпочитать этому сыну старшаго!

Годы ея существованія проходили въ святомъ исполненіи обѣтовъ, данныхъ воспитателемъ и родителями Антона, въ блаженствѣ срочнаго свиданія и въ слезахъ разлуки годовой, которая казалась ей вѣковою. Но чѣмъ болѣе забывала она свои несчастія въ любви къ милому изгнаннику, въ привязанности его къ матери, въ умѣ его и прекрасныхъ душевныхъ качествахъ, тѣмъ болѣе удовольствія, казалось, находилъ баронъ изобрѣтать для нея новыя горести. Ей приказано увѣрить Антона въ смерти отца его. Этотъ приговоръ объявилъ ей, что сынъ навсегда лишился отца. Можно судить, каково было матери объявить сыну ложную вѣсть. Однакожъ она исполнила волю своего мужа и повелителя, утѣшаясь надеждою на время, которое могло перемѣнить его чувства. Дитя, не зная отца, приняло вѣсть о смерти его, какъ о смерти чужого человѣка.

Фердинанду минуло двадцать три года. Онъ простудился, получилъ жестокую горячку и умеръ. Это несчастіе, посланное небомъ какъ бы въ наказаніе жестокому отцу и супругу, поразило его. Казалось, эта потеря должна была бъ возвратить его любовь къ старшему сыну. Нѣтъ, онъ и тутъ остался для него чуждъ попрежнему.

Между тѣмъ Антонъ росъ и воспитывался въ Падуѣ подъ именемъ бѣднаго нѣмецкаго дворянина Эренштейна. Пригожъ, уменъ, воспріимчивъ къ добру и просвѣщенію, выказывая во всѣхъ поступкахъ своихъ возвышенность чувствъ и какую-то рыцарскую отвагу, онъ былъ утѣшеніемъ Фіоравенти. Съ лѣтами пристра-

стился онъ къ наукѣ, которой воспитатель посвятилъ его. Юный ставленникъ предался ей со всею чистотою и ревностью души теплой и возвышенной. Не корыстные виды несъ онъ на алтарь ея, но пользу человѣчеству и успѣхи разума. Только онъ имѣлъ одинъ важный недостатокъ, бывшій выраженіемъ его души и вмѣстѣ времени, въ которое онъ жилъ — это пламенная мечтательность, до тѣхъ поръ неукротимая, пока не была удовлетворена. — «Вотъ таковъ точно и братъ мой Альберти, что въ Московіи, — говорилъ ему Фіоравенти, стараясь отвратить его отъ этого недостатка: — поѣхалъ строить храмъ въ дикую страну, гдѣ еще не знаютъ, какъ обжигать кирпичи и дѣлать известь! Бѣдный! существенность погубитъ его высокія мечты и, боюсь, убьетъ его». — «Завидую ему, — говорилъ молодой человѣкъ, — онъ не тащится шагъ за шагомъ по одной дорогѣ съ толпою. Онъ махнулъ крылами генія, и живетъ высоко, выше земныхъ. Если и упадетъ, по крайней мѣрѣ леталъ подъ небомъ. Утѣшительно думать, что онъ побѣдитъ вещественность и создастъ себѣ дивный, безсмертный памятникъ, которому и наша Италія будетъ нѣкогда поклоняться». — Эта мечтательность, думалъ Фіоравенти, перейдетъ съ лѣтами въ желаніе совершенствовать себя, и смотрѣлъ на своего питомца съ гордостью отца и воспитателя. Создать изъ него знаменитаго врача, подарить имъ обществу члена полезнѣйшаго, нежели барончика, — можетъ статься, незначущаго, — наукамъ новые успѣхи, исторіи новое великое имя: этою мыслью, этими надеждами убаюкивалъ онъ свою совѣсть.

На 25-мъ году Антонъ Эренштейнъ кончилъ свой медицинскій курсъ въ падуанскомъ университетѣ.

Антонъ—лекаремъ, мщеніе Фіоравенти удовлетворено. Въ это время онъ согласился на желаніе Антона путешествовать по Италіи. Молодой врачъ поѣхалъ въ Миланъ. Тамъ хотѣлъ онъ слушать у знаменитаго Николя де-Монтано уроки краснорѣчія и философіи, которыя считались непремѣнными спутниками всѣхъ знаній и отъ которыхъ не освобождались цари. Вмѣсто этихъ уроковъ, онъ услышалъ звуки бичей: ими потѣшался надъ ученымъ бывшій ученикъ его, самъ герцогъ миланскій, Галеаццо Сфорца. Вмѣсто многочисленныхъ слушателей де Монтано, онъ видѣлъ невольныя жертвы сластолюбія, передаваемыя могучимъ злодѣемъ на позоръ своимъ придворнымъ рабамъ и ласкателямъ: видѣлъ, какъ, ругаясь надъ человѣчествомъ, кормили людей пометомъ. Въ Римѣ тотъ же развратъ: костры, кинжалъ и ядъ на каждомъ шагу. И далѣе, по пути Антона, вездѣ возмущенія, нѣсколько подвиговъ нѣсколькихъ избранниковъ, и вездѣ торжество глупой черни и развратной силы. Могъ ли равнодушно видѣть это дѣвственникъ на позорищѣ свѣта, съ своею любовью ко всему прекрасному и благородному? Исполненный негодованія, онъ возвратился въ Падуу. Одно, что онъ утѣшительнаго принесъ домой изъ своего путешествія — такъ это воспоминаніе о знакомствѣ съ Леонардомъ да-Винчи, полюбившимъ его какъ родного сына. Случай сблизилъ ихъ. Художникъ, встрѣтясь съ нимъ, такъ пораженъ былъ соединеніемъ на лицѣ его красоты наружной съ душевною, что старался заманить его въ свою мастерскую. Не въ одной фигурѣ Небеснаго Вѣстника на полотнѣ Леонарда да-Винчи могли бъ вы узнать Антона. У этого знаменитаго художника учился онъ анатоміи. Изъ Италіи

посѣтилъ онъ мать свою, въ бѣдномъ богемскомъ замкѣ, на берегу Эльбы, который она купила именно для свиданія съ сыномъ и будущаго пребыванія своего, и который, говорила она ему, есть единственное родовое достояніе ихъ. Здѣсь пробылъ онъ близъ года, посѣщая иногда Прагу и его университетъ, тогда знаменитый.

Вскорѣ по возвращеніи его въ Падуу, Фіоравенти получилъ письмо изъ Московіи съ посломъ русскимъ, бывшимъ въ Венеціи. Письмо это было отъ его брата, Рудольфа Альберти, прозваннаго Аристотелемъ, знаменитаго зодчаго, который находился, съ нѣкотораго времени, при дворѣ московитскаго великаго князя Іоанна III Васильевича. Художникъ просилъ доставить врача въ Москву, гдѣ ожидали его почести, богатства и слава.

Фіоравенти началъ пріискивать врача, охотника въ страну далекую, мало извѣстную. Никогда не думалъ онъ предлагать это путешествіе своему воспитаннику: и молодость его, и разлука съ нимъ, и варварская страна—пугали старика. Воображеніе его не разыгрывалось болѣе; только разсудокъ и сердце имѣли надъ нимъ волю. И чего жъ тамъ искать Антону? Участь его навсегда обезпечена состояніемъ воспитателя, спокойствіе ограждено обстоятельствами, имя сдѣлаетъ онъ себѣ скорѣе въ Италіи. Мѣсто врача при великомъ князѣ московитскомъ годится для бѣднаго искателя приключеній, а этихъ искателей, по урожаю времени, можно найти съ дарованіями и ученостью. Но лишь только письмо Аристотеля не сдѣлалось тайною для Антона, въ пламенной головѣ забушевали мечты. «Въ Московію!» отозвалось въ душѣ его, какъ будто

на зовъ, знакомый съ первыхъ лѣтъ младенчества. Она и прежде, въ лучшихъ мечтахъ своихъ, просила дали, неизвѣстнаго, новыхъ земель и людей. Антонъ желалъ быть тамъ, гдѣ не ступала еще нога врача. Можетъ статься, допроситъ онъ тамъ природу суровую, еще свѣжую, какими силами задержать долѣе на землѣ временнаго жильца ея, можетъ статься допытаетъ дѣвственную почву о тайнѣ возрожденія, откроетъ на ней родникъ живой и мертвой воды. Кто хотѣлъ бы глубже проникнуть въ природу человѣка, дозналъ бы въ этихъ желаніяхъ и другія побужденія. Не играла ли въ немъ рыцарская кровь; духъ мечтательной отваги не шепталъ ли его сердцу свои надежды и обѣты? Какъ бы то ни было, онъ съ радостью вызвался ѣхать въ Московію; потомъ, услыхавъ отказъ воспитателя, сталъ неотступно просить, умолять его объ этомъ.

— Наука зоветъ меня туда, — говорилъ онъ, — не лишите ее новыхъ пріобрѣтеній, можетъ быть важныхъ открытій. Не лишите меня моей славы, которая для меня одно съ счастіемъ.

И за этими убѣжденіями послѣдовалъ отказъ.

— Знаешь ли,—сказалъ съ сердцемъ Фіоравенти,— что врата въ Московію, что врата адовы: переступишь черезъ нихъ, назадъ не воротишься.

Но вдругъ, неожиданно, по какой-то тайной причинѣ, не сталъ больше противиться желанію Антона. Со слезами благословилъ онъ его въ путь.

— Кто знаетъ,—говорилъ онъ,—не есть ли на то воля судьбы! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тамъ ожидаетъ тебя честь и слава!

Въ Падуѣ скоро узнали о намѣреніи Антона Эрен-

штейна пуститься въ такое далекое путешествіе, и никто этому не дивился. Сыскались даже и завистники.

Правда, самое время, въ которое жилъ Антонъ, настроивало умы къ преслѣдованію неизвѣстнаго, служило его мечтамъ извиненіемъ. Вѣкъ глубокаго разврата былъ вмѣстѣ и вѣкомъ высокихъ талантовъ, смѣлыхъ предпріятій, великихъ открытій. Рылись въ утробѣ земной, питали въ горнилѣ огонь неугасимый, сочетали и разлагали стихіи, зарывались живые въ гробы, чтобы добыть философскій камень, и нашли его въ безчисленныхъ сокровищахъ химіи, завѣщанныхъ потомству. Николай Діасъ и за нимъ Васко-де-Гама исполински шагнули черезъ одну часть свѣта въ другую и показали, что милліоны предковъ ихъ были пигмеи. Генію третьяго снился новый міръ съ новыми океанами, и онъ на яву сходилъ за нимъ и принесъ его человѣчеству. Порохъ, компасъ, книгопечатаніе, дешевая бумага, регулярныя войска, сосредоточеніе народовъ и власти, геніальное разрушеніе и геніальныя созданія,—все было дѣломъ этого изумительнаго вѣка. Ужъ въ это самое время смутно носились по Германіи и во многихъ мѣстахъ Европы идеи преобразованія, которыя вскорѣ должны были усилиться гоненіями западной церкви, разложиться въ логической головѣ Лютера и вспыхнуть въ этомъ міровомъ кратерѣ, изъ котораго огненная лава и пепелъ потекли съ такою грозною быстротою на царства и народы. Идеи эти ходили тогда по толпамъ, сновались, задержанныя рвали преграды, и еще сильнѣе бѣжали впередъ. Тревожный, любознательный характеръ Антона былъ выраженіемъ его вѣка. Онъ поддался мечтамъ

пламенной души, и искалъ только, куда нести ее и запасы науки.

Московія, дикая, но возрождающаяся, съ своими безпредѣльными снѣгами и лѣсами, съ таинственностью своего азіатизма, была для многихъ новооткрытою землею, богатымъ рудникомъ для генія человѣка. Московія, начинавшая осиливать внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, нуждалась, на первый разъ, въ наружномъ, вещественномъ образованіи.

Изъ семьи художествъ и искусствъ первые гости, пришедшіе къ ней на зовъ ея, были: зодчество, живопись, литье пушекъ и колоколовъ. Въ ратномъ дѣлѣ силу огнестрѣльнаго оружія начали брать на помощь въ силѣ мышцъ; храмы требовали болѣе великолѣпія; князья и бояре искали въ жилищахъ своихъ болѣе удобства и безопасности отъ пожаровъ. Всѣ эти потребности двигалъ и удовлетворялъ Іоаннъ III Васильевичъ, смотрѣвшій уже на Русь свою очами и мыслью царя. Можетъ быть, обручальное кольцо послѣдней отрасли Палеологовъ скрѣпило еще болѣе врожденную любовь его къ великолѣпію царской жизни, если не любовь къ искусствамъ и художествамъ. Софія разсказывала ему о чудныхъ палатахъ и храмахъ Италіи, о блескѣ тамошнихъ дворовъ, и этими разсказами указала ему средства осуществить идеи наружнаго величія, которыя смутно еще носились въ головѣ и сердцѣ властителя. Никогда потребности русскихъ, въ этомъ отношеніи, не могли быть лучше удовлетворены. Въ Италію тѣснилась ученая Греція, испуганная мечомъ оттомановъ; въ свою очередь, Италія спѣшила подѣлиться съ другими избыткамъ сокровищъ и дарованій, принесенныхъ къ ней потомками Фидія и Архимеда.

Бѣдность, отвага и любовь къ прекрасному—всюду разносили эту добычу. Зодчіе, литейщики, живописцы, рѣзчики, серебреники — отправлялись гурьбою въ Москву.

Не слышно еще было, чтобы какой извѣстный врачъ посѣтилъ Московію. А сколько добра могъ бы онъ тамъ сдѣлать!.. Врачуя, всего легче, удобнѣе просвѣщать; человѣкъ всегда охотнѣе повинуется своему благотворителю. «Народъ русскій юнъ, свѣжъ, слѣдовательно, готовъ принять все прекрасное и высокое»,—думалъ Антонъ. «Въ Московію, Антонъ! туда, съ твоею пламенною душою, съ твоими дѣвственными надеждами и учеными опытами, туда, въ эту восточную Колумбію!»

Изъ Падуи провожали молодого врача любовь ученыхъ наставниковъ, желаніе ему всякаго успѣха и любовь всѣхъ, кто только зналъ его. За нимъ летѣли и сожалѣнія пламенныхъ итальянокъ. Сколько тайныхъ консультацій ему было готовилось! И, конечно, не наука, не бакалаврскій дипломъ были причиной этихъ сожалѣній. Боже мой, какая наука!.. пара голубыхъ глазъ, исполненныхъ огня и привлекательной задумчивости, ленъ кудрей, нѣжный и волнистый, какъ руно агнца, бѣлизна сѣверныхъ жителей, станъ, прекрасно изваянный? еще что бы, да еще юношеская стыдливость, которую такъ пріятно побѣдить. А что вѣренъ былъ вкусъ итальянокъ—это доказывали и соотечественники ихъ. Встрѣчая нѣмецкаго бакалавра, художники останавливали на немъ зоркій, восторженный взглядъ: взглядъ Леонарда-да-Винчи умѣлъ цѣнить прекрасное. Однакожь, несмотря на соблазны итальянскихъ сиренъ, на пламенный вызовъ

ихъ очей и бесѣдъ, на букеты цвѣтовъ и плоды, которые онѣ, по тамошнему обыкновенію, бросали въ него изъ оконъ своихъ, Антонъ Эренштейнъ вынесъ изъ Италіи сердце, свободное отъ всякой страсти или порочной связи.

Фіоравенти простился съ своимъ воспитанникомъ не безъ горькихъ слезъ, проводя его до богемскаго замка. Онъ снарядилъ его не только всѣмъ нужнымъ на путешествіе, но и для представленія себя въ блестящемъ видѣ при дворѣ московитскаго государя.

Если можетъ быть рай на землѣ, такъ Антонъ испыталъ его цѣлый мѣсяцъ въ богемскомъ замкѣ. О! конечно, не промѣнялъ бы онъ этого бѣднаго жилища, дикой природы, на берегахъ Эльбы, ласкъ убогой матери, которой старость могъ онъ успокоить своими трудами и любовью; нѣтъ, не промѣнялъ бы всего этого на великолѣпныя палаты, на старанія знатныхъ родителей пристроить его ко двору императора, на раболѣпную прислугу многочисленныхъ вассаловъ, которыхъ онъ властенъ былъ бы травить собаками.

И, вѣрный своему обѣту, съ мыслью быть полезнымъ матери, наукѣ и человѣчеству, мечтатель покинулъ этотъ рай. Мать благословила его на далекое путешествіе въ край неизвѣстный. Она боялась за него, но видѣла, что Московія сдѣлалась для него обѣтованною землею, и могла ли отказать его желаніямъ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАМЫСЕЛЪ

Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю.
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ:
Прибѣгни къ Асмодею...
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.
«Громобой» — *Жуковскій.*

Такъ на взаимную пошло у нихъ услугу.
Хмельницкій.

Наступилъ день Герасима-грачевника, 4 го марта. когда показываются крикливые вѣстники благодатной весны; но тогда грачи еще не прилетали, потому что зима была лѣнивая или спѣсивая, не трогалась съ мѣста, не уступала своего владычества счастливой соперницѣ. Только-что разсвѣтало. У плотины мельницы, стоявшей на Неглинномъ прудѣ, съѣхались два всадника, повидимому два боярина. Они стали держать путь въ Кремль, къ Боровицкимъ воротамъ. Казалось, нельзя было соединить двухъ существъ, такъ не сходныхъ по наружности. Несмотря на это, проницательный взоръ угадалъ бы въ нихъ душу, вылитую по одному образцу, съ небольшими развѣ отмѣтками, для которыхъ природа такъ изобрѣтательна.

Помните ли вы Петрова въ «Робертѣ-Діаволѣ»? И какъ не помнить! Я видѣлъ его въ этой роли только разъ; и до сихъ поръ, когда вздумаю о немъ, меня преслѣдуютъ звуки, будто отзывы изъ ада: «*да, покровитель!!*» — и этотъ взглядъ, отъ обаянія котораго душа ваша не имѣетъ силъ освободиться, и это шафранное лицо, исковерканное бѣснованіемъ страстей, и этотъ лѣсъ волосъ, изъ котораго, кажется, выползти готово цѣлое гнѣздо змѣй. Одѣньте только этого Петрова въ старинное русское платье, опоясанное серебрянымъ ремнемъ, въ богатую шубу на пышной лисицѣ, въ высокую горлатную шапку, и вы тотчасъ ознакомитесь съ однимъ изъ ѣхавшихъ по плотинѣ Неглиннаго пруда. Подъ нимъ былъ могучій конь, осѣдланный богатымъ черкасскимъ сѣдломъ, гремящій узорчатою сбруей, писанной серебромъ, пополамъ съ рыбьими зубами. Другой всадникъ былъ маленькій, худенькій — глаза поникшіе, съ постнымъ лицомъ, съ смиренными, робкими движеніями, казалось, воды не замутитъ, привѣтливый, низкопоклонный. Сущій агнецъ!.. Но если онъ изъ своей раковины выползалъ изподтишка на свѣтъ Божій и высматривалъ кругомъ искоса, сквозь рѣсницы сонныхъ, едва полураскрытыхъ глазъ, то увѣрьтесь, онъ видѣлъ свою жертву по-ястребиному, тотчасъ хваталъ ее, и опять скрывался въ своей нечистой скорлупѣ. Снимая шапку, довольно поношенную (а это дѣлалъ онъ съ товарищемъ очень часто, въ виду каждой церкви, передъ которою русскій Бертрамъ творилъ наскоро, слегка, крестныя знаменія, между тѣмъ какъ смиренникъ означалъ ихъ глубоко, протяжно, ударяя себя въ грудь), — снимая свою шапку, онъ обнажалъ голову,

едва окаймленную какими-то ощипками сѣдыхъ волосъ. Подъ масть имъ, опушка его шубы была такъ вытерта, что трудно было бы угадать звѣря, давшаго ей мѣхъ съ плечь своихъ. Тощая клячонка, съ приличною сбруей, едва подъ нимъ переваливалась. Лѣтами онъ далеко ушелъ отъ товарища. Этому могло быть съ небольшимъ 40 лѣтъ; онъ красовался во всей силѣ жизни; напротивъ, тотъ казался хилымъ старикомъ. Одинъ былъ бояринъ, другой — бояринъ и дворецкій великаго князя. Молодцамъ этимъ дана была по шерсти и кличка: перваго звали Мамономъ, втораго Русалкой.

— Все ли Богъ милуетъ, Михайло Яковлевичъ? — спросилъ Мамонъ.

— Твоими молитвами, батюшка Григорій Андреевичъ! — отвѣчалъ Русалка, — а то — гдѣ бы? по тяжести грѣховъ мопхъ меня бы и земля не снесла.

— Безгрѣшенъ одинъ Господь.

— Господь на небеси, да еще, прибавить изволь, господинъ нашъ и всея Руси великій князь.

— Видно, нелюбье свое взялъ назадъ!

Тутъ Мамонъ лукаво посмотрѣлъ на своего товарища; этотъ, безъ малѣйшей тѣни досады, отвѣчалъ:

— Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Однимъ пожалуетъ нынѣ, другимъ завтра, одно потонетъ, другое всплыветъ на верхъ — умѣй только ловить, родной мой!

— Ловишь, а тутъ изъ-подъ руки у тебя подхватываютъ. Что мы съ тобой нажили? Избушку на курьихъ ножкахъ да прозваніе шептуновъ... Велика пожива! Посмотришь, то ли съ другими боярами? Хоть бы недалеко взять Образца! Построилъ себѣ каменныя

палаты на диво, поднялъ такъ, что и черезъ Кремль поглядываютъ.

— Идетъ слухъ, будто мѣритъ корабленники зобницами [1]). Мудрено-ль? нахваталъ въ Новгородѣ—буди не въ осужденіе его милости сказано — упаси насъ Господи отъ этого грѣха! (Здѣсь онъ перекрестился). Добыча воинская — добычка праведная!

— Нѣтъ грѣха бодливому сломать рога. Спѣсивъ шелонецъ, никого въ уровень себѣ не ставитъ.

— Къ слову молвить: чѣмъ сынъ твой не чета его дочкѣ родомъ и почетомъ, умомъ-разумомъ и пригожествомъ?

Вспыхнули очи Мамона. Онъ только-что сваталъ дочь воеводы Образца за своего сына, и получилъ отказъ: неслись ужъ слухи, потому что мать самого Мамона была волшебница, которая и сожжена [2]). Отъ словъ Русалки, ему казалось, шапка на головѣ его загорѣлась; онъ придавилъ ее могучею рукой и, горько усмѣхнувшись, сказалъ:

— Ты ужъ вѣдаешь?..

— Развѣ я одинъ!

— Не ты одинъ! Да... другіе... многіе... вся Москва.

— Земля слухомъ полнится, батюшка Григорій Андреевичъ!

— Чай, смѣются!.. Чай, говорятъ: куда сунулся сынъ колдуньи!.. Что... говорятъ?.. Скажи, голубчикъ, пожалуйста.

— Грѣхъ таить... похвалялся самъ Образецъ.

---

[1]) Хлѣбная мѣра того времени.

[2]) Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ.

— Похвалялся? собачій сынъ!.. А ты, ты, задушевный, не сказалъ словечка за меня?..

— Распахнулся, разразился, батюшка Григорій Андреевичъ, такъ что воеводѣ заочно было жарко; положилъ всю душу свою, все разумѣніе на языкъ... говорилъ, что Образецъ самъ свахъ къ тебѣ заслалъ, да...

— Самъ, не самъ, что до того!.. Смотри, *пятенщикъ* мой [1]), — прибавилъ Мамонъ, грозя кулакомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ домъ воеводы Образца, — глубоко выжегъ ты *пятно* на груди моей! Вырву его хоть съ полостью мяса, насыщу его зельемъ... зелыцемъ на славу!.. поставлю не на простой мисѣ, на серебряной... кушай себѣ на здоровье да похваливай повара! Ты пособишь, Михайла Яковлевичъ... А?.. Вѣстимо, такъ?.. Пиръ за пиръ! Вѣдь и тебя употчивалъ онъ хмѣльнымъ на своемъ новосельѣ.

Очередь дошла до Русалки. Лицо его подернуло; онъ началъ похлопывать вѣками. Видно было, что и его тронуло за живое. Онъ однакожъ молчалъ, скрѣпя сердце. Товарищъ его продолжалъ, бросая на него насмѣшливые взгляды.

— А братчина была на весь міръ! Не одну бочку меду выкатили изъ погребовъ, не одна почетная голова упала подъ столъ. И корабленники разносили гостямъ на память новоселья... Былъ ли ты званъ, дворецкій великокняжескій?

Ничто не могло такъ расшевелить жадную душу

---

[1]) Пятенщикъ, ставившій клеймо на лошадяхъ и собиравшій за то пошлину въ казну или на монастыри, которымъ эта пошлина предоставлялась граматою.

дворецкаго, какъ напоминаніе о потерянной выгодѣ. Встревоженный, онъ отвѣчалъ со вздохомъ:

— Гдѣ намъ между шелонскихъ богатырей! Мы не драли кожи съ плѣнныхъ новгородцевъ (онъ намекалъ на князя Даніила Дмитріевича Холмскаго); мы не водили сына-птенца, безсильнаго, неразумнаго, подъ мечи крыжаковъ — на насъ не будетъ плакаться ангельская душка — мы не убивали матери своего дѣтища (здѣсь онъ указывалъ на самого Образца). Гдѣ намъ! Мы и цыпленка боимся зарѣзать. Такъ куда же соваться намъ въ ватагу этихъ знатныхъ удальцовъ, у которыхъ, прости Господи, руки по локоть въ крови!

— Да, мы не рѣжемъ, а натянемъ лукъ и пустимъ каленую стрѣлу въ коршуна, что занесся высоко. Любо какъ грохнетъ на земь!.. Грѣха таить нечего, обоимъ намъ обида кровная! Униженіе паче гордости. Дѣло овечье протягивать голову подъ ножъ. «Око за око, зубъ за зубъ» — гласитъ писаніе. Мы грѣшные люди: по моему, за одинъ глазъ вырвать оба, за одинъ зубъ не оставить ни одного, хоть бы пришлось отдать душу сатанѣ!

Русалка плюнулъ, перекрестился и прошепталъ:

— Прости, Господи!

— Не молитвы, а думы хитрой жду отъ совѣтника и друга. Твоя голова не горитъ, нейдетъ кругомъ, какъ моя. Ты для меня разъ, въ другой я для тебя, будутъ и за насъ, мы за нихъ, круговая порука, хоть стономъ пойди земля! И въ другихъ странахъ, сказываютъ наши ѣздоки, знатные люди не иначе крѣпко держатся.

Коварно улыбнулся Русалка и примолвилъ:

— Не утаю отъ тебя, задушевный... Я ужъ несъ къ господину нашему думку на сердцѣ; на первый разъ охнетъ отъ ней воевода, будто ударили его осломъ! Вѣдаешь, ѣдетъ къ намъ отъ нѣмцевъ лекарь Антонъ, вельми искусный въ цѣленіи всякихъ недуговъ. Остается ему три дня пути...

— Чтожъ изъ этого?

— Вотъ что, задорная голова! У Образца новыя каменныя палаты, поставленныя на славу и, прибавить изволь, на его голову. Деревянный свой, трухлый дворъ онъ сломалъ: перейдти ему некуда. Нашему господину и великому князю потребно, чтобы врачъ ради всякаго недобраго — случая, отъ чего Господи оборони Ивана Васильевича на всякъ часъ живота его — слова изъ рѣчи не выкинешь, отъ слова не сдѣлается, — потребно, говорю я, чтобы врачъ находился неподалеку отъ его хороминъ. Изъ нихъ въ палаты Образца будто рукой подать. То и подобаетъ лекаря Антона, поганаго нѣмчина...

— Поставить въ каменныя палаты воеводы, — перебилъ Мамонъ радостнымъ голосомъ, — отобрать у него лучшія клѣти, оружейную, постельную, сѣни... Нѣмчинъ для него въ домѣ хуже нечистаго; того ладаномъ выкуришь да святой водой выгонишь, а этого, засадитъ разъ Иванъ Васильевичъ, не выживешь никакою силою. Придется хозяину хоть въ удавку! Но позволитъ ли великій князь?

— Берусь за это. Тебѣ нельзя замолвить и словечка: о твоемъ размирьи съ Образцомъ если не знаетъ еще нашъ господинъ...

— Такъ узнаетъ нынѣ же, и черезъ тебя... не правда-ль?

— Не утаю, батюшка, повѣдаю... Нынѣ я на тебя, завтра ты на меня, скажемъ другъ на друга, только такія дѣла, за которыя Грозный потрясетъ по маковкѣ, а корня не тронетъ. Ты цѣлъ, я цѣлъ, а мы свое дѣльце сдѣлали. Но рѣчь, кажись, мы вели о нѣмчинѣ. Ты вѣдаешь, Образецъ въ набережныхъ сѣняхъ обидѣлъ посла нѣмецкаго. Грозно повелъ тогда на него очами Иванъ Васильевичъ; не сдобровать бы воеводѣ, да шелонская битва была на горячей памяти и... цѣлъ остался онъ. А прислушайся ушкомъ у сердца великаго князя: ухъ, кипитъ, гудитъ въ немъ нелюбье. И будетъ легче ему, хоть окинь сбросить на рьянаго боярина и за почетнаго нѣмчина отплатить ему нѣмчиномъ же. Стоитъ только намекнуть...

Остановилъ Мамонъ своего коня, скинулъ шапку и, опустивъ ее низехонько, также поклонился, сколько могъ ниже, какъ бы признавая его сатанинское первенство.

Этотъ, ухмыляясь, слегка приподнялъ свою и примолвилъ:

— Мы сочлись ужъ, если признаешь мою услугу. Будемъ говорить душа въ душу. Вѣдь ты началъ дѣло о князѣ Лукомскомъ и толмачѣ его?

— Видитъ Богъ, въ угоду Ивану Васильевичу и ради добра землѣ Русской... Литвинъ подосланъ своимъ государемъ Казиміромъ известь Ивана Васильевича... холопъ на него показалъ... зелье нашли... чего лучше, чтобы придраться къ Литвѣ, гдѣ пристань держатъ для всякаго, кто только осерчаетъ на нашего господина!

— Пыталъ я Лукомскаго и толмача, латынщика Матифаса... не признались! Призывалъ бабъ лихихъ; давалъ лизать зелье, одной всыпалъ насильно добрую

задачу въ горло, давалъ въ хлѣбѣ собакѣ; ни баба, ни собака не околѣли.

— Ну чтожъ послѣ, родной?.. — спросилъ Русалка со страхомъ.

— Послѣ?.. Для тебя... отъ одной маковой крупинки разорвало ту же собаку! Все скрѣпилъ золотою петлей! Не бойся, тебя во лжецы не поставлю, Михайло Яковлевичъ!

Въ свою очередь, дворецкій снялъ исщипанную шапку и, низко поклонясь, примолвилъ:

— Самъ Господь заплатитъ тебѣ!

— Полно, не грѣши, Михайло! Свои люди, сочтемся. Услужи мнѣ только Образцомъ.

Дворецкій показалъ съ чувствомъ на церковь Спаса, къ которой они подъѣзжали. Вышки великокняжескихъ хоромнъ выглядывали ужъ изъ-за нея. Чтобы не подозрѣвали въ нихъ какого сговора, они поѣхали — одинъ по набережной Кремля, другой къ Никольскимъ воротамъ. Разставаніе ихъ было только до великокняжескаго двора, гдѣ они должны были свидѣться.

На поклоны прохожихъ, знавшихъ, что они сильные люди, Мамонъ едва приподнималъ свою шапку, Русалка отвѣчалъ низкими поклонами. Одни молодые удальцы, которымъ терять было нечего, кромѣ своей головы, провожали перваго именемъ «наушника», которое онъ и оставилъ за собою въ потомствѣ [1]), второго подстрѣливали только слегка насмѣшками. Надо сказать, что Мамонъ былъ особенно нелюбимъ народомъ за то, что, во время нашествія ордынскаго хана

---

[1]) Такимъ же именемъ исторія опятнала боярина Ивана Васильевича Ощеру.

Махмета на Русскую землю, склонялъ великаго князя на робкія мѣры и во всякое время шепталъ ему обо всемъ, что дѣлалось въ семейной жизни и на міру. Русалка умѣлъ избѣгнуть этой ненависти, потому что поступки свои скрывалъ подъ благовидною личиною усердія и необходимости и находилъ оправданія передъ великодушіемъ народа въ изученной бѣдности, привѣтѣ ко всякому и христіанскомъ смиреніи. Между тѣмъ пріятель его, гордый, напыщенный, топталъ въ грязь общее мнѣніе и хвастался своимъ ремесломъ, которое приближало его къ великому князю, милостямъ его и власти дѣлать зло.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕЛИЧАНІЕ

Великій князь жилъ тогда въ деревянныхъ хоромінахъ, на такъ называемомъ *Старомъ мѣстѣ*, за церковью Благовѣщенія, недавно отстроенною. Кромѣ того стоялъ трухлый дворъ великокняжескій за церковью Михаила Архангела (тогда еще деревянною), на *Ярославскомъ* мѣстѣ. Все это предположено было одно за другимъ сломать. *Золотая палата* и *Теремный дворецъ* уже созидались въ головѣ Ивана Васильевича; и чтобы осуществить свои намѣренія, ожидалъ онъ только искусныхъ зодчихъ, которые должны были вскорѣ пріѣхать съ нѣмецкимъ врачомъ. Хоромины великокняжескія состояли изъ нѣсколькихъ клѣтей, углубленныхъ или выдавшихся изъ главнаго строенія. Онѣ отличались, по назначенію своему или расположенію, названіями: сѣнника, избы средней, западной, брусяной, постельной, столовой, гридни, повалуши, теремовъ, и такъ далѣе. Со всѣхъ сторонъ окружали ихъ переходы подъ навѣсами и съ глухими перилами, которые примыкали къ домовой церкви и часовнямъ; главный изъ этихъ переходовъ велъ къ церкви Благо-

вѣщенія, потому такъ и называемой: на дворѣ великокняжескомъ правитель народа не начиналъ и не оканчивалъ дня безъ молитвы въ домѣ Божіемъ. Даже больные и женщины не увольнялись отъ этого долга; окна изъ упокоевъ ихъ устроены были такъ, что они могли изъ нихъ слушать церковную службу и молиться на мѣстныя иконы храмовъ. (Такимъ образомъ почти и у каждаго богатаго человѣка была церковь на своемъ дворѣ). Нѣсколько крылецъ, изъ которыхъ *Красное* отличалось каменными уступами и рѣзными украшеніями, сходило на площадь. *Набережныя сѣни* выступали впередъ особенною палатою. Зодчество тогдашняго времени было немудрое, дѣтское; затѣи его состояли только въ нѣкоторыхъ наружныхъ прикрасахъ. Фронтоны, какъ и вообще богатыхъ церквей русскихъ, представляли обращенныя къ небу сердца, главы — такъ же. Взгляните на рисунки индійскихъ храмовъ, именно зиговъ [1]), и вы найдете въ нихъ первообразъ нашихъ храмовъ. Мастера особенно любили щеголять другъ передъ другомъ въ развивѣ столбиковъ, въ узорочной рѣзьбѣ на подзорахъ и надъ *красными* окнами. Рѣзьба эта на деревѣ была такъ искусна, что едва причудливая кружевница могла лучше сдѣлать изъ нитокъ. Впрочемъ, ветхому жилищу великокняжескому придавали какую-то мрачность ржавое желѣзо рѣшетокъ, ограждающихъ окна, тусклый матъ ихъ слюды, оправленной въ свинецъ, преклонные теремки, уходящіе въ ветхій гробъ свой — крышу, по которой время разбросало клочки зеленаго и порыжѣлаго моха. Мы сказали, что хоромины стояли на пло-

---

[1]) «Худ. Газета», 1838. № 8.

щади. Четыре улицы, немного пошире тогдашнихъ обыкновенныхъ, загроможденныя церквами, похожими на часовни, и домами наподобіе богатыхъ избъ въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, — вотъ вамъ и дворцовая площадь! Надо прибавить, что нѣкоторые домишки, несмотря на присутствіе дворца, безчинно выходили изъ ряду, чтобы похвалиться волею своего господина. Цѣлый *городъ*, заключавшійся въ оградѣ Кремля, походилъ на муравейникъ домовъ и церквей, по которому дитя провело, въ разныя стороны, какъ попало, нѣсколько дорожекъ. На этихъ-то дорожкахъ крыша одного дома почти сходилась съ крышею другого, такъ что смѣльчакъ могъ бы, не хуже хромоногаго бѣса, сдѣлать по нимъ изрядное путешествіе. Отъ этой тѣсноты пламя такъ часто пожирало цѣлую Москву.

Но въ ветхихъ хороминахъ, за церковью Благовѣщенья, жилъ первый господинъ *всея* Руси. Въ нихъ замыслилъ и заложилъ онъ будущее могущество ея; сюда, встревоженные признаками этого могущества, государи присылали своихъ пословъ ему поклониться и искать съ нимъ связей. Подходя къ этимъ хороминамъ, царедворцы русскіе усерднѣе слагали молитвы Архистратигу небеснаго воинства, да помилуетъ ихъ отъ гнѣва грознаго земного владыки.

Солнце не высоко играло надъ землею, а на дворѣ великокняжескомъ все ужъ давно принялось за дневныя заботы. Вездѣ суетились дворчане, учрежденные Іоанномъ по образцу европейскихъ дворовъ, по которымъ онъ далъ названія русскія, сообразно ихъ должностямъ (распоряженіе, къ сожалѣнію, отмѣненное Петромъ I). Дворецкій Русалка преобразился въ новую одежду.

Онъ успѣлъ ужъ побывать у маленькихъ дѣтей Іоанна и отнести имъ игрушки; успѣлъ сдѣлать разныя угожденія и Софіи, супругѣ великаго князя, и Еленѣ, супругѣ сына его, несмотря, что онѣ не ладили одна съ другою; кого изъ дворскихъ потѣшилъ ласковымъ словомъ, кого шуточкой. Онъ вездѣ поспѣвалъ, всѣмъ заправлялъ, и мало что приводилъ въ дѣйствіе положенное, обычное, старался еще упредить желанія и прихоти своего властителя на весь слѣдующій день. Обязанности дворецкаго ограничивались дворомъ великокняжескимъ; но онъ, волею и неволею, расширилъ кругъ ихъ за предѣлы его. На Русалку налагали иногда самыя трудныя, щекотливыя порученія, нерѣдко опасныя и грязныя; на иныя онъ иногда самъ вызывался, желая доказать, что онъ хотя и хилъ наружностью, но богатырь лукавствомъ и умомъ. Такихъ слугъ любилъ Іоаннъ, и на нихъ-то намекалъ, говоря: «мнѣ хоть бы песъ, да яйца несъ». Замѣчая ихъ обманы, онъ наказывалъ ихъ то грознымъ словомъ, то посохомъ или временною опалою, а чаще закрывалъ глаза на тѣ проказы ихъ, которыя не вредили ни лицу его, ни государству.

Съ посохомъ великаго князя и его горлатною шапкой второго наряда, дворецкій ожидалъ его у дверей средней избы, отдѣлявшей повалушу отъ брусяной, въ которой находился Русалка. Голыя стѣны этой избы красовались только съ четырехъ сторонъ иконами огромнаго размѣра, въ кивотахъ, съ подвѣсками изъ камки, унизанной или золотыми *дробницами* или *угорскими* (венгерскими) *пенязями* (Pfennig). Въ обширной комнатѣ не было никакой мебели, кромѣ дубоваго стола, украшеннаго искусною рѣзьбой, и двухъ ска-

меекъ съ суконными полавочниками; подъ каждой стояла *колодка* (скамеечка для ногъ) и подостланъ былъ кизылбахскій (персидскій) коверъ или подножье, какъ называли наши предки. Все было тихо, какъ въ склепѣ. Неподвижно стоялъ Русалка, прикованный слухомъ и всѣми помыслами къ двери, черезъ которую долженъ былъ выйти великій князь. Вдругъ въ средней избѣ прокричалъ кто-то смутно, словно больной, сердитый старикъ, страннымъ, охриплымъ голосомъ:

— Царь Иванъ Васильевичъ! Царь Иванъ!

Тутъ Русалка улыбнулся, съежилъ плеча и покачалъ головою, будто хотѣлъ сказать: то-то потѣха! Потомъ приложилъ ухо къ двери. Вотъ, что тамъ говорили.

— Хе, хе, хе! Ѳоминишна, это твое дѣльце,—сказалъ мужской голосъ. — Ты навела меня на татаръ, а теперь вижу, куда гнешь... Спасибо, спасибо!

Скрипнула дверь, и послышался голосъ женщины:

— Пора! тебѣ ужъ вся Русь кланяется этимъ именемъ, да и римскій цесарь называетъ тебя своимъ братомъ.

— Царь Иванъ, царь Иванъ! — закричалъ опять старикъ.

— Довольно, — прервалъ владычный голосъ мужчины, — у меня и безъ того много царя сидитъ въ головѣ: не угомонишь ничѣмъ. На сердцѣ пора, да на дѣлѣ не то; давно глазъ видитъ, да зубъ нейметъ... Вся Русь?.. Гдѣ она? гдѣ это царство, сильное, владычное, дружное, словно одно тѣло, у котораго руки и ноги дѣлаютъ, что похочетъ голова?

— Ты угомонилъ татаръ, покорилъ Новгородъ и раскинулъ свою державу такъ широко, что можешь

назваться царемъ русскимъ, — прервала Софья Ѳоминишна.

— Да, раскинулъ широко, и что захватилъ, то держу крѣпко; а тутъ на сердце налегли свои и вяжутъ меня. Подлинно, кровные! Кругомъ затынили меня Ярославъ, Ростовъ, Угличъ, Рязань; не крѣпка и калитка моего царства на чужой Вереѣ... Ѣдучи въ свой Новгородъ, запинаюсь всегда о Тверь... Выглянька въ окно, люба моя; не увидишь ли изъ него чужаго княжества, чужой трети! Подивись на каменныя палаты, на чудные домы Божіи моего стольнаго града, на хоромины наши... Чаи, во фряжской землѣ такихъ не видано?.. Охъ, охъ, охъ! инда зазорно было мнѣ посла нѣмецкаго.

— Храмъ Пречистой на диво построитъ намъ Аристотель; скоро будутъ къ намъ новые палатные мастера... построятъ и тебѣ дворецъ, и твоимъ боярамъ палаты. Лѣтъ черезъ пятокъ Москву не узнаешь.

— Прежде свалимъ тыны, срубимъ заставы, а тамъ, если Господь продлитъ живота, построимъ себѣ и царскія палаты. Тогда буду царемъ всея Руси не однимъ прозвищемъ; тогда скажу: видно, Богъ избралъ на то своего раба Ивана! Да, буду царемъ!

Съ этимъ словомъ распахнулась дверь, и великій князь быстро вошелъ въ брусяную избу, гдѣ стоялъ Русалка, успѣвшій приготовить свою личину по надобности.

Иванъ Васильевичъ собрался принимать епископа тверского и одного изъ именитыхъ людей тамошнихъ, присланныхъ шуриномъ и великимъ княземъ тверскимъ, Михайломъ Борисовичемъ. Послы пріѣхали отъ *меньшого* брата, разжалованнаго уже изъ *равнаго*, для по-

реговоровъ и извиненій по случаю перехваченной переписки его съ Казиміромъ, королемъ польскимъ. Для этого пріема великій князь московскій одѣлся, поверхъ нѣсколькихъ платьевъ разнаго наименованія, въ богатый становой кафтанъ, съ выводами на немъ людей: чѣмъ пышнѣе стояла одежда, тѣмъ краше и великолѣпнѣе считалась. Черные волосы его рѣзко выпадали изъ-подъ *тафьи* (татарскаго колпака), жемчугомъ шитой. На груди висѣла золотая цѣпь съ большимъ крестомъ изъ кипарисоваго дерева, въ которомъ хранились частицы мощей. Перстень на среднемъ пальцѣ правой руки сіялъ своею золотою, филиграновой оправой, а не камнемъ въ ней, который не отличался ничѣмъ отъ голыша. Но этого камня не отдалъ бы Иванъ Васильевичъ за дорогіе самоцвѣты: это былъ талисманъ—подарокъ отъ союзника и друга, крымскаго хана Менгли-Гирея, въ свою очередь получившаго его изъ Индіи. Вотъ что, по словамъ лѣтописца, писалъ къ русскому великому князю Менгли-Гирей, посылая этотъ даръ: «Тебѣ вѣдомо, что въ эндустанской землѣ *кердеченомъ* зовутъ *однорогъ* звѣрь, а рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ: у кого на рукѣ, какъ ѣдячи, то лизати, и въ лизати, и въ той яствѣ, что лихое зеліе будетъ, и человѣку лиха не будетъ». Изъ этого-то будто рога частичка была вставлена въ перстень, и потому Иванъ Васильевичъ никогда не скидалъ его, свято храня завѣтъ своего союзника, а, можетъ быть, съ намѣреніемъ предупредить всякое покушеніе на отраву.

Съ одной стороны быстрый, огненный взоръ изъподъ черныхъ, густыхъ бровей на дворецкаго—взоръ, который рѣдкій могъ выдержать и отъ котораго женщины слабаго сложенія падали въ обморокъ. Казалось,

имъ окинулъ онъ своего слугу съ ногъ до головы и обрѣлъ душу его. Съ другой стороны, глубокій, едва не земной поклонъ, которымъ Русалка хотѣлъ, казалось, скрыться отъ испытующаго взора, вручение посоха и цѣлованіе властительной руки. Шапку не принялъ Иванъ Васильевичъ и, далъ знать, чтобы онъ положилъ на одну изъ скамеекъ.

— Слышалъ ли, дворецкій, чѣмъ величала меня заморская птица? — спросилъ великій князь, прояснивъ свое нахмуренное чело.

Въ самомъ дѣлѣ, странный голосъ, слышанный дворецкимъ, былъ крикъ попугая, поднесеннаго великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ нѣмецкимъ посломъ. Дочь Палеологовъ, награжденная отъ природы силою ума и воли, въ которой отказано было ея братьямъ, знала очень хорошо, какая бездѣлица нужна была, чтобы рѣшить супруга на исполненіе великаго дѣла, созрѣвшаго въ могучей душѣ его. Она первая гласно не захотѣла быть рабыней татаръ. Выпросивъ для себя Ордынское подворье и, такимъ образомъ, выгнавъ ихъ изъ Кремля, Софья навела на мысль, что они сдѣлались не даромъ уступчивы и что также легко будетъ выгнать ихъ изъ Русской земли. Теперь же, когда Іоаннъ, унизивъ Казань, покоривъ Новгородъ и развѣдавшись съ ордою, замышлялъ объ освобожденіи своего государства отъ удѣлизма, стѣснявшаго его внутри и находившаго ему враговъ извнѣ, хитрая и честолюбивая Софья искала разныхъ средствъ усладить для него подвигъ несправедливый, но необходимый. И потому втайнѣ выучила заморскую птицу величать Іоанна именемъ царя, которое столько льстило ему.

— Видно, вѣщая птица, господине! — отвѣчалъ хитрый царедворецъ, подставляя къ окну скамейку, а потомъ подъ ноги великаго князя колодку, обитую золотомъ, и коверъ.

Все это исполнялось по движенію глазъ и посоха властителя, столь быстрому, что едва можно было за нимъ слѣдовать. Но дворецкій и тутъ не плошалъ. Откуда взялась прыть у хилого, стараго, въ которомъ, повидимому, едва душа держалась.

На полавочникѣ были вышиты львы, терзающіе змѣя, а на алтабасной (парчевой) колодкѣ двуглавый орелъ. Эта новинка не избѣгла замѣчанія великаго князя: черные очи его зажглись удовольствіемъ. Долго любовался онъ державными звѣрями и птицею и, прежде нежели сѣлъ на скамейку и съ бережью положилъ ногу на колодку, ласково сказалъ:

— И ты нынѣ, старый песъ, видно, сговорился съ Ѳоминишной потѣшить меня!

Дворецкій низко поклонился, охоливъ кулакомъ свою ощипанную, остроконечную бородку.

— Охъ, охъ! — продолжалъ великій князь, — легко припасти всѣ эти царскія снадобья, обкласть себя суконными львами и алтабасными орлами, заставить попугаевъ величать себя, чѣмъ душѣ угодно; да настоящимъ-то царемъ, словомъ и дѣломъ, быть не легко! Самъ вѣдаешь, чего мнѣ стоитъ возиться съ роденькой. Засѣли за большой столъ на большихъ мѣстахъ, да крохоборничаютъ! И лжицы не даю, и ковшами обносятъ, а все себѣ сидятъ, будто приросли къ однимъ мѣстамъ.

— Чтожъ, господине, коли чести не знаютъ..

— Такъ по шапкѣ, да изъ-за стола вонъ! Воистину

такъ, пора... Пускай себѣ кричатъ: грѣха не ставитъ, родныхъ обираетъ... дастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ. Нѣтъ, не дамъ. Прежде нежели я братъ, дядя, шуринъ, я государь всея Руси. Когда явлюсь на страшный судъ Христовъ, Онъ навѣрно спроситъ меня: печаловался ли ты о землѣ Русской, надъ которою Я поставилъ тебя владыкою и отцомъ; соединилъ ли воедино, укрѣпилъ ли эту Русь, хилую, разрозненную, ободранную? Вотъ что спроситъ Онъ, а не то, что пилъ ли изъ одного ковша съ братьями и сватьями, тѣшилъ ихъ, гладилъ ли по головкѣ за то, что они съ своими и чужими сосали кровь русскую!

Иванъ Васильевичъ замолчалъ и посмотрѣлъ на дворецкаго, какъ бы вызывая его на отвѣтъ.

Этотъ понялъ его и сказалъ съ низкимъ поклономъ:

— Пожалуй меня, господине, князь великій, своего слугу, молвить глупое слово.

— Молви умное, а за глупое скажу тебѣ дурака.

Опять поклонъ; Русалка приправилъ его слѣдующею рѣчью:

— Вступающимъ въ бракъ Господь наказываетъ оставить отца своего и матерь и прилѣпиться къ женѣ. Въ такой же бракъ вступилъ и ты, государь всея Руси, принявъ по рожденію и отъ святительской руки въ дому Божьемъ благословеніе на царство. Приложеніе сдѣлай самъ, господине! Умнѣе на твою рѣчь сказать не сумѣю; я не дьякъ и не грамотѣй.

— Грамота у тебя въ головѣ, Михайло!.. Ладно!..

Произнося послѣднее слово, великій князь оперся подбородкомъ на руки, скрещенныя на посохѣ, и погрузился въ глубокую думу. Такъ пробылъ онъ нѣсколько минутъ, въ которыя дворецкій не смѣлъ по-

шевелиться. Нельзя сказать, что въ эти минуты тихій ангелъ налетѣлъ; нѣтъ, въ нихъ пролетѣлъ грозный духъ брани. Рѣшена судьба Твери, бывшей сильной соперницы Москвы.

Наконецъ Иванъ Васильевичъ сказалъ:

— Позови ко мнѣ Мамона и дьяковъ монхъ.

Приказъ этотъ былъ немедленно исполненъ. Дворецкій тотчасъ возвратился съ своимъ пріятелемъ, намъ уже извѣстнымъ, и тремя новыми лицами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДОМОСТРОИТЕЛЬ И ДОМОЧАДЦЫ

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя:
Слава!
Такъ бы вились князья и бояре
Слава!
Около царя православнаго.
Слава!

Вошедши въ брусяную избу, всѣ они сотворили крестныя знаменія передъ образомъ Спасителя, потомъ низко-пренизко поклонились великому князю. Казалось, по росту ихъ, вышли они одинъ изъ другого, какъ дорожный приборъ стакановъ. Самый большой былъ дьякъ Ѳедоръ *Курицынъ*. Это былъ мужчина цѣлою головою выше Мамона, лѣтъ подъ 50, но казался старѣе своихъ лѣтъ. Непрерывныя умственныя заботы и труды сгорбили его и изнурили до болѣзненнаго состоянія. На обнаженной головѣ оставались только за ушми, будто для образчика, двѣ, три пары осиротѣвшихъ русыхъ локоновъ: лицо его изнывало, но мутные глаза издавали огонь ума; на изрытомъ челѣ Господь видимо утвердилъ знаменіе высокихъ помысловъ. Его употреблялъ великій князь по дѣламъ

дипломатическимъ. За нимъ слѣдовалъ Мамонъ. Потомъ дьякъ *Володимеръ Елизаровъ Гусевъ*, дѣлецъ, законникъ, достойный памяти потомства за сочиненіе «Судебника». Остального точно выпустили изъ пазухи Курицына: такой онъ былъ крохотный. Можетъ быть, въ странѣ лилипутовъ поставили бы его фланговымъ въ гвардію; не мудрено, что онъ прослылъ бы тамъ и великимъ человѣкомъ, потому что имѣлъ бы чѣмъ давить меньшихъ. Но между нашими огромными современниками пришелся бы мелкому егерю подъ мышку. Такъ-то все сравнительно получаетъ названіе! Зато одна часть его помрачала цѣлое. Онъ едва ли не осуществилъ карликовъ нашихъ сказокъ, о которыхъ говорится, что они съ ноготокъ, а борода у нихъ съ локотокъ. Исполинская, дивная борода! По ней дьякъ и названъ былъ Бородатымъ. Не думайте, однакожъ, что всѣ достоинства его ограничивались этимъ волосянымъ украшеніемъ. Нѣтъ, онъ сохранилъ и до насъ свое имя другими качествами, а именно: умѣлъ *говорить по лѣтописцамъ*, которыхъ твердо изучилъ, такъ что съ выученнаго не сбила бы его пушка, и красно по тогдашнему, то есть витіевато и напыщенно, описывалъ походы своего господина. Ему же поручено было обученіе придворнаго клира духовному пѣнію — какъ говоритъ историкъ не нашихъ временъ: «на разные роды древняго доброгласія». Однимъ словомъ, это былъ придворный человѣкъ-колибри: пѣлъ сладко, не тяготилъ вѣтки, на которую садился, и былъ счастливъ на своемъ гнѣздышкѣ не боясь, что за нимъ погонится коршунъ, которому отъ него нечѣмъ было поживиться.

— Ну, что... дѣло съ литвинами?—грозно спросилъ

Мамона великій князь. Очи его вызывали на кровавый отвѣтъ.

— И князь Лукомскій и толмачъ его Матифасъ показали, что хотѣли отравить тебя по насылу Казиміра, — отвѣчалъ Мамонъ съ твердостью. — Пыталъ я давать зелья лихимъ бабамъ; отъ одного макова зернышка пучило ихъ, а собаку разорвало.

Иванъ Васильевичъ скинулъ тафью, перекрестился и произнесъ съ благоговѣніемъ, смотря на образъ Спасителя:

— Благодарю Тя, Бога и Спаса моего, что сподобилъ меня, Своего грѣшнаго раба, избавиться отъ насильственной смерти.

Потомъ, лизнувъ перстень свой «*кердечень*», присовокупилъ:

— Спасибо и Менгли-Гирею!.. А то, пожалуй, далеко ли дьяволу до наущенія, и черезъ кровныхъ подсыпятъ. Нынче своихъ бойся болѣе чужихъ.

— Помилуй, государь, отецъ нашъ! допустимъ ли мы, твои вѣрные холопы! — воскликнули въ одинъ голосъ дворецкій и Мамонъ.

— Око Господне блюдетъ законныхъ владыкъ, — сказалъ Гусевъ, — тебя же особо, господине князь великій, для устроенія и блага Руси.

И крохотный дьякъ Бородатый пропѣлъ въ носъ свой панегирикъ.

Курицынъ молчалъ.

Казалось, Иванъ Васильевичъ не слыхалъ увѣреній своихъ царедворцевъ и продолжалъ:

— Превысокій, благородный, славный краль!.. христіанскій краль!.. Хуже бесермена!.. Не беретъ силою, такъ зеліемъ... Посмѣй отнынѣ лаять, что я затѣвак

съ нимъ размирье изъ корысти, хоть и безъ того было бы, что̀ поговорить о правахъ моихъ на древнюю отчину нашу, Литву!.. Смотри, однако, Мамонъ, не было ли кривды въ твоемъ допросѣ? не мстилъ ли, не дружилъ ты кому?

— Цѣловали со мною крестъ семь добрыхъ *видоковъ*, дѣтей боярскихъ. Не согрѣшили ни передъ Богомъ, ни предъ тобою, господине!

— Ладно!.. А что, Володимеръ Елизаровичъ, какое наказаніе положено по твоему судебнику тому лихому человѣку, что посягаетъ на чужую голову?

— Въ судебникѣ уложено, — отвѣчалъ Гусевъ: — «А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ вѣдомо лихой, и боярину того велѣти казнити смертною казнью, а истцевъ доправити; а что ся останетъ, ино то боярину и дьяку...»

— Законники, во-первыхъ, о себѣ помнятъ. Небось, о пошлинахъ боярину и дьяку не забыли! Написано ли что у тебя о государскомъ убойцѣ и крамольникахъ?

— И въ помышленіи такого случая не имѣлъ.

— То-то!.. Вы, законники, все пишете листы за листомъ, да не дописываете. А тамъ судьи праведные начнутъ пополнять, да пояснять, да посулы брать за темные недосказы. Законъ долженъ быть уложенъ, словно открытая ладонь, безъ перстаницы (великій князь развернулъ свой кулакъ); всякій темный человѣкъ довидитъ, что на ней, и зернышко маково не укроется. Коротка, да ясна, и, коли нужно, сильно хватаетъ!.. А то, пожалуй, надѣнутъ на законъ дырявую рукавицу, да еще сожмутъ въ кулакъ: отга-

дывай, четъ или нечетъ! Покажутъ то или другое, коли надо!

— Виноватъ, господине, князь великій! мы вотъ что прибавимъ въ судебникѣ: «А государьскому убойцу и крамольнику живота не дати».

— Быти по сему: живота не дать, кто самъ посягаетъ на чужую голову! — Тутъ онъ обратился къ Курицыну, но, вспомнивъ, что онъ не сроденъ къ порученіямъ о казняхъ, примолвилъ, махнувъ рукой:—забылъ я, что курица пѣтухомъ не поетъ. (При этихъ словахъ въ глазахъ дьяка проникло удовольствіе). Мамонъ, это твое дѣло! Скажи моему тіуну московскому, да дворскому, чтобы литвина толмача сожгли на Москвѣ-рѣкѣ. Сжечь ихъ, слышишь ли? чтобы другимъ неповадно было и помышлять о такихъ дѣлахъ.

Дворецкій поклонился и, охоливъ свою ощипанную бородку, произнесъ:

— На дняхъ будутъ сюда фряжскіе палатные мастера и нѣмчинъ-лекарь. Пречистая вѣдаетъ, можетъ, и межъ ними есть какіе лихіе люди. Коли дозволишь молвить, что на разумъ нашло.

— Говори.

— Пригоже было бъ имъ на первый разъ острастку дать: для того и казнить злодѣевъ при нихъ...

Великій князь, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— За лекаря Антона ручается мнѣ Аристотель: учился у брата его; палатные мастера — фрязы, люди добрые, смирные... Однако... кто вѣдаетъ?.. Мамонъ, вели подождать казнить до пріѣзда нѣмчина-лекаря; да смотри, чтобы на злодѣяхъ желѣза не спали!..

Здѣсь махнулъ Мамону рукой, чтобы шелъ исполнять его приказъ.

— Къ слову молвить, господине, — сказалъ Русалка, когда вышелъ его пріятель, — у кого прикажешь поставить нѣмчина?

— Поближе къ хороминамъ моимъ, ради всякаго случая.

— Аристотель говоритъ, ему зазорно жить въ нашихъ избахъ... а палаты каменны по близости только и есть, что у воеводы Василія Ѳедоровича Образца. Ты самъ приказалъ на память себѣ привесть...

Великій князь понялъ мысль дворецкаго и, усмѣхаясь, отвѣчалъ:

— Пригоже, Михайло, сильно пригоже!.. Боярину это будетъ нелюбо, да и то сказать, не умретъ же отъ нѣмецкаго духа. Пускай его почуетъ, откуда непогода!

Замолчавъ, онъ съ грозною важностью взглянулъ на Курицына. Этотъ началъ было говорить:

— Послы отъ тверского...

— Князя, хочешь ты сказать? — перебилъ Иванъ Васильевичъ, — не признаю болѣе тверского князя. Что, спрашиваю тебя, что обѣщалъ онъ намъ договорною граматою, въ которой былъ посредникомъ епископъ его, нынѣ къ намъ прибывшій?

— Что онъ разрываетъ союзъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ и безъ вѣдома твоего не будетъ имѣть съ нимъ сношеній, ни съ твоими недоброжелателями, ни съ русскими бѣглецами, что клянется за себя, за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ.

— У тебя *листъ* къ королю Казиміру отъ нашего шурина и доброжелателя, котораго называешь еще *великимъ* княземъ тверскимъ?

— У меня, государь.

— О чемъ тамъ говорится?

— Князь тверской возбуждаетъ короля польскаго противъ государя всея Руси.

— Теперь—суди насъ Богъ, а правда на моей сторонѣ! Ступай, и объяви посланнымъ ко мнѣ Тверью, что я не принимаю ихъ. Было имъ отъ меня слово милости: они надругались надъ нимъ. Что я имъ?.. Ветошь, которую они топчутъ нынѣ въ грязи, а завтра ставятъ вмѣсто пугала въ своихъ садахъ? Или болванъ?.. нынѣ-де поклоняются ему, а завтра бросаютъ въ поганое болото съ причитаніями: выдыбай, батюшка, выдыбай!.. Нѣтъ, не на того напали!.. Пускай ведутъ измѣнническую рѣчь съ королемъ польскимъ, и величаютъ его своимъ государемъ, а я самъ приду сказать Твери, кто настоящій ихъ господинъ. Нѣтъ терпѣнья мнѣ болѣе съ этими крамольниками!

Говоря это, великій князь разгарался болѣе и болѣе, наконецъ ударилъ посохомъ въ полъ, и посохъ переломился на-двое:

— Къ дѣлу, вотъ разметная наша грамата! — прибавилъ онъ. — Еще послѣднее слово. Покажи имъ эту трость: если бы погнулась, такъ была бы цѣла!..

Курицынъ, получивъ роковые обломки, вышелъ. Любомудръ того времени, смотря на нихъ, покачалъ головой и подумалъ:—«Такъ рушится сильная соперница Москвы!»

— Милости ко мнѣ велики, — продолжалъ великій князь, немного успокоившись:—Ростовъ и Ярославль отказываются отъ древнихъ правъ своихъ. Поспѣшимъ ковать желѣзо, пока горячо. Слово духъ, а что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ,—говоритъ

мнѣ всегда мой мужичокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ.

Исполинская борода, вслѣдствіе поклона ея крохотнаго обладателя, едва не упала на полъ.

— Не тебѣ, однако, бородка, покончить это дѣло. А тебѣ вотъ что: отправь гонца къ воеводѣ Данилѣ Холмскому, въ его отчизну, съ словомъ моимъ, чтобы онъ немедля прибылъ въ Москву; да сходи къ Образцу и скажи ему, я жалую его, моего слугу: ставлю къ ему лекаря-нѣмчина, который-де на дняхъ прибудетъ къ намъ, да накажи, принялъ бы его съ хлѣбомъ-солью да съ честью. Вотъ сколько я на тебя нагрузилъ.

— По усердію и силѣ,—отвѣчалъ Бородатый:—по нимъ возмогу снесть и кентари твоихъ приказовъ.

— Ладно! А ты, Елизаровичъ, съѣзди въ Ростовъ и Ярославль и закрѣпи законнымъ узломъ благое даяніе... разумѣешь?

— Разумѣю, господине!

Такъ выпроводилъ великій князь всѣхъ своихъ дѣльцовъ-домочадцевъ кромѣ дворецкаго. Гусева почтилъ онъ Елизаровичемъ: зато и обязанность его была нелегкая—понудить грозою и ласкою князей ростовскаго и ярославскаго къ уступкѣ Ивану Васильевичу своихъ владѣній, о которой они когда-то намекали. Русалка остался и умиленно посмотрѣлъ на великаго князя, какъ бы хотѣлъ доложить ему, что имѣетъ надобность нѣчто сказать.

— Ты что?—спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Позволишь ли молвить потаенное слово?.. Думалъ было схоронить на душѣ, не разгнѣвить бы тебя, господине; да Пречистая третій день во снѣ является, все понуждаетъ: скажи, скажи...

— Ну, къ бѣсу! говори безъ ужимокъ; время дорого.

— Вѣдомо ли тебѣ: жидовская ересь чернокнижника Схаріи перешла изъ Новгорода, прозябаетъ здѣсь, въ Москвѣ, многіе пастыри духовные заражены ею, ближніе твои бояре впали въ эту ересь, главный за нихъ печальникъ дьякъ твоій Курицынъ, котораго столько жалуешь своими милостями... Вѣдомо ли тебѣ, что они вводятъ въ соблазнъ православныхъ и даже— онъ осмотрѣлся кругомъ, не подслушалъ бы кто, и прибавилъ тише,—даже твою невѣстку.

— Вѣдомо, — отвѣчалъ спокойно Иванъ Васильевичъ,—они занимаются наукою любомудрія—во здравіе! Пускай себѣ, лишь бы своего дѣла не запускали! А если всѣ бабьи пересуды слушать, такъ и щеи горшка не сварить, не только-что царствомъ править. Чтожъ до Курицына, то запрещаю тебѣ, и кому бы ни было, говорить о немъ худое. Никогда не забуду, что онъ для меня сдѣлалъ: крѣпкая дружба съ Менгли-Гиреемъ, союзы съ королемъ венгерскимъ и съ господаремъ молдавскимъ—все это его забота. И если я силенъ этими союзами и могу теперь надежно тягаться съ Литвою, такъ за это поклонъ, да еще низкій поклонъ Курицыну. Вѣдайте, добро и худо помню до гробовой доски и умѣю благодарить за то и другое. Выполни, шептунъ, десятую долю его, и ты спознаешь меня.

— Изъ усердія къ твоему лицу, господине, князь великій, доложилъ тебѣ... не смогъ умолчать... православный народъ гласно вопіетъ противъ тебя...

При этихъ словахъ раскалились очи у Ивана Васильевича. Онъ воспрянулъ съ своей скамьи, вцѣпился

могучею рукой въ грудь Русалки и, тряся его, задыхаясь, вскричалъ:

— Народъ?.. Гдѣ онъ?.. Подай мнѣ его, чтобы я могъ услышать его ропотъ и задушить, какъ тебя душу. Гдѣ этотъ народъ, говори?.. Отколь онъ взялся?.. Есть на свѣтѣ русское государство, и все оно, Божьею милостью, во мнѣ одномъ... Слышь, бездѣльникъ? Поди объяви это вездѣ: на торжищахъ, въ церквахъ, во всѣхъ сотняхъ, во всѣхъ концахъ, вели это прокричать, и, коли мало голоса человѣческаго, вели это прозвонить колоколамъ, прогремѣть пушкамъ.

Онъ оттолкнулъ отъ себя дворецкаго и началъ ходить большими шагами по избѣ.

— Православный народъ?.. Не тотъ ли, что ползалъ два вѣка у ногъ татаръ и поклонялся ихъ деревяннымъ болванамъ, цѣловалъ руки у Новгорода, у Пскова, у Литвы, падалъ въ прахъ передъ первымъ встрѣчнымъ, кто на него только дубину взялъ?.. Я первый отрезвилъ его отъ поганаго хмѣля, поднялъ на ноги и сказалъ ему: —«Встань, опомнись, не трусь!»— И этотъ смердъ хочетъ вопіять противъ своего господина! Нынѣ оставлю этотъ народъ, и что съ нимъ станется? Сгинетъ, аки червь подъ ногою перваго удалого прохожаго!.. Поди, объяви Курицыну мою милость; скажи, что я жалую его, моего вѣрнаго слугу, золотымъ кафтаномъ... слышь? съ плечъ моихъ! И скажи такъ, чтобы твой народъ это зналъ... Теперь вонъ, поганый шептунъ!

Дворецкій бросился въ ноги своему властителю.

— Помилуй, государь, отецъ нашъ! грѣхъ попуталъ,—вопилъ онъ.—Возьми свое нелюбье назадъ, а я тебѣ службу сослужу: будешь мною доволенъ... Князь

верейскій сильно захворалъ... съ этою вѣстью нарокомъ пріѣхалъ ко мнѣ родичъ мой... Поспѣши, батюшка, гонца, пока не отдалъ Богу душу.

Вѣсть эта судорожно пробѣжала по сердцу великаго князя; онъ былъ ею поряжонъ, и не мудрено. Сынъ князя верейскаго жилъ изгнанникомъ въ Литвѣ: надо было царственному домостроителю захватить скорѣе отчизну его, чтобы не помѣшали недруги.

— Хвораетъ?—спросилъ онъ, перемѣнясь въ лицѣ,—шибко хвораетъ, говоришь ты?

— Родичъ мой сказываетъ, врядъ ли подымется.

— Да, Михайло, ты можешь сослужить мнѣ службу; никогда не забуду. Ты голова неглупая... не придумаю, какъ нынѣ оплошалъ... Лукавый, видно, попуталъ тебя въ бабьи сплетни... правду молвить, въ первой... А, можетъ быть, и не спросту!.. Встань... Ты вѣдь никому не говорилъ еще о болѣзни верейскаго?

— Видитъ Богъ, никому! Зарой меня живого въ землю, коли я кому промолвился. Знаю я, да ты, господине, да родичъ мой, и тому наказалъ, что прямо въ петлю и меня и себя потащитъ, коли обмолвится.

— Такъ ты, мой люба,—великій князь погладилъ его по головѣ, какъ наставникъ умнаго ученика,—махни нынче же, сейчасъ, тихомолкомъ въ Верею... Скажемъ—захворалъ... Скачи, гони, умори хоть десятокъ лошадей, а въ живыхъ заставай князя Михайлу Андреевича... какъ хочешь, заставай!.. Улести лаской, духовною рѣчью, а если нужно пугни... и привози ко мнѣ скорѣй душевную грамату, передаетъ-де великому князю московскому свою отчину, всю безъ остатка, на вѣчныя времена, за ослушаніе сына.

А виновенъ былъ этотъ несчастный сынъ, женатый

на племянницѣ Софіи Ѳоминишны, дочери Андрея Палеолога, только въ томъ, что Софія подарила ей какое-то дорогое узорочье первой жены Іоанновой, котораго великій князь обыскался. Это узорочье нужно было великому князю только для придирки: въ замѣнъ снизалъ онъ Руси богатое ожерелье, въ которомъ красовались Верея, Ярославецъ и Бѣлоозеро.

— Не учить тебя стать!—продолжалъ Иванъ Васильевичъ. — Тебѣ сто рублевъ, слышь, сто рублевъ, и отъ меня спасибо!

Говоря это, онъ дрожалъ.

Сто рублей плясали ужъ въ душѣ жаднаго дворецкаго, но не сбили его съ лукаваго толка.

— А коли онъ протянетъ ножки до меня?—спросилъ онъ.

— Не можетъ, не долженъ... слышь? или не пріѣзжай назадъ.

— У меня и мертвый подпишетъ.

Тутъ Русалка досказалъ что-то мимикой.

Съ ласковымъ словомъ и стами рублями впередъ былъ онъ отправленъ въ Верею. И грозы надъ нимъ какъ не бывало!.. Отчего жъ оплошалъ онъ съ докладомъ о жидовской ереси? Неужели въ самомъ дѣлѣ оплошалъ? О! нѣтъ, это была тонкая продѣлка. Надо было ему поддержать членовъ Схаріевой секты, подкупившихъ его. Для достиженія этой цѣли всего лучше было оговорить ихъ же и стать на сторонѣ противниковъ, то есть народа; такимъ образомъ онъ представлялъ завистливой власти государя, что есть другая власть, которая осмѣливается ему противиться, хоть словомъ. Какъ разсчитано, такъ и случилось; великій князь вознегодовалъ на своихъ цензоровъ. На случай

же личной бѣды, Русалка имѣлъ въ запасѣ вѣсть о болѣзни верейскаго князя. И тамъ и тутъ остался онъ въ выигрышѣ: отъ сектаторовъ получилъ благіе дары, отъ Ивана Васильевича сто рублевъ—важная сумма въ то время! — и прощеніе его милостей. За толчкомъ онъ не гнался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЖИЛЬЦЫ КАМЕННЫХЪ ПАЛАТЪ

Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе:
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ третьемъ терему часты звѣздочки.

Внутри *города*, именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще въ наше время стоялъ каменный шатеръ для храненія пушекъ, въ свою очередь сломанный, красовался домъ московскаго воеводы и боярина Василія Ѳедоровича Симскаго, по прозванію Образца. Дворъ его одною стороной граничилъ къ площадкѣ, на которой стояла церковь Николы-льнянаго, при поворотѣ внизъ Константино-Еленовской улицы, а другою стороною къ кремлевской стѣнѣ. Этотъ домъ былъ каменный, строенъ на славу иноземными мастерами и прозванъ ими *палатомъ* (palais), почему и наши съ этого времени стали называть каменные дома палатами. Тогда ихъ было только два, Образцовъ и московскаго головы [1]).

---

[1]) Дмитрія Владиміровича Ховрина.

Особенно на палаты воеводы ходили дивоваться толпы. Нѣсколько недѣль не было отъ нихъ отбою. Да и какъ не дивиться? Дитя, единица ли онъ, или толпа единицъ, любитъ игрушки; а домъ Образца былъ большая каменная игрушка, невиданная на Руси. Мало, что стѣны построены съ иную улицу московскую: откуда ни поглядишь на него, вездѣ затѣи, выведенныя будто волшебной рукой. Окна глубоко и украдкою уходятъ въ домъ, какъ бы съ бережью для глазъ хозяина неся туда свѣтъ; надъ каждымъ окномъ и подъ нимъ вѣтви пальмовыя, что кидали въ день Ваіи подъ ноги Христу, да еще виноградныя кисти, отъ которыхъ упился Ной. Такъ зрители объясняли наружныя украшенія дома. Все это высѣчено изъ камня, покорнаго могучему искусству. Выпуклости выкрашены желтою краскою, а пустыя между ними мѣста голубою. Чудо какъ хорошо! Кровля изъ нѣмецкаго желѣза, выбитаго такъ тонко, какъ листъ на деревѣ, жаромъ горитъ. Посмотришь во дворъ, и тамъ чудеса! Два крыльца сходятъ съ обѣихъ сторонъ дома, словно хотятъ обнять дворъ. Они держатъ свою покрышку, окаймленную подзорами, на витыхъ столбикахъ, какихъ нѣтъ и у хороминъ великокняжескихъ. Теремокъ прилѣпленъ вверху у самой крыши, художествомъ ли человѣческимъ или силою недоброю, и виситъ на воздухѣ, будто ласточкино гнѣздо. Внизу его придѣланъ, ни дать, ни взять, опрокинутый колоколъ. Въ теремку съ трехъ сторонъ окна съ мелкими круглыми стеклышками (диковина немалая въ тогдашнее время). Когда ударитъ въ нее солнышко, онъ кажется фонаремъ, въ которомъ горятъ множество свѣчей. Взглянешь въ окно къ сторонѣ кремлевской

стѣны, видны пушечный сарай, Красная площадь, лавки, Варьская улица и Спасъ въ Чигасахъ за Яузою. Взглянешь въ середнее окно — Великая улица на берегу Москвы-рѣки, рѣка въ излучинахъ своихъ отъ монастыря Симонова до Воробьева села и все Замоскворѣчье, какъ на блюдечкѣ; ближе, подъ тобою, по городской горѣ взбираются избы одна надъ другою, держась за Константино-Еленовскую улицу, и видно все на дворахъ, будто на своемъ; еще ближе подъ тобою — яблонный садъ: кажется, вотъ всѣ былинки въ немъ перечтешь. Изъ третьяго окна *красная* сторона *города*, отъ великокняжескихъ хоромнъ по Таининскія ворота, со всѣми церквами своими, будто про тебя написана на листѣ. А когда бы видѣли вы сокольню на дворѣ: мастеръ пустилъ изъ нея стрѣлу съ яблокомъ — играетъ себѣ на небѣ!

Палаты эти долго казались хитрымъ дѣломъ лукаваго. Хозяинъ ихъ, воевода, сподвижникъ Данилы Дмитріевича Холмскаго при покореніи Новгорода, первый по немъ въ ратномъ дѣлѣ, былъ, конечно, не трусъ. Прозваніе *Образца* дано ему было за то, что онъ бился всегда впереди своихъ дружинъ. Но когда надо было ему пробираться въ новый домъ, по сердцу его пробѣжала дрожь. Онъ скорѣе готовъ былъ встрѣтиться одинъ съ десятью нѣмецкими латниками или татарами, или вольницею новгородской, чѣмъ съ нечистою силою, даже въ одномъ лицѣ. Правда, къ его успокоенію и семейства его были приняты всѣ мѣры противъ нечистаго духа, котораго могли занести въ домъ поганые иноземные строители. Курили и курили ладаномъ такъ, что можно было въ немъ задохнуться, пѣли молебны съ окропленіемъ богоявленскою водой двора, жилого и

нежилого строенія, водрузили надъ воротами и надъ всѣми входами мѣдные крѣсты съ святыми изображеніями, и чаще съ изображеніемъ св. Никиты, который дубинкою побиваетъ бѣса, и водворили Божье милосердіе. Такимъ образомъ, казалось, оградили новое жилище свое и отъ будущаго навожденія нечистой силы. Новоселье отпраздновали въ день *Симеона-лѣтопроводца*, то есть перваго сентября, который считался и первымъ днемъ новаго года. Не забыли, однакожъ, передъ тѣмъ главнаго *хозяина* — домового генія, котораго и понынѣ въ деревняхъ называютъ этимъ именемъ: безъ него, говорятъ, и домъ не стоитъ. Старшая въ домѣ женщина сходила на пепелище прежняго жилья, вынула изъ печурки на черепокъ горящихъ угольевъ, *кого-то* пригласила оттуда и завернула въ скатерть. Ворота настежь; Образецъ со всѣми домочадцами вышелъ на встрѣчу, неся хлѣба-соли; поклонъ въ поясъ, еще и еще, потомъ униженно, поникнувъ сѣдою головой и указывая *кому-то* путь въ новый домъ, приговаривалъ: «дѣдушка, милости просимъ съ нами на новое мѣсто». Тутъ отворились двери, стряпуха выпустила *кого-то* изъ скатерти въ новую печурку, горящіе уголья туда-жъ (не забыта и пища для таинственнаго огня), хлѣбъ-соль поставленъ на браномъ столѣ, наѣхали гости, и пошло веселье. Домовой пенатъ водворенъ; чего бояться? Лишь бы не разсердить его неугодой какой! Затѣмъ проходила зима по добру, по здорову. Только разъ прогнѣвался было *хозяинъ:* не взлюбилъ боярскаго вороного жеребца, недавно купленнаго: часто по ночамъ ерошилъ его, ѣздилъ на немъ, словно сотня кошекъ, вытыкалъ войлокъ изъ его гривы, дулъ ему нестерпимо въ ноздри

и въ уши. Догадались скоро, что *хозяину* масть не по шерсти. Въ угожденіе ему, продали коня и не стали болѣе держать вороныхъ. Повѣсили также въ конюшнѣ медвѣжью голову, чтобы бездомные духи не входили въ споръ съ *хозяиномъ* за жилое владѣніе, не осилили его. Съ того времени домашній духъ успокоился, а съ нимъ и жильцы каменныхъ палатъ, охраняемые его чадолюбивымъ надзоромъ.

Да, Русь была тогда полна *чарованія!* Родные предразсудки и повѣрья, остатки міра младенческаго, миѳическаго, — духи и геніи, налетѣвшіе толпами изъ Индіи и глубокаго Сѣвера и сроднившіеся съ нашими богатырями и дурачками, — царицы, принцы, рыцари Запада, принесенные къ намъ въ котомкахъ италіянскихъ художниковъ, все это населяло тогда дома, лѣса, воды и воздухъ, и дѣлало изъ нашей Руси какой-то поэтическій, волшебный міръ.

Духи встрѣчали новорожденнаго на порогѣ жизни, качали его въ колыбели, рвали съ дитятею цвѣты на лугахъ, плескали въ него играючи водой, аукались въ лѣсахъ и заводили въ свой лабиринтъ, гдѣ наши Тезеи могли убить лѣшаго Минотавра, не иначе, какъ выворотивъ одежду и заклятіемъ, купленнымъ у лихой бабы, или, все равно, русской Медеи. Духи поселялись въ глаза, чтобы взглядомъ испортить кого, падали разсыпною звѣздою надъ женщиною, предавшеюся сладкимъ, полуночнымъ грезамъ, тревожили недобраго человѣка въ гробу, или, проявляясь въ лихомъ мертвецѣ, ночью выходили изъ домовища пугать прохожихъ, если православные забывали вколотить добрый колъ въ ихъ могилу. Всѣ необыкновенные случаи, всѣ недуги и сильныя страсти были дѣломъ духовъ.

Въ атмосферѣ, напитанной этимъ чарованіемъ, жило и семейство Образца. Изъ кого жъ оно заключалось, тотчасъ увидимъ.

Прочтите лѣтописи того времени, и вамъ не одинъ разъ встрѣтится имя Образца въ воїнахъ противъ Новгорода, ливонцевъ и татаръ. Посмотрѣли бы вы Василія Ѳеодоровича, когда шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ осыпали голову его снѣгомъ; вы и тогда сказали бъ: этотъ взоръ, въ проблески одушевленія, долженъ былъ нападать на врага орлинымъ гнѣвомъ; эта исполинская рука, вооруженная мечомъ, должна была укладывать подъ собою ряды мертвецовъ; эта грудь широкая, мохнатая, эта вся геркулесовская обстановка — созданы оплотомъ боевымъ. Заплативъ дань отечеству, какъ воинъ, и за то почтенный саномъ боярина, тогда еще очень рѣдкимъ, онъ заплатилъ дань великому князю, какъ царедворецъ, построеніемъ, въ угоду ёму, каменныхъ палатъ. Въ нихъ жилъ онъ на покоѣ, не тревожимый доселѣ Іоанномъ, любимый друзьями, уважаемый народомъ; добрый отецъ, грозный и попечительный господинъ, въ нихъ хотѣлъ онъ дать сладскій отдыхъ послѣднимъ годамъ своимъ и приготовить себя заранѣе къ вѣчности дѣлами вѣры и добра. Возвышаясь надъ толпою саномъ и богатствомъ, онъ не отдѣлялся отъ нея предразсудками. Ближняго любилъ по закону Христову, но въ этомъ имени заключалъ однихъ своихъ земляковъ; что было только не русское, считалъ наравнѣ съ собакою. Итальянцевъ или фрязовъ, какъ тогда ихъ называли, еще терпѣлъ онъ въ своемъ дому и удостоивалъ своей бесѣды, потому что они строили или сбирались строить домы Божіи; болонскаго художника Рудольфа Фіоравенти,

иначе Аристотеля, уважалъ, какъ розмысла, будущаго зодчаго Успенскаго собора, и болѣе какъ отца мальчика, крещенаго по-русски. Но нѣмцевъ, поганыхъ нѣмцевъ, ненавидѣлъ всею силою души суровой, хотя не злой. Это чувство къ нимъ, взявшее свой источникъ въ народномъ предразсудкѣ, было еще усилено особеннымъ случаемъ. Имъ не могъ онъ простить смерть милаго, любимаго дѣтища, убитаго въ глазахъ его. Этому сыну только-что минуло 16 лѣтъ, только-что совершили надъ нимъ обрядъ *постриги*, когда онъ увлекъ его изъ-подъ крыла матери въ бой противъ ливонцевъ, которыхъ называли тогда нѣмцами [1]). Какъ онъ любовался воинской красотой его, осѣненной шлемомъ, его юношескимъ пыломъ и отвагой, обѣщавшими знатнаго полководца! И эта краса, эти утѣшенія и надежды скошены вдругъ махомъ поганаго меча! Прошло много лѣтъ, и все еще мечтался старцу образъ прекраснаго юноши, когда онъ, истекая кровью, приподнялъ изъ праха голову, обвитую сумракомъ смерти, перекрестился и бросилъ отцу взоръ... прощальный взоръ. Кони вражескіе тутъ же его затоптали. О! этого взора не забудетъ отецъ и на смертномъ одрѣ: не забудетъ онъ матери, требовавшей у него отчета, куда онъ дѣвалъ милое дѣтище. Мать не долго пережила эту потерю. Зато съ тѣхъ поръ Образецъ мститъ всѣмъ нѣмцамъ ненавистью къ нимъ сильною, неумолимою. Убійцѣ сына онъ не размозжилъ головы шестопером; нѣтъ, взявъ его въ плѣнъ, онъ привязалъ

---

1) «*Поганые нѣмцы* не стали на срокъ на *Обидномъ* мѣстѣ» «*нѣмцы* прислали съ святымъ словомъ», «*нѣмецкія* божницы» — это все говорится въ лѣтописяхъ о ливонцахъ и ихъ церквахъ.

къ хвосту коня, и по пнямъ, по камнямъ, примчалъ въ лѣсъ на съѣденіе волкамъ. Не скрываетъ онъ своей ненависти къ нѣмцамъ при самомъ великомъ князѣ; разъ при немъ назвалъ въ лицо поганымъ басурманомъ [1]) нѣмецкаго посла, рыцаря Поппеля. Едва могли затушить гнѣвъ Ивана Васильевича по этому случаю. Великій князь, любившій, чтобы уважали то, что онъ удостоивалъ своего вниманія, и ненавидѣли то, чего онъ не жалуетъ, хранилъ на сердцѣ память объ этомъ оскорбленіи, несмотря на великія заслуги Образца.

Еще былъ сынъ у воеводы, Иванъ Хабаръ-Симской (замѣтьте, въ тогдашнее время дѣти часто не носили прозванія отца, или называемыя такъ — впослѣдствіи назывались иначе: эти прозвища давались или великимъ княземъ, или народомъ, по случаю подвига или худого дѣла, сообразно душевному или тѣлесному качеству). Иванъ Хабаръ, двадцати двухъ или трехъ лѣтъ, чернобровый, черноглазый, статный, красивый, однимъ словомъ — типъ русскаго молодца, пыталъ не разъ отвагу свою противъ непріятеля, ходилъ съ суражанами охотникомъ на Вятку и противъ Мордвы на *лыжахъ*, тратилъ эту отвагу въ передѣлкахъ со своими, въ ночныхъ похожденіяхъ, въ жизни молодеческой, разгульной. — «Эй, Иванъ! не сносить тебѣ головы», — говаривалъ ему отецъ. — «Станетъ на мой вѣкъ и одной, батюшка!» — былъ отвѣтъ его. Нерѣдко старикъ закрывалъ глаза на проказы сына, въ надеждѣ, что

---

[1]) Этимъ прозвищемъ, которое составилось изъ слова «бесерменъ», невѣрный, стали честить нѣмцевъ уже при отцѣ Іоанна III; можетъ быть, и прежде. Смотр. «И. Р. Н.» Полев. Т. V, стр. 134.

кипучая, буйная душа его переволнуется и, какъ бурные, весенніе потоки, войдетъ въ свои берега. Грани же, положенной Богомъ, никто не переступитъ, думалъ онъ: судьбы своей не объѣдешь. Молодой конь перебѣсится, все-таки будетъ конь; кляча и смолоду все кляча.

Но лучшая утѣха и надежда, ненаглядное сокровище старика, была дочь Анастасія. О красотѣ ея пробѣжала слава по всей Москвѣ, сквозь стѣны родительскаго дома, черезъ высокіе тыны и ворота на запорѣ. Русскія цѣнительницы прекраснаго не находили въ ней недостатковъ, кромѣ того, что она была немного тоненька и гибка, какъ молодая береза. Аристотель, который на своемъ вѣку видѣлъ много италіянокъ, нѣмокъ и венгерокъ, и потомъ имѣлъ случай видѣть ее,— художникъ Аристотель говаривалъ, что онъ ничего прекраснѣе ея не встрѣчалъ. «Синьорина Анастасія»,— прибавлялъ онъ, — «по бѣлизнѣ своей дитя снѣжнаго сѣвера, но по зною темнокарихъ глазъ, по негѣ, разлитой по всей ея наружности, ни дать, ни взять, — соотечественница моя. Если бы я былъ живописецъ, то олицетворилъ бы ею пылающую зарю, когда она готова броситься въ объятія своего лучезарнаго жениха». Художникъ всегда останавливался передъ ней съ особеннымъ восторгомъ. Іоаннъ *младой*, первый сынъ великаго князя отъ первой жены, вбѣжалъ разъ, нежданный, въ садъ Образца за Хабаромъ-Симскимъ, котораго очень любилъ, увидалъ тамъ сестру его и остановился передъ ней, весь не свой, какъ бы опаленный молніею. Онъ намѣренъ былъ на ней жениться, но честолюбивый его отецъ, искавшій въ бракѣ своихъ дѣтей не сердечныхъ, а политическихъ связей,

повелъ его къ вѣнцу съ Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавскаго (перекрещеннаго по-нашему въ воеводу волошскаго, почему и называли ее у насъ Еленой Волошанкой). Старушки-вѣди (все знающія, все вѣдающія, ворожейки) открыли кому-то, что княжичъ, именно съ того времени, началъ грустить и сохнуть. Никогда не переставалъ онъ питать къ Хабару нѣжнѣйшей привязанности, въ которой, можетъ быть, скрывалось другое чувство.

Анастасія вся, и тѣломъ и душою, была какая-то дивная. Съ малолѣтства ея Провидѣніе наложило на нее печать чудеснаго. Когда она родилась, упала звѣзда надъ домомъ; на груди было у ней родимое пятнышко, похожее на крестъ въ сердцѣ. Десятилѣтней снились палаты и, сады, видомъ не виданные на землѣ, и лица красоты неописанной, и голоса, которые пѣли, и гусли самогуды, которыя играли, будто надъ ея сердцемъ, такъ хорошо, такъ умильно, что и разсказать не можно. А когда она, во время этихъ сновъ, просыпалась, то чувствовала у ногъ своихъ легкое бремя, и казалось ей, кто-то лежитъ у нихъ, свернувъ бѣлыя крылья. И было ей сладко и страшно, и все вмигъ исчезало. Часто задумывалась она, часто грустила, сама не зная о чемъ. Нерѣдко, простершись передъ иконою Божіей Матери, плакала; но эти слезы старалась утаить отъ людей какъ святыню, которую невидимо посылали ей свыше. Все чудесное любила она, и потому любила сказки, эти изустные романы, эти народныя поэмы того времени. Съ какою жадностью слушала ихъ отъ своей мамки! Зато какихъ диковинокъ не развивала въ нихъ краснорѣчивая старушка передъ юнымъ, пламеннымъ воображеніемъ

своей питомицы! Анастасія предавалась этой поэзіи, нерѣдко забывала сонъ и пищу; нерѣдко самые сны доканчивали ей недосказанную сказку, еще живѣе, нежели мамка, еще краснорѣчивѣе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СКАЗОЧНИКЪ И ВѢСТНИКЪ.

Мы сказали ужъ, что наступилъ день Герасима-грачевника. Было время за полдень. Василій Ѳедоровичъ Образецъ, по русскому обычаю, отдохнувъ послѣ обѣда, спѣшилъ умыться, чтобы освѣжить горѣвшее отъ сна лицо. Это сдѣлано безъ сторонней помощи: мѣдный рукомойникъ, подаренье знаменитаго Аристотеля, повѣшенъ надъ лоханью, чистою, будто сейчасъ вышла изъ рукъ деревщика. Чудный даръ! тронешь снизу прутикъ, и вода бьетъ изъ него ключемъ. Браный утиральникъ, обшитый тонкими кружевами, рукодѣлье Анастасіи, сидѣлъ на гвоздѣ, всегда къ услугамъ хозяина. Роговой гребень, помоченный въ квасу съ медомъ, пройдя по бѣлымъ прядямъ волосъ его, пригладилъ и умастилъ ихъ. Хорошо ли была сдѣлана уборка, нельзя было самому знать, потому что въ тогдашнее время зеркалъ мало кто и видывалъ. Тотъ же Аристотель подарилъ было Анастасіи кусочекъ зеркала; да какъ жильцы каменныхъ палатъ посмотрѣлись въ него и—наше мѣсто свято!—оборотили въ стекло свои лики, да какъ увидѣли, что нечистый от-

водитъ глаза и шутитъ надъ ними, такъ закинули волшебное стеклышко въ поганое болото, не сказавъ про то фрязу. Убравшись, помолился старецъ, надѣлъ *льтникъ* и перешелъ въ *клѣть*, которую называлъ своею оружейною. Это была горница, довольно пространная. На стѣнѣ, красовавшейся переплетами кирпичей, висѣли желѣзные шишаки, грубой работы, *колонтари* (латы), писанные серебромъ, и простые, желѣзные, на которыхъ ржавчина въѣлась кровавыми пятнами, *кончары* (оружіе въ родѣ меча и кинжала, немного поменѣе перваго и поболѣе второго), изъ коихъ нѣкоторые были съ искусною золотою насѣчкою и украшеніями, изобличающими Востокъ, *палицы*, *сулицы* (метательныя копья), *шестоперъ*, знакъ воеводства, какъ нынѣ маршальскій жезлъ, и нѣсколько желѣзныхъ щитовъ съ конусными выемками. Въ углу стоялъ на искосѣ образъ Георгія-побѣдоносца. Отъ стѣнъ нѣсколько отсторонились двѣ лавки, покрытыя суконными полавочниками; между ними вытягивался дубовый столъ, дѣвственной чистоты, съ рѣзными ножками и ящиками, а на немъ стояли *оловянникъ* и серебряная стопа и лежала серебряная *чернильница*. Передъ столомъ, на почетномъ мѣстѣ, чванилась своею узорочностью диковинная *сидальница*, въ родѣ складныхъ креселъ, изобрѣтенія и мастерства какого-то фряза.

Образецъ напѣнилъ стопу янтарнаго меду и едва осушилъ ее, какъ докладчикъ — кольцо, застучалъ въ столбъ приворотный и послышался сторожевой лай. Видно было по лицу хозяина, что пришли къ нему жданные. Это вскорѣ оправдалось; посѣтители вошли къ нему безъ доклада. Одинъ былъ старичекъ неболь-

шого роста, начинавшій уже горбиться подъ ношею лѣтъ; темные волосы слабо тѣнили серебряные кудри его; отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ... но вы ужъ, вѣроятно, узнали странника и сказочника, Аѳанасія Никитина. Скажемъ только, что онъ здѣсь казался десятью годами моложе, нежели мы его видѣли въ тюрьмѣ Дмитрія Іоанновича, хотя былъ промежутокъ между этимъ и тѣмъ временемъ болѣе 20 лѣтъ. Еще прибавить надо: здѣсь лицо его носило свѣжіе слѣды полуденнаго солнца, принесенные изъ недавняго путешествія въ Индію, и потому сильный загаръ въ концѣ зимы давалъ ему какую-то чуждую русскимъ физіономію. Не знаю, упомянулъ ли я въ первомъ разсказѣ о немъ, что добродушіе прижилось на этомъ лицѣ. Другой гость былъ дитя лѣтъ подъ четырнадцать, пригожее, живое. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его вы могли ясно видѣть, что умъ былъ всегда на стражѣ у этого любимца Божьяго; онъ поднималъ голову съ какою-то благородною самонадѣянностью и осанкой. Кудри его бѣлокурыхъ волосъ худо повиновались ножницамъ — остриженные въ кружокъ, по-русски, они, на зло имъ, вились своенравно и образовали на головѣ родъ вѣнка. И старикъ и мальчикъ носили русское платье, только первый очень бѣдное, другой, напротивъ, изъ тонкаго нѣмецкаго сукна, съ опушкою соболя. Несмотря на это видимое превосходство состоянія, послѣдній давалъ первому почетъ вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай показать ему свое уваженіе. Оба, вошедши въ клѣть, сотворили три крестныя знаменія передъ иконой, произнеся: «Господи помилуй!» и потомъ поклонились хозяину, съ привѣтствіемъ: «Подай, Боже, здравія!»

Старичекъ остановился у дверей и положилъ близъ нихъ свой посохъ.

— Здорово, Андрюша, — сказалъ Василій Ѳедоровичъ, сидя, съ роскошнымъ самодовольствомъ, на креселкахъ своихъ, кряхтѣвшихъ подъ дородною тяжестью его, и поцѣловалъ въ маковку мальчика, къ нему подошедшаго; потомъ, обратясь къ старику, промолвилъ: — добро пожаловать, Аѳоня! Садись-ка на большое мѣсто: сказочнику и страннику вездѣ почетъ. Потѣшь же насъ нынѣ словомъ о томъ, какъ въ *Индусахъ* войну ведутъ, оллоперводигеръ.

Употребляя это варварское слово, Образецъ подшучивалъ надъ сказочникомъ, любившимъ въ своихъ повѣстяхъ примѣшивать очень часто какія-то непонятныя слова, которыя называлъ индустанскими.

— Воевода на упокоѣ, какъ старый соколъ, хоть и летать на охоту не въ мочь, а все рвется туда крылами соколиными. Будетъ, бояринъ, по твоему сказанному, какъ по писанному. Хлѣбъ-соль твою не уронимъ въ грязь, — отвѣчалъ старикъ, помѣщаясь съ бережью на лавку. — Не замарать бы полавочника, батюшка? кажись, сукнецо-то заморское.

— Постелемъ и другой тогда; не занять взять. Ну, что твой отецъ, Андрюша? — прибавилъ Образецъ, держа мальчика между колѣнъ и положа ему руку на плечо.

— Все груститъ что-то: Иванъ Васильевичъ даетъ ему мало мѣста подъ Успенье.

— А ему, небось, хотѣлось цѣлый городъ захватить?

— Вѣдь онъ храмъ Богу, Создателю міра, будетъ строить, такъ надо ему просторъ, — отвѣчалъ мальчикъ съ гордостью.

— Люблю Андрея за умную рѣчь, — воскликнулъ бояринъ съ умиленіемъ. — Однако время терять попусту не для чего. Слетай къ своей крестной матери и позови ее сюда, слушать-де разсказы странника Аѳанасія Никитина.

И Андрей, сынъ зодчаго Аристотеля, полетѣлъ исполнять волю боярина. Изъ клѣти, которую будемъ звать оружейною, желѣзныя двери, запиравшіяся сзади крюкомъ, а на этотъ разъ отворенныя, вели въ темные переходы; отсюда, по лѣсенкѣ съ перилами, можно было пробраться въ теремъ Анастасіи. Съ другой стороны, изъ заднихъ покоевъ боярина, на правомъ крылѣ дома, вилась къ тому же терему другая лѣстница, и обѣ, будто играючи, сходились въ теплыхъ верхнихъ сѣнцахъ, раздѣлявшихъ покои Анастасіи отъ клѣти ея мамки.

Андрей, достигнувъ этихъ сѣнцевъ, постучалъ въ дверь, обитую войлокомъ, и настроивъ свой голосъ, сколько могъ грубѣе и вмѣстѣ жалобнѣе, завопилъ:

Дѣтушки, мелкота,
Отворите ворота:
Я, мать ваша, пришла,
Молока принесла...

Изъ-за двери послышался пріятный голосъ:

— Перепугалъ ты меня, волченокъ!.. Что тебѣ?

Тутъ посланный разсказалъ, зачѣмъ пришелъ Слышно было, какъ щелкнулъ крючекъ, и вслѣдъ за тѣмъ вышла Анастасія, неся подушечку съ кружевнымъ издѣліемъ. Радость живописалась на прекрасномъ лицѣ ея.

— Здорово, голубчикъ, — сказала она, поцѣловавъ своего крестника въ голову. Онъ взялъ отъ нея поду-

шечку, и оба, какъ птицы, перелетѣли въ оружейную клѣть.

— По-добру ль, по-здорову, дѣдушка? — спросила Анастасія, поклонясь низенько страннику, и спѣшила съ своимъ рукодѣльемъ умѣститься близъ него на лавкѣ. Крестникъ расположился на колодкѣ у ногъ Образца.

— Вашими молитвами плетемся понемногу, шажкомъ, да съ оглядкою, — отвѣчалъ Аѳанасій Никитинъ.—Ты все ли попрежнему катишься, моя жемчужина перекатная, ты ль у батюшки, у родимаго, на ладонушкѣ? Усѣлись ли вы, мои милостивцы, и готовы ли опять слушать о моемъ грѣшномъ хожденіи за три моря, за синія, волновыя, а первое море — не забудьте — Дербентское, или Дорія хвалынская, второе море — Индѣйское, Дорія индустанская, третье море — Черное, Дорія стамбульская.

Моря эти были конькомъ тверчанина; они, казалось, служили въ его разсказахъ то позой, то припѣвомъ.

— Усѣлись, — сказалъ Образецъ, и все въ клѣти сдѣлалось вниманіе.

Какъ хорошо расположились эти четыре фигуры! Какъ пригожъ этотъ старецъ, безъ бурныхъ страстей, безъ упрека оканчивающій свой земной путь! Кажется, такъ и видишь его въ бѣлой, чистой одеждѣ, готоваго предстать передъ верховнаго Судью. Образецъ надо всѣми господствуетъ лѣтами, широкою, могучею осанкой и патріархальнымъ видомъ. Перекрестивъ руки на посохъ, онъ закрылъ ихъ бородой, пушистою, какъ тонкое руно агнца; румянецъ здоровья, приправленный стопою крѣпкаго меда, сквозитъ сквозь снѣгъ

ея, густо покрывшій щеки. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушаетъ разсказчика: это удовольствіе прикорнуло на устахъ его, ярко просвѣчиваетъ въ его глазахъ. Изрѣдка насмѣшливая улыбка перебѣгаетъ по губамъ, но видно, что это — невинное дитя иронiи, вызванное на свѣтъ отъ души незлобной хвастовствомъ Аѳони, а безъ этого грѣшка, знаете вы, ни одинъ сказочникъ не обходится. То покоя спину на отвалѣ креселъ, онъ закрылъ глаза и, положивъ широкую мохнатую руку на голову Андрюши, тихонько, нѣжно перебираетъ мягкій ленъ его волосъ. На лицѣ его удовольствіе любопытства смѣнилось умиленіемъ; онъ не дремлетъ, но, кажется, забылся въ сладкихъ грезахъ; старцу мечтается милый, незабвенный сынъ, котораго онъ ласкалъ. Когда онъ открылъ глаза, на бѣлыхъ рѣсницахъ остались слѣды трогательной бесѣды его съ неземнымъ гостемъ. Но когда онъ замѣтилъ, что слеза, измѣнившая его тайнѣ душевной, возбудила собесѣдниковъ и встревожила дочь, прежнее удовольствіе снова озарило его лицо и водворило общее радостное вниманіе. Какъ хорошъ и этотъ сказочникъ Полифемъ, этотъ чудный выродокъ между невѣжествомъ своихъ соотечественниковъ, гонимый духомъ любознательности съ колыбели Волги къ истоку Ганга, съ торговаго прилавка, подъ сѣнью Спасова дома, въ храмъ, гдѣ поклоняются золотому волу, не понимающій, что онъ совершилъ подвигъ, который могъ бы въ странѣ просвѣщенной дать ему славное имя. Онъ разсказываетъ свой подвигъ то съ простодушіемъ, то съ лукавствомъ младенца. О! и этотъ, конечно, будетъ въ числѣ тѣхъ избранниковъ, которыхъ Господь любилъ ласкать и о которыхъ говоритъ, чтобы

не возбраняли имъ подходить къ Нему. А дочь Образца, юное, прекрасное твореніе, возбуждающее чувство удивленія въ художникѣ, который понимаетъ красоту, и, между тѣмъ, не знающая, что она такъ хороша, невинная, неопытная, и, между тѣмъ, полная жизни, готовой перебѣжать черезъ край! Посмотрите, какъ руки ея, не доплетя задѣланнаго узора, поднялись и остались въ этомъ положеніи. Она вся вниманіе, она ходитъ съ странникомъ рука объ руку по берегамъ Ганга; лицо ея горитъ будто отъ тамошняго солнца; глаза, вслѣдъ за воображеніемъ, пожираютъ пространство. А это дитя, переброшенное изъ померанцевыхъ рощей Авзоніи, изъ гондолы, качаемой подъ гармоническую пѣснь любви волнами Адріатики, на снѣжные сугробы Московіи, чтобы найти въ ней новое отечество съ его вѣрою и обычаями? Съ какимъ удовольствіемъ поддается онъ ласкамъ Образца, которыя, понимаетъ онъ очень хорошо, принадлежатъ не ему! Съ какимъ вниманіемъ слушаетъ разсказы странника! Ни дѣтскія приманки, ни дары и игры, такъ обольстительныя въ его лѣта, не могли бъ оторвать его отъ умной бесѣды со старшими. Онъ ужъ не по лѣтамъ сильно сочувствуетъ всему доброму, великому и доблестному. Будто молодой конь на зовъ военной трубы, онъ готовъ, кажется, по первому призыву долга ринуться въ битву съ неправдою и насиліемъ. Какъ тепла эта семейная картина! какимъ полусвѣтомъ домашняго счастія, тихихъ, невинныхъ нравовъ, освѣщена она, будто патріархальное семейство подъ лучомъ лампады, горящей передъ образомъ Божественнаго Младенца!

Мы сказали, что все сдѣлалось вниманіе; надо по-

яснить, что прежде, чѣмъ настоящій разсказъ оковалъ общее вниманіе, былъ еще слѣдующій прелюдій.

Когда слушатели усѣлись, Аѳанасій Никитинъ спросилъ дочь Образца, помнитъ ли, что прежде имъ разсказано.

— Оборони Боже, забыть!—отвѣчала Анастасія: — ты такъ хорошо разсказываешь, дѣдушка, будто все на яву, въ очахъ моихъ дѣется. Пожалуй, я тебѣ повторю вкратцѣ: Пошелъ ты изъ своей родины, изо Твери, отъ святого Спаса златоверхаго, съ его милостью, отъ великаго князя Михайлы Борисовича и отъ владыки Геннадія; потомъ поплылъ Волгою, въ Калязинѣ взялъ благословеніе у игумена Макарія; въ Нижнемъ-Новгородѣ ждалъ татарскаго посла, что ѣхалъ во свояси отъ нашего великаго князя Ивана съ кречетами; тутъ же пристали къ вамъ наши русскіе, что шли по твоему въ дальнюю сторону, и съ ними потянулъ ты Волгою. На какой-то рѣкѣ напали на васъ татары и поднялась у васъ съ ними сѣча кровавая, и многіе изъ васъ положили тутъ головы, здѣсь-то порубили тебѣ, бѣдняжкѣ, черепъ и глаза. Не даромъ я этихъ татаръ не люблю, какъ будто сердце вѣщуетъ и мнѣ отъ нихъ бѣду.

— По мнѣ поганѣе нѣмцевъ народа нѣтъ! — перебилъ бояринъ, пользуясь этимъ случаемъ, чтобы излить на нихъ свою ненависть.

Анастасія продолжала:

— Море Дербентское, сказывалъ ты, дѣдушка, бездонное. Когда русалки полощутся въ немъ и чешутъ его своими серебряными гребнями, летишь по немъ, какъ лебедь бѣлокрылый; а залягутъ съ лукавствомъ на днѣ и ухватятся за судно, стоишь на одномъ

мѣстѣ, будто прикованный: ни вѣтерокъ не вздохнетъ, ни волна не всплеснетъ; днемъ надъ тобою небо горитъ, и подъ тобою море горитъ; ночью Господь унижетъ небо звѣздами, какъ золотыми дробницами, и русалки усыплятъ воду такими-жъ звѣздами. А какъ взбѣленятся онѣ и учнутъ качать судно, такъ подымутъ его высоко, высоко, кажись можно звѣздочку схватить, и потомъ окунутъ на дно и разобьютъ въ щепы о камень, если не успѣешь прочесть: «Помилуй мя, Боже!» Отъ одного помышленія сердце обмираетъ, а все-таки поплескалась бы на этомъ морѣ сизой утицей, бѣлою лебедушкой.

— Ахъ, ты моя ластовица сладкоглаголивая, щекотливая, — прервалъ странникъ: — ты словно летала со мною по морямъ. Правда, много горя и бѣдъ претерпѣлъ я, грѣшный рабъ Божій! Да и то къ слову молвить: «охота пуще неволи». Вотъ я не больше былъ Андрея Аристотелева, а едва-ль не все Тверское царство обошелъ. Бывало, что лѣто, то уйду съ богомольцами, куда они поплетутся, или пристану къ обозу купеческому. Подросъ, и замысламъ моимъ не было конца. Идти, да идти далеко, на краи свѣта, поглядѣть своими очами, что дѣлается на Божьемъ мірѣ, какіе звѣри, птицы, люди живутъ въ разныхъ странахъ! Все это хотѣлось мнѣ посмотрѣть, словно, прости Господи, какой духъ во мнѣ сидѣлъ и приказывалъ мнѣ странствовать! Да и нынѣ, вотъ какъ сижу на святой Руси, въ палатахъ бѣлокаменныхъ, въ теплѣ, на суконныхъ полавничкахъ, у боярина хлѣбосольца, и пью его меды сладкіе, сознаться ли вамъ, мои милостивцы, и нынѣ сердце просится за тридевять земель въ тридесятое царство. Былъ я на Востокѣ сол-

печномъ, хотѣлось бы теперь на Западъ, да немощи одолѣли... Однако воротимся къ нашему грѣшному странствію, за три моря, за синія, оллоперводигеръ, а первое море...

Нетерпѣливая Анастасія перебила его рѣчь:

— Помнимъ, дѣдушка, помнимъ, много ты бѣдъ и горя претерпѣлъ. У кого изъ васъ что было на Руси, тотъ пошелъ на Русь, а у кого ничего не было ни на душѣ, ни за душой, поплелъ куда глаза его понесли. Ты пошелъ въ Баку, гдѣ горитъ изъ земли огонь неугасимый. Господи, Господи, какъ мудрено земля твоя устроена! А потомъ взялъ ты *великъ день* въ Гурмузѣ, гдѣ солнце палитъ человѣка, будто варомъ обдаетъ. И пришелъ ты наконецъ въ стольный градъ великаго султана Индусовъ. А въ тоій странѣ есть обезьяны, съ руками и съ ногами и со смысломъ человѣческимъ, только что не говорятъ по-нашему. Обезьяны тѣ живутъ въ лѣсу и есть у нихъ князь обезьянскоій; когда кто ихъ обидитъ, жалуются князю своему: придутъ на градъ, дворы разваляютъ и людей побьютъ. Еще въ тоій сторонѣ есть птица *гукукъ*, летаетъ по ночамъ и кличетъ: *кукъ, кукъ;* на которой хороминѣ сядетъ, тутъ человѣкъ умретъ. А если кто захочетъ ее убить, у неій изо рта огонь выйдетъ.

Вдругъ, при этихъ словахъ, послышалось: тукъ, тукъ, будто кто клювомъ долбилъ, а потомъ крикъ ворона (можетъ статься, и вороній). Разсказчица онѣмѣла; всѣ, кромѣ Андрюши, озирались другъ на друга и сотворили крестное знаменіе, приговаривая: «съ нами сила крестная! Господи, спаси отъ бѣды!»

Веселый видъ мальчика и умныя шутки его скоро разсѣяли ихъ страхъ. Когда они пришли въ себя,

Аѳанасій Никитинъ, покашливая, перенялъ разсказъ отъ дочери хозяина.

— Индустанская земля людна вельми и пышна вельми, — началъ онъ...

— Ты опять отобьешься отъ рѣчи, какъ въ Индусахъ войну ведутъ, — перебилъ воевода, желавшій, чтобы разсказомъ о ратныхъ дѣлахъ отвели совсѣмъ душу его отъ грустнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на нее крикомъ ворона.

— А вотъ сейчасъ, милостивецъ, къ этому-то рѣчь и веду. А первое-то море Дербентское...

— Или Дорія Хвалынская, оллоперводигеръ, — прервалъ смѣясь Андрюша, — мы это, дѣдушка, давно знаемъ.

Воевода погрозилъ на него пальцемъ; Анастасія навела странника на настоящій разсказъ его, который онъ такъ продолжалъ:

«Салтана носятъ на кровати золотой; надъ нимъ теремъ аксамитный съ маковицеи золотой, а надъ ней горитъ яхонтъ, съ куриное яйцо. Передъ салтаномъ ведутъ до 20-ти коней въ саняхъ золотыхъ, за нимъ на коняхъ 300 человѣкъ, да пѣшихъ 500, да трубниковъ, варганниковъ и свирѣльниковъ по 10-ти человѣкъ. А коли выѣзжаетъ на потѣху съ матерью и съ женою, съ нимъ человѣкъ на коняхъ 10 тысячъ и пѣшихъ 50 тысячъ, слоновъ 300, наряженныхъ въ доспѣхи золоченые, съ *городками* [1]) на нихъ кованными, а въ городкахъ по 6-ти человѣкъ въ доспѣхахъ, съ пушками и съ пищалями. А на большихъ слонахъ по 12-ти человѣкъ, да на всякомъ по два *прапорца* [2]), къ

[1]) Башенками.

[2]) Знамя.

зубьямъ повязаны великіе мечи по *кентарю* [1]), а къ рылу великія желѣзныя гири; промежь ушей сидитъ человѣкъ въ доспѣхахъ, съ крюкомъ желѣзнымъ, которымъ его правитъ. Передъ нимъ идутъ по сту трубниковъ и плясцовъ, да конеи простыхъ 300 въ саняхъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100, да позорныхъ женщинъ 100. А на салтанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами, шапка—верхъ алмазъ великой: при солнцѣ такъ и слѣпитъ глаза, словно *блиставица* [2]); *сайдакъ* [3]) золотой усыпанъ яхонтами, да три сабли на немъ золотомъ кованы, сѣдло золотое и *снасть* [4]) золотая, и все золото. За нимъ благой сонъ идетъ, весь въ камкѣ наряженъ, цѣпь желѣзная во рту, обиваетъ коней и людей, кто бы ни наступилъ близко на салтана. Въ его же салтанскомъ дворѣ семеро воротъ, а въ воротахъ сидитъ по сту сторожей, да по сту писцовъ кафаровъ: кто пойдетъ, они записываютъ, и кто выйдетъ, записываютъ. А дворъ его чуденъ вельми, все на вырѣзѣ да на золотѣ, и послѣдній камень вырѣзанъ да златомъ описанъ вельми чудно. Бутханы [5]) ихъ безъ дверей и ставлены на востокъ. Бутъ [6]) вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, вельми великъ; хвостъ у него черезъ него, руку правую поднялъ высоко, да простеръ ее, акп Устенеанъ [7]), царь цареградскій; въ лѣвоіі рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего;

---

1) Quintal, вѣсъ.
2) Молнія.
3) Колчанъ.
4) Сбруя.
5) Храмы.
6) Идолъ.
7) Юстиніанъ.

видѣніе у него и задъ обезьянскіе. Передъ *бутомъ* стоитъ волъ вельми великой, вырѣзанъ изъ чернаго камня и весь позолоченъ; у него рога окованы мѣдью, на шеѣ 300 колокольцовъ, а копыта подкованы мѣдью. И цѣлуютъ его въ копыто, и сыплютъ на него цвѣты. Внутрь въ бутханъ ѣздятъ на волахъ. Индѣяне же вола зовутъ отцомъ, а корову матерью. Анамазъ же [1]) ихъ на востокъ: обѣ руки поднимутъ высоко и кладутъ на темя, потомъ ложатся ницъ на землѣ—то ихъ поклоны. Индѣяне не ѣдятъ никакого мяса: ни яловины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины. Когда ѣдятъ что, кроются отъ бесерменъ, чтобы не посмотрѣлъ кто въ горнецъ и въ яству; а только посмотритъ кто, и они той яствы не вкушаютъ. А ѣздятъ, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ ихъ. Когда жъ ѣсть садятся, умываютъ руки и ноги, и ротъ пополаскиваютъ. А кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ жгутъ, да и пепелъ сыплютъ на воду...»

И много, много разсказывалъ одноглазый странникъ о нравахъ и обычаяхъ индійцевъ, и дошелъ онъ наконецъ до того, какъ въ Индусахъ войну ведутъ. Тутъ застучалъ докладчикъ, кольцо—и оборвалъ нить его разсказа. Послышался конскій топотъ и вслѣдъ за тѣмъ суета слугъ на дворѣ и въ сѣняхъ. Въ оружейную вбѣжалъ Хабаръ-Симской и хотѣлъ что-то говорить, но отецъ предупредилъ его:

— Не въ басурманы ли готовишься, Иванъ, что входишь въ клѣть, не перекрестивъ лба, не поклонясь добрымъ людямъ? Голова что ли свалится съ плечъ отъ этого поклона?

---

[1]) Моленіе.

Сынъ Образца, покраснѣвъ, спѣшилъ сотворить передъ иконою три крестныя знаменія и поклониться страннику и Андрею; потомъ сталъ въ уважительномъ положеніи и сказалъ:

— Дѣло было къ спѣху... пріѣхалъ отъ Ивана Васильевича дьякъ Бородатый.

— Давно ли буйная головушка стала бояться государевыхъ дьяковъ? Развѣ набѣдовалъ что?

— Если бы такъ, не сталъ бы кланяться о помилованіи, хоть бы великому князю!

— Съ такимъ обычаемъ немудрено попасть подъ топоръ.

— Тогда развѣ ударю челомъ, и то матери сырой землѣ. А теперь нагрянула бѣда, только не на меня, а на домъ нашъ. Дьякъ пріѣхалъ по приказу государя и повѣдалъ мнѣ...

Бояринъ не далъ договорить сыну.

— Пусть самъ повѣдаетъ мнѣ... Видно, длинна борода, да умъ коротокъ. Прикажи холопамъ звать государева посланника и самъ встрѣть его съ почетомъ.

Пока отецъ съ сыномъ переговаривались, сказочника, Анастасіи и крестника ея не стало въ оружейной. Бояринъ, переодѣвшись въ лучшую одежду, нежели въ какой былъ, возвратился въ оружейную, чтобы принять дьяка. Этотъ не заставилъ себя долго ждать. Сначала показалась исполинская борода, а потомъ маленькій человѣчекъ, провожаемый Хабаромъ, который ухаживалъ за нимъ съ ужимками.

— Господинъ нашъ, князь великой, всея Руси государь, Иванъ Васильевичъ,—заговорилъ, или, лучше сказать, запѣлъ дьякъ въ носъ,—отъ пресвѣтлаго лица своего избралъ меня, своего недостойнаго холопа, ска-

зать тебѣ, бояринѣ: ѣдетъ къ намъ отъ нѣмцевъ лекарь Онтонъ, вельми искусный въ цѣленіи всякихъ недуговъ; остается ему до Москвы только три дня пути; а поелику великій государь соизволилъ, чтобы врачъ, ради всякаго недобраго случая... отъ чего сохрани... каковой отпахни отъ него ангелы и архангелы крылами своими, яко... отъ чего... каковой...

Ораторъ смѣшался, потерявъ нить своей рѣчи; но, подумавъ немного, продолжалъ твердымъ голосомъ:

— Великій государь соизволилъ, чтобы врачъ тотъ, нѣмчинъ Онтонъ, находился неподалеку отъ пресвѣтлаго лица его. И потому жалуетъ тебя, бояринъ, своею милостью, уложилъ отвести того нѣмчина постоемъ на твоихъ палатахъ, изобравъ въ нихъ лучшія хоромины съ сѣнцами...

Надо было видѣть, что дѣлалось на лицѣ боярина при слушаніи этого приказа. Онъ поблѣднѣлъ, губы его дрожали. Нѣмчинъ, поганый нѣмчинъ, басурманъ, латынщикъ, одинъ изъ убійцъ сына его, будетъ жить съ нимъ подъ одною кровлею, осквернитъ святыню его дома, опозоритъ его старость!.. А дѣлать нечего; примешь страшнаго постояльца, да еще съ хлѣбомъ-солью, съ должнымъ почетомъ. Таковъ наказъ великаго князя. Еслибъ Образецъ не зналъ, что Иванъ Васильевичъ любитъ то и гнуть, что противится, и не нашелъ еще желѣзной души, которой не выковалъ по своему, то и въ такомъ случаѣ не смѣлъ бы не послушаться. Имя государево, второе по Богѣ, держитъ грозно и честно по старинѣ, по наказу родительскому.

— Я и все мое Божье да государево, — отвѣчалъ бояринъ, скрѣпя сердце: — выбирай въ дому моемъ клѣти, которыя тебѣ полюбятся.

— Только не свѣтлицу сестры моей, —воскликнулъ Хабаръ: — не останется тотъ живъ, кто чужой заглянетъ въ нее.

— Молчи, — закричалъ грозно бояринъ, — «курицу яйца не учатъ». — Потомъ, оборотясь къ дьяку, промолвилъ: — исполняй волю нашего господина.

Скоро выборъ сдѣланъ, потому что онъ заранѣе былъ назначенъ Русалкою. Половина къ сторонѣ кремлевской стѣны, гдѣ помѣщались сѣнцы, оружейная и подлѣ нея угловая горница, были назначены подъ постой лекаря. Сверхъ того обычай требовалъ угостить государева посланнаго. Пошли нехотя ходить стопы. На этотъ разъ сладкіе меды казались боярину зеліемъ; ничѣмъ не могъ онъ запить тоски своей. Крохотный дьякъ, которому надо было бы тянуть наперстками, окунулся, какъ муха, на дно десятой стопы.

Покойся, малютка, до радостнаго пробужденія!

Воевода ушелъ на свою половину (которую будемъ отнынѣ звать хозяйскою) и отдалъ сыну приказъ уложить дьяка и выпроводить съ честью домой, когда онъ протрезвится. Таковъ былъ законъ гостепріимства, хотя бы гость былъ для хозяина хуже татарина. Но разгульная голова — Хабаръ разсудилъ иначе.

— Погоди, — сказалъ онъ, смотря на опьянѣлаго дьяка, —погоди, вѣщій воронокъ! я окарнаю тебѣ крылья, чтобы впередъ не леталъ къ намъ съ худыми вѣстями.

И Хабаръ отыскалъ у сестриной мамки крѣпкіе свивальники и простыню, опуталъ ею дьяка и свилъ его, какъ младенца. Исполинская борода его расчесана и выставлена во всей гордой красѣ. Когда все это было сдѣлано, умильная, пышная, испеченная рожица малютки улыбнулась. Нѣтъ, этой улыбки Хабаръ не

отдалъ бы за богатые дары; за нее готовъ онъ былъ просидѣть цѣлый мѣсяцъ въ черной избѣ. Въ охапку дитя свое, и прямо со двора. Лишь только увидали на улицахъ вспеленатаго малютку съ ужасной бородой, встрѣчные, поперечные, торговавшіе, работавшіе, все бросилось къ ней, и составили шумную, веселую процессію. Восклицанія, смѣхъ, хохотъ, крики огласили воздухъ. Настоящій праздникъ Момуса! Толпы расли и расли и наконецъ запрудили улицу. Только тѣ, которые находились поближе къ главному виновнику этого торжества, могли понять, что они видѣли; но чѣмъ далѣе кто былъ отъ него, тѣмъ чуднѣе получалъ о немъ вѣсти. Иной кричалъ: «родился мальчикъ съ саженной бородой!» Другой — «упала съ неба звѣзда бородатая!» Кто — «нашли урода, живую голову съ бородою!» И не укласть отъ Москвы до Цареграда всѣхъ диковинокъ, которыя выдавали о бородѣ! Старость видѣла въ этой бородѣ кончину міра и пришествіе антихриста, молодость рада была посмѣяться надъ невидальщиной. Толкали другъ друга, дрались, платили деньги, лишь бы увидать бороду. Вмѣшались недѣльщики (тогдашняя полиція); угрозы ихъ, палки, наконецъ самое имя великаго князя — ничто не помогло. Процессія шла себѣ далѣе и остановилась не прежде, какъ у избы дьяка Бородатаго, который успѣлъ отрезвиться, но не могъ придти въ себя отъ шуму и сборища, его окружавшаго, не могъ придумать, что съ нимъ дѣется. Долго не хотѣли дворчане впустить къ себѣ своего господина и, только убѣжденные его голосомъ и подлинностью бороды, приняли его съ бережью на свои руки. Шутка эта дошла скоро и до хоромынъ великокняжескихъ.

Между тѣмъ, какъ происходила эта потѣха, затѣянная удалымъ Хабаромъ, какой ужасъ наполнилъ домъ отца его, когда узнали домочадцы, что между ними поселится нѣмчинъ! Еще болѣе усилился этотъ страхъ вѣстями съ разныхъ сторонъ объ ужасномъ постояльцѣ. Одни увѣряли — «онъ держится жидовской ереси»; другіе — «онъ самъ жидъ и везется въ русскую землю своимъ братомъ, евреемъ»; иные прибавляли — «онъ колдунъ, моритъ и воскрешаетъ зельями, костями мертвыхъ, нашептываетъ судьбу надъ кровью младенцевъ, въ черепѣ человѣческомъ, приворачиваетъ къ себѣ крюкомъ, сдѣланнымъ изъ когтей нечистаго...» Чего еще страшнаго не говорили о немъ? И обликъ-то у него долженъ быть нечеловѣческій, какая-нибудь харя съ клыкомъ и съ совиными ушами! Каковъ постоялецъ!.. Пришли черные дни на Образца и семейство его. Самъ онъ будто во второй разъ потерялъ сына и овдовѣлъ; сынъ негодуетъ и пылитъ, что горный потокъ шумитъ; дочка, наслышавшись ужасовъ, то дрожитъ, какъ осиновый листъ, то плачетъ, что рѣка льется. Не смѣетъ она и выглянуть изъ волоковаго окна своего терема. Зачѣмъ Василій Ѳедоровичъ строилъ такой красивый домъ? зачѣмъ строилъ его такъ близко отъ государевыхъ палатъ? Видно, во всемъ этомъ соблазнилъ его лукавый: хотѣлъ похвастаться невидальщиной. Грѣхъ попуталъ!.. Что станется съ нимъ, сыномъ и дочерью? Лучше бъ не родиться никому изъ нихъ!..

А вся бѣда отъ того, что у боярина въ домѣ станетъ постоемъ нѣмчинъ!

Придумали однакожъ все возможное, чтобы поганый духъ съ православнымъ не сообщался. Опять окро-

пленіе! опять куреніе, такъ что сквозь сизую пелену дыма трудно различать предметы! Опять моленія съ земными поклонами объ огражденіи отъ бѣсовскаго навожденія! Вотъ и мѣдный крестъ съ шумомъ и завываніемъ прибитъ надъ отдѣленіемъ постояльца, какъ будто послѣдній гвоздь, которымъ приколачиваютъ крышу надъ гробомъ милаго человѣка. Этого мало: нечистыя уста басурмана могутъ ли, должны ли прикасаться къ той посудѣ, изъ которой вкушаютъ православные, крещеные! Статочное ли дѣло! Купили новыя оловянныя мисы, черпальцы, чары, скляницы, и прочее, и прочее, что нужно было для стола нѣмчина. Все это не должно ужъ переходить на половину православную, и послѣ выѣзда его обречено всесожженію. Дворъ разгородили высокимъ тыномъ, сдѣлали другія ворота на половину басурманскую. Для услуги лекарю Онтону назначили паробка, лѣтъ подъ двадцать, а почему именно его — была важная причина. Онъ былъ безъ роду, безъ племени, круглый сирота: эта причина заставила бы нашихъ предковъ еще болѣе заботиться о немъ. Нѣтъ, не потому обрекли его на жертву, будто на съѣденіе *змью-горынычу*, а потому, что онъ былъ *недокрещенецъ* (другого имени ему не знали). Въ то время, какъ его крестили, поднялась ужасная гроза, и великое таинство не было окончено. Это натвердили ему съ малолѣтства. Какой вѣры былъ онъ, самъ не зналъ, и потому не ходилъ никогда въ церковь. Какъ нарочно — готовый слуга басурману!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРІѢЗДЪ И ВСТРѢЧА

Не надобно думать, чтобы тогдашнія дороги (т. е. въ XV вѣкѣ) походили на нынѣшній шоссе отъ Москвы до Петербурга.

«Клятва при Гр. Гос.,» *Полевого.*

По Смоленской дорогѣ, верстахъ въ семи отъ Москвы, ныряло въ снѣжныхъ сугробахъ нѣсколько саней, длинныхъ-предлинныхъ, съ бесѣдками изъ обручей, обтянутыхъ парусиной, наподобіе тѣхъ повозокъ, какія видимъ и нынѣ у пріѣзжихъ къ намъ изъ Польши жидовъ. Высокія худощавыя лошади, не русской породы, казавшіяся еще выше отъ огромныхъ хомутинъ, испещренныхъ мѣдными полумѣсяцами, звѣздами и яблоками, давали знать о мѣрѣ своего хода чуднымъ строемъ побрякушекъ такого же металла. На передкахъ сидѣли, большею частью, жиды. Кажется, я ужъ сказалъ, что въ тогдашнее время не было выгодной должности, которую бы не брали на себя потомки Іудины. Они мастерски управляли бичомъ и кадуцеемъ, головой и языкомъ; одинъ мечъ имъ не дался. Особенно на Руси, несмотря на народную ненависть къ нимъ, во Псковѣ, въ Новгородѣ и Москвѣ шныряли евреи: суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и

послы. Удача имъ вывозила изъ Руси соболей, но удача оставляла тамъ ихъ голову.

Въ авангардѣ, изъ-подъ ощипаннаго малахая и засаленнаго тулупа, торчала, какъ флюгеръ, остроконечная бородка и развѣвались пейсики, опушенные морозомъ. Сѣрые, какъ у сыча, глаза, казалось, пытали даль. Въѣхавъ на Поклонную гору, еврей проворно соскочилъ съ передка. Передъ нимъ прекрасный день запоздалой зимы разстилалъ окружность на нѣсколько десятковъ верстъ. Онъ протеръ глаза еще разъ, остановилъ лошадей, подскочилъ къ бесѣдкѣ и, ударивъ по ней бичомъ, сказалъ такимъ радостнымъ, торжественнымъ голосомъ, какъ бы дѣло шло объ открытіи на безбрежномъ океанѣ обитаемаго острова:

— Kucke, kucke, geschwind, Herr! (Посмотри скорѣе, скорѣе, господинъ!). Вотъ Москва!..

— Москва?.. — спросилъ кто-то изъ повозки такимъ же радостнымъ, но дрожащимъ голосомъ, и вслѣдъ за тѣмъ вынырнула изъ бесѣдки голова, покрытая мѣховымъ беретомъ, и выглянуло пріятное, разрумяненное морозомъ, лицо молодого человѣка. — Москва? — повторилъ онъ, спустя нѣсколькими тонами ниже, — да гдѣ же она?..

— Вотъ, вотъ на горѣ, межъ лѣсомъ, — отвѣчалъ еврей; но, замѣтивъ, что на лицѣ его спутника набѣгало неудовольствіе обманутаго ожиданія, онъ прибавилъ съ смущеніемъ: — Азе на васъ трудно угодить, господинъ! Вамъ, мозетъ быть, хотѣлось бы Іерусалима!.. Зацѣмъ зе вы не зили во времена Соломона? А мозетъ статься, вамъ хоцется Кролевца, Липецка или еще цего?

— Да, по твоимъ словамъ, честный Захарій, чего-

нибудь подобнаго! — отвѣчалъ насмѣшливо молодой путникъ, и погрузился въ даль.

Онъ все искалъ Москвы, столицы великаго княжества, съ ея блестящими дворцами, золотыми главами величественныхъ храмовъ, золотыми шпилями стрѣльницъ, вонзенныхъ въ небо, и видѣлъ передъ собою, на снѣжномъ скатѣ горы, безобразную груду домишекъ, частью заключенную въ сломанной оградѣ, частью переброшенную черезъ нее: видѣлъ все это обхваченное черною щетиною лѣса, изъ котораго кое-гдѣ выглядывали низенькія каменныя церкви монастырей. Рѣка, въ лѣтнее время придававшая городу много красоты, была тогда окована льдами и едва означалась извилинами снѣжныхъ береговъ своихъ. Правда, Москву обсѣли кругомъ многочисленныя села и слободы и пригородки, отдѣленные отъ нея то полями, то лѣсомъ, и кое-гдѣ державшіеся за нее нитями длинныхъ *концовъ;* правда, что мысль о соединеніи всѣхъ этихъ слободъ, пригородковъ и селъ должна была изумить огромностью будущей русской столицы; но первое впечатлѣніе, полученное черезъ глаза, было сдѣлано, и Москва заключилась для нашихъ путниковъ въ томъ тѣсномъ объемѣ, который и донынѣ, посреди города, сохранилъ имя *города.* Можетъ статься, въ это самое время Антонъ вспомнилъ душистый воздухъ Италіи, тамошніе дворцы и храмы подъ куполомъ роскошнаго неба, высокія пирамиды тополей и виноградныя лозы своего отечества; можетъ статься, онъ вспомнилъ слова Фіоравенти: «*пройдя черезъ эти ворота, назадъ не возвращаются*»; вспомнилъ слезы матери — и грустно поникнулъ головой.

Изъ этихъ думъ вырвали его голоса, кругомъ раз-

давшіеся: «Москва, Москва, синьоръ Антоніо! — и повозку его обступили человѣкъ пять, разныхъ лѣтъ, въ зимнихъ епанчахъ. Школьники, возвращающіеся домой на вакацію, не съ бо̀льшею радостью привѣтствуютъ колокольню роднаго села.

— Да какой негодный городишка! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Кочевье дикарей! — примолвилъ другой.

— Замѣтьте, и дома ихъ строены, какъ шатры, — присовокупилъ третій: — первое бѣдное основаніе зодчества!

— Мы все это исправимъ! — Недаромъ же и звали насъ сюда!—Мы построимъ дворцы, палаты, храмы.— Опояшемъ городъ великолѣпною стѣной. — Взнесемъ бойницы. — Начинимъ ихъ пушками... О! черезъ лѣтъ десятокъ не узнаютъ Москвы...

— А что дѣлаетъ нашъ Фіоравенти-Аристотель? покуда видимъ груды кирпичей на горѣ и подъ горою.

— Собирается на дѣло!..—воскликнулъ насмѣшливо одинъ изъ спутниковъ, покручивая усъ.

— Десять лѣтъ думаетъ, а въ одиннадцатый придумаетъ...

— Зато и творитъ вѣковое, а не поденничаетъ, — перебилъ Антонъ съ благороднымъ гнѣвомъ. — Кто изъ васъ помогалъ ему выпрямить колокольню въ Ченто? Вы только зѣвали, когда онъ сдвигалъ del tempio la Magione [1])! Выростите до него, и тогда помѣряйтесь съ нимъ. А теперь... берегитесь!.. онъ однимъ геніальнымъ взоромъ васъ задавитъ.

— Люблю Антоніо за обычай, — воскликнулъ одинъ

---

[1]) Колокольню Св. Маріи въ Болоньѣ.

изъ толпы, среднихъ лѣтъ, до сихъ поръ хранившій насмѣшливое молчаніе, — люблю Антоніо! Настоящій рыцарь, защитникъ правды и прекраснаго!.. Товарищъ, дай мнѣ руку, — присовокупилъ онъ съ чувствомъ, протягивая руку Эренштейну, — ты сказалъ доброе слово за моего соотечественника и великаго художника.

Начавшіе хвастливый разговоръ замолчали, пристыженные рѣчью своего товарища. Вѣроятно, не смѣли они затѣять съ нимъ споръ, изъ уваженія къ его лѣтамъ или дарованіямъ; а передъ упреками Антона смирялись потому, что могли всегда имѣть въ немъ нужду, да и рыцарскій духъ его не терпѣлъ жестокихъ возраженій. Тотъ, который подалъ ему руку въ знакъ своего удовольствія, былъ будущій строитель *Грановитой палаты* [1]). Другіе спутники были *стѣнные* и *палатные мастера* и литейщики.

И вотъ стали они подъѣзжать къ Москвѣ.

Прошло первое непріятное впечатлѣніе обманутой мечты, и Антонъ утѣшился. Развѣ для мертвыхъ зданій пріѣхалъ онъ въ страну отдаленную? развѣ любопытство влекло его туда? Любовь къ человѣчеству, къ наукѣ, къ славѣ — вотъ что указало ему путь въ Московію. Человѣкъ слабый требовалъ себѣ на-помощь человѣка болѣе мощнаго, и онъ шелъ на зовъ его. «Кому дано, съ того и спросится», говоритъ самъ Христосъ. «Свѣтъ, которымъ онъ надѣленъ, долженъ передать другимъ, покуда онъ въ долгу у человѣчества. Можетъ быть, труды великіе ожидаютъ его, а безъ труда нѣтъ подвига».

---

[1]) Алевизъ.

Воображеніе, настроенное этими утѣшительными мыслями, представило ему панораму Москвы черезъ стекло болѣе благопріятное. Онъ привелъ въ нее весну съ ея волшебною жизнью, заставилъ рѣку бѣжать въ ея разнообразныхъ, красивыхъ берегахъ, расцвѣтилъ слободы садами и дохнулъ на нихъ ароматомъ, ударилъ перстами вѣтерка по струнамъ чернаго бора и извлекъ изъ него чудные аккорды, населилъ все это благочестіемъ, невинностью, любовью, патріархальными нравами, и Москва явилась передъ нимъ, обновленная поэзіей ума и сердца.

Въ такомъ расположеніи духа въѣхали они въ село Дорогомилово. Мальчишки, игравшіе на улицѣ въ снѣжки, встрѣтили путешественниковъ восклицаніями на разные голоса. Иные кричали: «Жиды! собаки! Христа распяли!» другіе: «Татаре-бояре! бояре-татаре [1])!

— Что кричатъ эти мальчики? — спросилъ Антонъ своего извозчика, понимавшаго русскій языкъ.

— А цто они крицатъ? — отвѣчалъ жидъ, — по-нѣмецки это знацило бы: «здравствуйте, дорогіе гости».

И вслѣдъ за тѣмъ дорогихъ гостей привѣтствовали комьями снѣга. Потомъ высыпали изъ домовъ разноцвѣтныя всклоченныя бороды, бараньи шапки, лапти, овчинные въ заплатахъ тулупы, рогатыя кички, и все это съ лицами, очень неблагопріятными для путешественниковъ. Правда, выглядывалъ кое-гдѣ карій глазъ изъ-подъ черныхъ бровей красавицы, готовой навесть и праведника на грѣхъ; улыбка малиновыхъ губъ выставляла на показъ рядъ жемчужныхъ зубовъ; высту-

[1]) И донынѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Тверской губерніи встрѣчаютъ этимъ привѣтствіемъ проѣзжихъ, вѣроятно, въ память прежнихъ своихъ властителей, татаръ.

пали и статные молодцы, которыхъ Наполеонъ съ гордостью завербовалъ бы въ свои легіоны; но и между ними ненависть къ иноземцамъ означалась рѣзкими насмѣшками. Не для путешественниковъ, однакожъ, выступили они толпами изъ домовъ; нѣтъ, они стремились въ Москву, какъ будто на потѣху, на которую боялись опоздать.

— Поспѣшайте, окаянные басурманы! — кричали они проѣзжимъ, — насилу-то владыки образумились жарить васъ... Поспѣшайте, и вамъ мѣсто будетъ!

Еврей выгадывалъ недоброе изъ этихъ угрозъ. Зная однакожъ, что показать страхъ—напроситься на бѣду, отвѣчалъ съ твердостью:

— Кому дурно, а намъ будетъ хорошо! Мы веземъ къ великому князю строителей церковныхъ.

— Исполать господину нашему Ивану Васильевичу! якшается нынѣ на свою голову съ жидами да съ басурманами! — закричалъ одинъ изъ толпы.

— Валить домы Пресвятой Богородицы, а на мѣсто ихъ ставить палаты и терема боярскіе да псарскіе, да сады садить,—прибавилъ другой.—Бѣда земская, да и только.

— Ино мѣсто свято, гдѣ былъ домъ Божій, и по-сю пору не огорожено, — подхватилъ третій, — собаки, прости Господи, бѣгаютъ по немъ...

— Отъ того и пожары московскіе.

— И страшныя видѣнія на небесахъ.

Такъ говорилъ въ то время народъ русскій, недовольный нововведеніями и сближеніемъ съ иностранцами, но говорилъ тамъ, гдѣ зналъ, что рѣчи его не дойдутъ до великаго князя, который не любилъ, чтобы ему поперечили или охуждали его дѣла. Роптали заочно,

въ глуши, но въ самой Москвѣ бояре и народъ ходили тише воды, ниже травы. Антонъ, не понимая рѣчей слободскихъ жителей, догадывался, однакожъ, по недоброжелательству, которое выражали ихъ лица, по суровости взглядовъ, бросаемыхъ на проѣзжихъ, что тутъ живутъ не кроткія дѣти временъ патріархальныхъ.

Дорога ввела ихъ въ боръ, опоясавшій городъ. Кресты деревянные, довольно частые, то по дорогѣ, то поодаль въ глуши лѣса, возбуждали въ итальянцахъ мысль о набожности русскихъ; но къ этой мысли примѣшалось бы и чувство ужаса, когда бъ они знали, что подъ крестами похоронены несчастные, зарѣзанные ножомъ или удушенные петлею. Не только въ отдаленное время, но еще и въ концѣ XVIII столѣтія, лѣса, окружавшіе Москву, укрывали шайки разбойниковъ, и душегубства были нерѣдки.

Мостъ черезъ Москву-рѣку, устроенный на козлахъ, качался отъ повозокъ, будто эластическій. Немного далѣе, за селомъ *Чертолинымъ* (нынѣ Пречистенка) въѣхали они въ посадъ *Занеглинье*. И тутъ ничто не предвѣщало столицы великаго княжества. Смиренные домики, избушки на курьихъ ножкахъ, кое-гдѣ лачуги, на-скоро складенныя на пепелищахъ послѣ недавняго пожара, церкви и часовни во множествѣ, но всѣ деревянныя и бѣдныя, съ огромными навѣсами кругомъ, какія и нынѣ видимъ еще кое-гдѣ въ степныхъ деревняхъ; тотъ же народъ въ овчинныхъ шубахъ безъ покрыши, множество нищихъ, калѣкъ, юродивыхъ у часовенъ, на перекресткахъ, все это не было утѣшительнымъ предметомъ для нашихъ путешественниковъ.

Лишь только подъѣхали они къ Кучкову валу, идущему отъ Срѣтенскаго монастыря по Москву-рѣку, на

рѣкѣ, за Великой улицей (набережной, къ сторонѣ Кремля), поднялся дымный столбъ, все гуще и гуще, такъ что новыя струи дыма образовали исполинскую. витую колонну, съ украшеніями небывалаго ордена, подпиравшую небо. Художники нѣсколько минутъ любовались этимъ чуднымъ явленіемъ, которому пламенное воображеніе юга придавало творческую существенность, и мысленно снимали его на бумагу. Напротивъ, Антонъ разсматривалъ его съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ, хотя соглашался съ товарищами, что не пожаръ причиною этого явленія.

У въѣзда въ Великую улицу встрѣтило путниковъ нѣсколько приставовъ, посланныхъ отъ великаго князя, вмѣстѣ съ переводчикомъ, поздравить ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и проводить въ назначенные имъ дома. Но, вмѣсто того, чтобы вести ихъ черезъ Великую улицу, пристава велѣли извозчикамъ спуститься на Москву-рѣку, оговарриваясь невозможностью ѣхать по улицѣ, заваленной будто развалинами домовъ, послѣ недавняго пожара.

При спускѣ на рѣку путешественники могли ужъ разглядѣть, что дымный столбъ образовался изъ костра, зажженнаго на самой рѣкѣ. Не праздникъ ли какой, остатокъ временъ идолопоклонства? Не пляска ли вокругъ огня? А, можетъ быть, не сожигается ли по-индѣйски неутѣшная вдова?.. Народъ кричитъ, смѣется, плещетъ рукавицами; видно, готовится для него потѣха.

У самаго костра, за невозможностью ѣхать далѣе по тѣснотѣ народной, остановили повозки. Чудное зрѣлище ожидало гостей.

Пылалъ костеръ сажени двѣ въ ширину. Въ про-

тивной сторонѣ послышались радостныя, торжественныя восклицанія. Множество людей везло на себѣ что-то огромное. Не колоколъ ли? Но какъ скоро двуногая упряжь разступилась, увидали клѣтку съ рѣшеткою изъ толстой, желѣзной проволоки, и сквозь нее двухъ человѣкъ. Одинъ былъ молодой, другой старикъ. Отчаяніе въ глазахъ ихъ, моленія, пылающій костеръ, желѣзная клѣтка, радость черни.. о! навѣрно, готовится казнь. Западню съ полозьевъ долой, и прямо на пылающій костеръ. Огонь, задавленный тяжкимъ бременемъ, нетерпѣливо закурился; днище начало коробиться и вскорѣ затрещало. Изъ клѣтки послышался стонъ. Сердце путниковъ оледенѣло, волосы встали дыбомъ. Антонъ и его товарищи просили приставовъ освободить ихъ отъ печальнаго зрѣлища. Имъ на это отвѣчали только, что въ примѣръ другимъ совершается казнь надъ мерзкими, богопротивными измѣнниками, литвиномъ, княземъ Иваномъ Лукомскимъ, и его сообщникомъ, толмачомъ Матифасомъ, которые хотѣли отравить великаго государя, господина всея Руси, Ивана Васильевича. Антонъ сталъ, черезъ переводчика, объяснять съ жаромъ свою просьбу. Отвѣта не было.

— Всемогущимъ Богомъ, — кричали осужденные, кланяясь народу, — нашимъ и вашимъ Богомъ клянемся, мы невинны, Господи! Ты видишь, мы невинны, и знаешь нашихъ оговорщиковъ передъ великимъ княземъ... Мамонъ, Русалка, дадите отвѣтъ на томъ свѣтѣ!.. Иноземцы, несчастные, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Берегитесь... Во имя Отца и Сына и...

Дымъ обвилъ ихъ своими складками и задушилъ слова на устахъ несчастныхъ.

— Экъ мычатъ! — кричали зрители.

Москворѣцкій мостъ, въ виду котораго происходило ужасное зрѣлище, кряхтѣлъ подъ народомъ; перила, унизанныя имъ, ломились отъ тяжести напора. Напрасно старики и недѣльщики остерегали смѣльчаковъ, слышались только отважные голоса русскаго фатализма: «двухъ смертей не бывать, одной не миновать». И вслѣдъ за тѣмъ перила затрещали и унесли съ собою десятки людей на ледъ Москвы-рѣки. Многіе ушиблись до смерти.

Въ это время огонь выбѣжалъ на свободу изъ-подъ клѣтки и распустилъ по ней свои многоцвѣтистые побѣги. По днищу разлился пламенный потокъ. Сквозь пламя означились двѣ темныя фигуры. Онѣ крѣпко обнялись... пали... и вскорѣ отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ пепла, которымъ вѣтеръ засыпалъ очи зрителей. Желѣзная клѣтка вся озолотилась; по оранжевымъ прутьямъ ея бѣжали кое-гдѣ звѣздочки, и лопались, какъ потѣшный огонь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВѢСТОВЩИКЪ

Что ты за человѣкъ?—
— Художествъ столько я имѣю за собою,
Что, кажется, рожденъ всеобщимъ быть слугою.
Весь свѣтъ моя родня, я свѣтъ прошелъ кругомъ,
Достатка не имѣвъ, кормлюся языкомъ;
Живу же, какъ и всѣ, согласно съ нашимъ вѣкомъ,
То плутомъ иногда, то честнымъ человѣкомъ.

Хмельницкій.

— Пріѣхалъ! пріѣхалъ! — раздалось въ палатахъ Образца, и все, что было живущаго въ домѣ, кромѣ сына его, испуганное, блѣдное, дрожащее, сперва ахнуло, потомъ засуетилось. Хотѣли идти—ноги подкашивались; хотѣли приказывать, передавать приказанія—губы издавали звуки безъ словъ. Наконецъ опомнились, отворили ворота. Чтожъ? это еще не онъ, не страшный постоялецъ, а великокняжескіе слуги съ хлѣбомъ-солью отъ Ивана Васильевича. Несли на блюдахъ по нѣскольку паръ куръ, гусей, индѣекъ, свинину, перепечи, ведерко фряжскаго вина и—всего не исчислишь на листѣ, что принесли какъ будто для продовольствія цѣлой десятни. Привели также и коня, богато убраннаго, въ даръ лекарю. Распоряжался этимъ поѣздомъ бояринъ Мамонъ, напросившійся на него,

чтобы имѣть случай всею тяжестью лица своего налечь на сердце Образца. Когда этотъ узналъ о появленіи ненавистнаго человѣка въ своемъ домѣ, тотчасъ отдалъ приказъ домочадцамъ не дѣлать никакой встрѣчи лекарю. Сыну жъ строго запрещено вступать въ ссору со врагомъ ихъ, тѣмъ болѣе, что Хабаръ освобожденъ былъ за поручительствомъ отца изъ-подъ стражи, подъ которую взятъ за проказы свои. Зашипѣлъ санный поѣздъ у воротъ; процессія тронулась и стала на дворѣ въ два ряда, чтобы встрѣтить пріѣзжаго. Дѣйствительно, это былъ Антонъ. Выскочивъ проворно изъ саней, онъ благодарилъ Захарія за хорошее доставленіе его на Русь и хотѣлъ дать ему денегъ, но жидъ не принялъ ихъ, сказавъ только:

— Прошу вспомнить обо мнѣ, когда будетъ вамъ нужда въ чемъ; я слуга вашъ, пока живъ.

Любопытство такъ сильно въ человѣкѣ, что превозмогаетъ и страхъ. Несмотря на запрещеніе воеводы, всѣ слуги его бросились поглядѣть ужаснаго постояльца, кто въ ворота, кто въ щель забора, кто черезъ заборъ. Хабаръ, гордо подбоченясь, высматривалъ его у своихъ воротъ. Вотъ покажется ужасная харя съ мышиными ушами, вотъ выглянутъ клыки, вотъ захлопаютъ совиные глаза и осыплютъ васъ бѣсовскимъ огнемъ. И показался молодой человѣкъ прекрасной наружности, статный, ловкій, полный жизни юной и могучей. Въ голубыхъ глазахъ его, сквозь облако грусти, которое оставило зрѣлище казни, проникалъ лучъ доброты и привѣта; губы, осѣненныя тонкими усиками, дарили такою благорастворенною улыбкою, которую нельзя сочинить, а можетъ только вылить родникъ душевный, не возмущаемый нечистыми страстями. И здо-

ровье и морозъ, каждый на свою долю, наложили на щеки его по легкому слою румянца. Онъ скинулъ беретъ, и свѣтлые кудри полились по широкимъ плечамъ. Онъ произнесъ Мамону нѣсколько словъ по-русски, какъ сумѣлъ, и въ голосѣ его было столько привлекательнаго, что самъ лукавый духъ, расходившійся въ сердце боярина, прилегъ на днѣ его. Такъ вотъ ужасный постоялецъ, напугавшій Образца и домочадцевъ его! Вотъ онъ наконецъ! Если это бѣсъ, такъ онъ принялъ свой первородный, небесный образъ. Всѣ дворчане, смотрѣвшіе на него, остались твердо убѣждены, что онъ отвелъ имъ глаза.

— Скорѣе, Настя, посмотри, какъ онъ пригожъ!— говорилъ Андрюша дочери воеводы, у которой находился въ свѣтлицѣ, смотря въ волоковое окно, имъ отодвинутое.—Вѣрь послѣ глупымъ слухамъ! Батюшка говоритъ, что онъ мнѣ братъ. О, какъ я буду любить этого братца!.. Посмотри жъ, душенька.

И сынъ Аристотелевъ, увѣряя, клянясь, что онъ не шутитъ надъ своею крестною матерью, увлекъ ее, дрожащую, блѣдную, къ окну. Сотворивъ крестное знаменіе, съ трепещущимъ сердцемъ, она осмѣлилась взглянуть издали въ окошко и — не повѣрила глазамъ своимъ. Еще разъ взглянула... смущеніе, какое-то удовольствіе обманутаго опасенія, какое-то сладостное волненіе въ крови, никогда еще неиспытанное, приковали ее на нѣсколько мгновеній къ одному мѣсту. Но когда Анастасія опомнилась отъ этихъ впечатлѣній, ей стало стыдно, грустно, что поддалась имъ. Она ужъ раскаивалась въ нихъ. — «Чародѣй надѣлъ на себя личину»,—подумала Анастасія, вспомнивъ слова отцовскія. Съ того времени стала она чаще задумываться.

Наконецъ путешественникъ успѣлъ освободиться отъ церемоній пріема, благодаривъ щедро дворскихъ служителей. Великодушіе его не любило ни у кого оставаться въ долгу, хотя возможность часто противилась этому влеченію добраго сердца. Онъ остался одинъ и заперся въ своей комнатѣ. Здѣсь принесъ Творцу дань разумнаго творенія. И это причли ему въ худое. — «Онъ-де сзываетъ нечистую силу, чтобъ освободиться отъ святыни, которою его окружали въ новомъ жилищѣ».

Сдѣланъ осмотръ комнатамъ. Одна, угловая, была окнами на улицу и къ стѣнѣ кремлевской, другая, бывшая оружейная, — на дворъ. Новое жилище казалось ему довольно пріятнымъ.

Вскорѣ кто-то постучалъ у двери и доложилъ о себѣ, что онъ, Бартоломей, переводчикъ великаго государя и цезаря Іоанна, пришелъ съ извѣстіемъ объ исполненіи даннаго ему порученія. Ему отперли.

Вошелъ человѣкъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ. Какъ у Бородатаго первенствовала борода, у этого бралъ первенство носъ, чудо изъ носовъ! Онъ къ корню сузился, а къ ноздрямъ расширился наподобіе воронки, и былъ весь испещренъ пунцовымъ крапомъ. Губки, умильно вытянутыя впередъ, какъ-будто готовились наигрывать на флейтѣ; изъ-подъ опушки каштановыхъ усовъ и бороды онѣ казались... казались, — тьфу пропасть! уронилъ сравненіе, словно въ бездну, и какъ ни ловлю памятью, воображеніемъ, не могу поймать. Ну, господа, дѣлайте его сами. Маленькіе глаза переводчика выражали неравнодушіе къ женскому полу. И если бъ сорокъ лѣтъ съ походцемъ, проказы и частыя посѣщенія виноградниковъ господнихъ не

провели множества значительныхъ іероглифовъ по лбу его и не обнажили поляны на головѣ; если бъ не крапы на носу, и если бъ не одна нога, которая, любя подчиненность, всегда дожидалась выхода другой, то, право, можно бы господина переводчика назвать очень пріятнымъ мужчиной. По крайней мѣрѣ онъ самъ себя считалъ такимъ. Самонадѣянность эту подкрѣплялъ онъ разсказами о своихъ подвигахъ. Въ Липецкѣ, говорилъ онъ, одна дѣвушка отъ любви къ нему утопилась, а жена содержателя книгопечатни, красавицу въ полномъ смыслѣ, онъ было похитилъ, какъ быкъ Европу. За ними гнались, ихъ разлучили. Мужья цѣлаго города, составивъ заговоръ, посягали на его жизнь. *Вслѣдствіе* чего, прибавлялъ Бартоломей, вынужденъ онъ былъ перешагнуть Рубиконъ и бѣжать въ Московію. Здѣсь выучился онъ по-русски и началъ исправлять должность переводчика *нѣмецкихъ бумагъ* и толмача нѣмецкихъ рѣчей.

Размахнувъ полы рысьей шубы, Бартоломей выказалъ свой опашень изъ *рудо-желтой* камки съ золочеными пуговицами. Правда, нога его заупрямилась было надъ своей запятой, но онъ скоро побѣдилъ ее, сталъ въ благопристойномъ положеніи и доложилъ, что Аристотеля не засталъ дома. По приглашенію Антона, онъ сѣлъ на лавку. Какъ штукарь выкидываетъ разомъ изо рта нѣсколько сотъ аршинъ разноцвѣтныхъ лентъ, сталъ онъ выкидывать безъ перерыву свои пестрые разсказы.

— Располагайте мною совершенно, — говорилъ онъ. — Вы, въ нѣсколько мгновеній, такъ меня очаровали, что я... что я... ну, право, если бъ вы были женщина, я влюбился бы въ васъ по уши. Увѣренъ,

и вы не были бъ ко мнѣ равнодушны, потому... извольте видѣть... какое-то сочувствіе непостижимое... не правда ли?

— О, совершенно правда, — отвѣчалъ, улыбаясь, Антонъ.

— Вслѣдствіе сего располагайте мною, какъ вамъ угодно. Если вамъ нужно что къ великому князю, одно слово, только одно слово... О, великій князь ко мнѣ очень милостивъ. Вотъ, напримѣръ, извольте видѣть, это шуба...

— Вижу.

— Да какая же это шуба! Вы иностранецъ; вы, конечно, цѣны не знаете этимъ вещамъ. Это рысь, рысь, высокопочтеннѣйшій господинъ, немного уступаетъ соболю, а соболь и самъ цезарь римскій считаетъ за драгоцѣнный подарокъ. Его можно только сравнить съ мягкими, пушистыми волосами женщины. А эта шелковая матерія нѣжна, отливиста, упруга, какъ женское колѣночко... А эти пуговицы... не правда ли? блестятъ, словно зажигательные глазки. Все это даръ великаго князя за умную службу, и точно великаго! Какой государь, если бъ вы знали! сколько новыхъ, небывалыхъ чиновъ понадѣлалъ, и каждый поставилъ на своемъ мѣстѣ! Вотъ я вамъ разскажу (здѣсь онъ началъ считать по пальцамъ): во-первыхъ — бояринъ, во-вторыхъ — воевода, въ-третьихъ — окольничій, великій дворецкій (замѣтьте, есть и младшіе), переводчикъ, и такъ далѣе: казначей, печатникъ, дьякъ, постельничій, сокольничій, конюшій, ясельничій, приказчикъ, шатерничій и многое множество другихъ чиновъ. Вы, конечно, попадете въ одинъ изъ первыхъ разрядовъ.

— Много чести. Лишь бы не въ разрядъ постельничихъ.

— И всѣмъ какая дача идетъ отъ казны! Сытно ѣдимъ, славно запиваемъ медами, тѣшимся себѣ, сколько душѣ угодно, умирать не надо. Славный государь! Жаль только, что привязанъ къ одной своей супругѣ. А то какой бы приготовилъ я ему букетъ прекраснѣйшихъ женщинъ (онъ поднялъ три пальца къ губамъ своимъ и чмокнулъ, какъ бы вкушалъ что-нибудь очень сладкое). Правда, я за тѣмъ и поѣхалъ въ Московію, что думалъ найти здѣсь Востокъ... настоящій Востокъ, вы меня понимаете...

— И, вѣроятно, ошиблись, — перебилъ Антонъ, покраснѣвъ какъ молодая дѣвушка. — Слышно, здѣсь запираютъ женщинъ, и для мужчины невозможна побѣда, какимъ бы ни обладалъ онъ даромъ обольщенія.

— О, не думайте этого! — воскликнулъ переводчикъ съ улыбкою самонадѣянности. — Гмъ! мы имѣли случаи... Но въ этихъ дѣлахъ надо быть скромнымъ. Самые обычаи не такъ строги, какъ разсказываютъ у васъ. Во-первыхъ, на пирушкѣ хозяйка, по приказанію мужа, всегда угощаетъ; она обязана цѣловать ихъ. Тутъ упоительные взгляды, крѣпкіе меды — отсутствіе мужа въ другіе города, по дѣламъ торговымъ и на войну, — и не одинъ Парисъ, хоть бы нашъ братъ, былъ причиною лютыхъ сердечныхъ пожаровъ. Какъ водится, женщина вездѣ женщина: таинство любви еще болѣе подстрекаетъ ее...

— Но дѣвушки здѣшнія? онѣ, конечно, не имѣютъ случая видѣться съ мужчинами.

— Явно нѣтъ, а для тайныхъ свиданій всегда находятъ случаи. Водятъ хороводы въ садахъ, а въ са-

дахъ есть заборы, а въ заборахъ есть щели, сквозь которыя можно поговорить и даже сорвать поцѣлуй. Нѣмая бесѣда изъ окошка свѣтелки, тамъ преданная мамушка, услужливый дворникъ, задобренный песъ, и самая калитка затаитъ свой голосъ, чтобы помочь любви. У насъ, я хочу сказать у васъ, въ Германіи, замки и покрѣпче здѣшнихъ теремовъ, и стражи понадежнѣе здѣшнихъ дворчанъ, да и тутъ Купидонъ дѣлаетъ свое. Повѣрьте, высокопочтенный господинъ, его владычество тамъ и сильнѣе, гдѣ женщинъ держатъ за замками. Русскія пѣсни всего лучше это доказываютъ. Надо вамъ замѣтить, я собираю ихъ и уже написалъ къ нимъ цѣлый томъ предисловія. Мимоходомъ признаться, перелистывая его, удивляюсь, какъ могъ я такъ хорошо написать, и отъ восторга рыдаю надъ своимъ дѣтищемъ. Но я говорилъ о пѣсняхъ. Вотъ именно въ нихъ видите: то лихіе сосѣди подмѣтили свиданіе любовниковъ, то намутили отцу и матери; въ иной пѣсни жена хочетъ *потерять* своего стараго мужа, въ другой жалуется на невѣрность, въ третьей оставляютъ отца и матерь для какого-нибудь молодца-разбойника; — вездѣ любовь женщины, готовой на трудныя жертвы, вездѣ разгулье и молодечество мужчинъ. Хотите ли живыхъ примѣровъ?

— О, это ужъ лишнее!

— Нѣтъ, позвольте, я только намекну... извольте вѣдать, и мы посвящены въ нѣкоторыя таинства... Вотъ, недалеко ходить, вдова Селинова. Видите домъ сосѣдскій, при спускѣ Константино-Еленовской улицы. Вдовушка безъ ума отъ сына вашего хозяина.

— Не отъ того ли статнаго, гордаго молодца, который стоялъ у другихъ воротъ хозяйскаго дома?

— Да, этого прекраснаго мужчины, сказалъ бы я, если-бъ не портилъ его высокій ростъ.

Антонъ усмѣхнулся, но, боясь оскорбить разсказчика, сдѣлался попрежнему внимателенъ. Переводчикъ продолжалъ:

— Если бы скромность не велѣла мнѣ положить палецъ на уста, мы могли бы передать вамъ много занимательнаго изъ здѣшнихъ шашень. Мы таки знаемъ кое-что... мы вхожи въ дома бояръ, видаемъ и женъ и дочекъ ихъ. Но прошу напередъ замѣтить, для полученія милостей тѣхъ и другихъ, надо перейти въ ихъ вѣру.

— Поэтому я никогда не буду пользоваться ихъ благосклонностью,—сказалъ Эренштейнъ,—какъ же вы?..

— Виноватъ, я окрестился по здѣшнему. Чтобы русскій васъ любилъ, это условіе необходимо. Безъ того прослывешь басурманомъ, латынщикомъ, нехристемъ, хоть бы вы были самымъ лучшимъ христіаниномъ; васъ будутъ бѣгать и гнушаться, вотъ точно какъ въ Индіи паріевъ. Гдѣ эта Индія, хоть убейте, не могу вамъ объяснить, а сказывалъ мнѣ о ней русскій путешественникъ Аѳанасій Никитинъ. Я буду имѣть честь вамъ его представить. Тамъ, извольте видѣть, есть часть народа, которыхъ называютъ паріями; эти паріи изъ рода въ родъ презрѣны всѣми, въ загонѣ, въ униженіи у всѣхъ, такъ что прикосновеніе къ нимъ есть ужъ бѣда; ихъ бѣгаютъ, какъ прокаженныхъ. Вотъ здѣсь именно, на такой степени, иновѣрцы. Только подъ грозною защитою великаго князя остаются они въ безопасности. Напротивъ, иноземецъ, принявшій здѣшнюю вѣру, въ большой чести и любви у русскихъ.

Хотѣлъ Антонъ перебить его, чтобы спросить подробнѣе о состояніи иноземцевъ на Руси, но книгопечатникъ не останавливался и продолжалъ печатать свои вѣсти не хуже цилиндрическаго станка.

— Но я, кажется, отдалился отъ своего предмета. Возвратимся къ хорошенькимъ женщинамъ: виноватъ, это моя слабая сторона, моя ахиллесовская пятка. И такъ, я говорилъ о вдовѣ Селиновой. Пріятель, другъ ея, какъ хотите, назовите, не совсѣмъ ей вѣренъ. Удалецъ познакомился недавно — съ кѣмъ бы, думали вы? — съ гречанкой Гайде, а Гайде — какъ бы вы думали? — ни болѣе ни менѣе, какъ возлюбленная Андрея Палеолога, греческаго царя и деспота морейскаго, шурина великаго князя. Вотъ въ какія сани русачекъ садится!.. Видите, тутъ надо почаще ощупывать свою голову, цѣла ли на плечахъ. Кстати замѣтить вамъ, русскій и любитъ махать туда, гдѣ опаснѣе. Мы, нѣмцы, разсчитываемъ и задаемъ, какъ перепрыгнуть ровъ или яму, а онъ ужъ на томъ краю, или сломалъ себѣ шею. Гайде, сказалъ я, гречанка, а я не сказалъ вамъ, какъ она хороша. Тьфу ты пропасть, гдѣ такія красотки родятся!.. (Глаза Бартоломея необыкновенно заблистали и запрыгали). Подумаешь, прости Господи, самъ чертъ выливалъ ее въ какой-нибудь дьявольской формѣ и всыпалъ ей въ черныя очи своего адскаго пламени. Такъ и мутятъ душу и гоняются за вами во снѣ. Прекрасна, дивно прекрасна! Однакожъ, я знаю одну московитянку еще пригожей Гайды — десяти гречанокъ не возьмешь за нее. И какъ бы вы думали, гдѣ бъ она жила? Здѣсь, въ домѣ, въ терему, надъ вашей головой. Дочка вашего хозяина! Ну, почтеннѣйшій господинъ, у ней звѣзды вмѣсто очей, щеки—

пылающая заря, а губки... губки... (тутъ разсказчикъ сталъ втупикъ, щелкалъ пальцами, хваталъ за воронку своего носа, но прибрать никакъ не могъ чего-нибудь подобозначащаго къ губамъ красавицы; махнувъ рукой, онъ принялся описывать далѣе) русой, шелковой косы ея, право, стало бы, чтобъ васъ, молодца, опутать, а ножки ея на одинъ глотокъ. Слышите ли? тукъ-тукъ надъ вами... это она касается пола своими ножками... прислушайтесь, какое очарованіе!

Вздохнувъ, Бартоломей послалъ отъ своихъ выпуклыхъ губокъ поцѣлуй на верхъ.

— А какъ зовутъ ее?—спросилъ, улыбаясь, Антонъ.

— Анастасія, если хотите нѣжнѣе — Настенька.

— Чтожъ? тутъ какъ?.. успѣхи есть?

— О, и подумать грѣхъ! До нея высоко, какъ до солнышка. Сказать про нее худое языкъ не поворотится. Горда и сурова, будто королева. Сердце Іоанна молодого и назначило было ей великокняжеское мѣсто, да судьбы расположили иначе...

Дверь распахнулась, и появленіе двухъ новыхъ лицъ подсѣкло разсказъ цитерскаго вѣстовщика, который былъ не безъ занимательности для Эренштейна.

— *Самъ* Фіоравенти-Аристотель, — сказалъ переводчикъ, и спѣшилъ встать съ своего мѣста.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БАСУРМАНЪ

БАСУРМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХУДОЖНИКЪ

> Они были поэты, и ихъ вымыслы были такъ возвышенны, что они сами страшились ихъ и пали съ трепетомъ предъ своими твореніями.
>
> *Н. Надеждинъ.*

— Антоніо! милый Антоніо! названный сынъ моего брата! какіе боги занесли тебя сюда? — восклицалъ художникъ, обнимая пріѣзжаго.

Это былъ высокій мужчина пожилыхъ лѣтъ; съ головы его бѣжали въ изобиліи черные съ просѣдью волосы, вдохновеніе блистало въ глазахъ; на высокомъ челѣ, этомъ престолѣ ума, замѣтно было небольшое углубленіе — слѣдъ перста Божьяго, когда Онъ остановилъ его посреди творческой думы на помазанникѣ своемъ; доброта просвѣчивала во всѣхъ его чертахъ. — «Хорошо ли пріѣхалъ? Здоровъ ли? Доволенъ ли своимъ жильемъ? Не надо ли чего? — Эти вопросы, одинъ за другимъ, сыпались отъ изліянія горячей, любящей

души такъ скоро, что Антонъ не успѣвалъ отвѣчать на нихъ. — «Сколько лѣтъ не видалъ тебя! Я зналъ тебя еще малюткою — вотъ ты былъ немного повыше моего... Андреа!» — прибавилъ онъ, обратясь къ своему сыну, который, до сихъ поръ, неподвижно стоялъ у дверей и наблюдалъ въ какомъ-то умиленіи, съ какимъ-то восторгомъ свыше его лѣтъ, пріятную сцену свиданія своего отца съ незнакомцемъ. Голубые, умные глаза его горѣли непостижимымъ участіемъ къ Эренштейну. — «Андреа», — продолжалъ художникъ, — «что же ты стоишь какъ вкопанный? чтожъ не обнимешь нашего Антоніо? Онъ также мой сынъ — ты будешь ему меньшимъ братомъ».

И мальчикъ бросился съ чувствами недѣтскими на грудь названнаго брата. Антонъ принялъ его въ свои объятія и цѣловалъ въ голову.

— Ты будешь любить меня, милый Андреа; не правда ли?

— Я ужъ люблю тебя, Антоніо.

Между тѣмъ Аристотель далъ знать маленькому чиновнику межеумочнаго разряда, чтобы онъ оставилъ ихъ однихъ: присутствіе нечистаго созданія разстроивало ихъ союзъ. Это было немедленно исполнено съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что Эренштейнъ не замѣтилъ, какъ онъ ускользнулъ. Въ этомъ случаѣ и коротенькая ножка, вмѣсто запятыхъ, дѣлала исполинскія восклицанія, боясь задержать своего повелителя.

— Письмо отъ моего второго отца, — сказалъ Антонъ, подавая его художнику: — въ чаду вашихъ дружескихъ ласкъ я едва не забылъ отдать его.

Письмо было такого содержанія:

«Вотъ сынъ моего сердца; заступи меня у Антоніо, любезный другъ: сказалъ бы я просто, безъ всякихъ объясненій, посылая его къ тебѣ. Но онъ такъ чудно поставленъ на землѣ, его жизнь такъ чрезвычайна, что я, скрывая его подъ твое крыло, долженъ объяснить, чего ожидаю отъ тебя при этомъ случаѣ. Дитя судьбы, юный, неопытный, такой же пламенный мечтатель, какъ и ты самъ, въ странѣ отдаленной, дикой, о которой имя только недавно дошло до насъ, онъ уже по этимъ правамъ болѣе имѣетъ нужду въ дружескихъ попеченіяхъ твоихъ и сильномъ покровительствѣ. Ты любишь меня, горячо сочувствуешь всему прекрасному и, конечно, полюбишь моего Антоніо. Не хвалюсь его образованіемъ: я его образователь. Не хвалю тебѣ возвышенности его ума: ты самъ это увидишь. Сердце его чисто: сбереги, мой другъ, тайникъ этотъ, въ который могутъ глядѣться ангелы. Боюсь только одного: душа его такъ распаляется при мысли о высокомъ, о благородномъ, что заставляетъ его пренебрегать собственною пользою, всѣми выгодами жизни. Мнѣ ли тебѣ говорить: старайся охладить его кипучіе порывы— тебѣ, который мечтами и сердцемъ такой же пламенный юноша? Помни, мой другъ, месть моя отняла у него знатный родъ, богатства; одинъ Господь знаетъ, чего не отнялъ я у него и что далъ ему въ замѣнъ, и вознагради за меня Антоніо своею любовью, которая для него очень, очень дорога, дороже, нежели предполагать можешь.

«Вотъ тебѣ ключъ къ этой загадкѣ.

«Когда я увезъ Антоніо годовымъ ребенкомъ, восторгъ мой былъ — восторгъ тигра, который выхватилъ свою жертву изъ круга охотниковъ, ходившихъ на

ловитву его. Я поклялся сдѣлать изъ моего питомца лекаря, и тогда провозгласить его барономъ Эренштейномъ. Пока не выполнилъ я своего обѣта, все содѣйствовало его исполненію, и сердце, переполненное местью, и любовь матери, и холодность отца. Но когда мой Антоніо сдѣлался лекаремъ наукою и практикой, сердце мое, побѣжденное его душевными качествами, любовью къ нему, оттолкнуло отъ себя гласность мщенія, которою я хотѣлъ оклеймить гордаго барона. «Кто давалъ тебѣ право — говорилъ тайный голосъ — наказывать безвиннаго за виноватаго? Твой ли это человѣкъ? Какими деньгами, какими побѣдами купилъ ты его? Его отецъ могъ быть твоимъ по правамъ мести; но сынъ тебѣ ничего не сдѣлалъ. Развѣ изъ себя самого хочешь создать судьбу?..» Повинуясь этому тайному голосу, я ограничилъ свое мщеніе только тѣмъ, что написалъ къ барону: «вашъ сынъ лекаремъ — не угодно ли вамъ его къ себѣ?» Между тѣмъ, посылая мое письмо черезъ вѣрнаго человѣка, — винюсь тебѣ — я дрожалъ, чтобы баронъ не образумился, чтобы совѣсть и природа не заговорили въ немъ сильнѣе честолюбія и... онъ не отнялъ бы у меня моего Антоніо, не разрушилъ бы очарованія всей его жизни. О! тогда отплатилъ бы онъ мнѣ местью за месть. Но я вскорѣ успокоился. Нашлось существо, созданное по образу и подобію Божію, носящее имя христіанина, которое... повѣришь ли?!.. и говорить языкъ не двигается... — нашелся отецъ, который отказывается отъ сына! И потому отказывается, что этотъ сынъ, если и перестанетъ быть лекаремъ, все-таки былъ лекаремъ. Во всемъ видѣнъ баронъ!.. Какъ теперь смотрю еще, стоитъ передо мною этотъ господчикъ на колѣнахъ, въ сле-

захъ, и умаливаетъ, чтобы я не бралъ его сына, годовой кусокъ баронскаго мяса. Бездушный человѣкъ!.. На его мѣстѣ я исполнилъ бы клятву, данную итальянскому врачу, но отдалъ бы сына мертваго или мертвому. Теперь, когда это дитя получило душу, просвѣщенную религіей и наукою, когда оно образовано, конечно, лучше, нежели бы было въ своемъ дому, между рабствомъ челяди и спесью родителя, — теперь предлагаю ему это сокровище, которымъ могли бы гордиться князья имперіи, — и баронъ приказываетъ мнѣ сказать черезъ довѣреннаго человѣка, что у него нѣтъ сына. Объ этомъ — прибавляетъ онъ — знаютъ императоръ, дворъ, свѣтскія и духовныя власти, и, если нужно отвергнуть клевету, такъ онъ надѣется на защиту ихъ. Въ жестокое доказательство, что онъ навсегда лишилъ Антоніо правъ на сердце, имя и достояніе родительское, онъ усыновляетъ Поппеля, сына умершей сестры, который воспитывался у него въ домѣ вмѣстѣ со вторымъ его сыномъ Фердинандомъ. Императоръ, сожалѣя, что онъ не имѣетъ дѣтей, одобрилъ его желаніе и утвердилъ выборъ; въ знакъ же своихъ милостей почтилъ племянничка саномъ рыцаря. Такимъ образомъ, баронъ связалъ себя и на будущее время. Нельзя ему перешагнуть черезъ слово императора. Если жъ — приказываетъ онъ сказать мнѣ — вздумаю распускать слухи, что у него сынъ лекаремъ, такъ онъ найдетъ способы заключить этого сына въ такое мѣсто, гдѣ плѣнникъ, конечно, не подастъ о себѣ голоса.

«Въ былое время, мощный тѣломъ и духомъ, я потягался бы съ гордымъ барономъ и жестокимъ отцомъ. Но теперь гляжу въ гробъ, мщеніе мое уступило при-

вязанности къ моему воспитаннику; убѣжденъ также, что Антоніо, узнавъ о своемъ рожденіи, самъ не захочетъ неволею въ сынки и наслѣдники, и я радовался, что попыткою у отца его очистилъ нѣсколько свою совѣсть, исполнилъ желаніе матери и пріобрѣлъ, какъ бы во второй разъ, своего Антоніо. Всѣ мы вошли въ кругъ прежнихъ своихъ надеждъ, обязанностей и назначенія.

«Переговоры мои были въ ходу, когда я получилъ отъ тебя письмо, которымъ просишь отыскать врача ко двору московитскому. Узнавъ содержаніе этого письма, Антоніо съ восторгомъ вызвался занять предлагаемое мѣсто. Имѣя другіе виды для него, я сначала наотрѣзъ отказалъ. Но когда получилъ отвѣтъ отъ барона, когда вслѣдъ за тѣмъ анонимъ увѣдомилъ меня, что если прозваніе воспитанника моего не будетъ перемѣнено, въ такомъ случаѣ его ожидаетъ заключеніе... Склонить Антоніо къ перемѣнѣ имени я не могъ надѣяться по врожденной гордости его и твердости характера, да и почиталъ недостойнымъ ни его, ни меня даже разговоръ объ этомъ. Смерть барона могла еще развязать роковой узелъ. Между тѣмъ мысль, что монастырь, башня, подземелье могли быть его удѣломъ, пугала меня. Ты знаешь, какъ это легко сдѣлать въ Италіи, въ наше время, когда на вѣсъ золота покупаются головы, болѣе знаменитыя. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ ужъ дано знать вѣрными людьми о покушеніи на свободу Антоніо. Опасенія измѣнили всѣ мои планы, и я благословилъ его на дальнее путешествіе. Старость, немощи, тяжесть грѣховъ сдѣлали меня такимъ робкимъ, я такъ люблю его, что готовъ даже согласиться навсегда разстаться съ нимъ, если можно будетъ утвер-

дить его благосостояніе въ Московіи, за которое ты напередъ ручаешься. По первому письму твоему, и въ случаѣ согласія Антоніо, я тотчасъ переведу туда все мое имущество, а самъ окончу дни въ монастырѣ. Едва ли не половина жизни моей была тяжкій, ужасный грѣхъ—удовлетвореніе мести. Пора думать о будущности.

«Какъ счастливъ Антоніо своими мечтами! Чудное дитя судьбы, онъ въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что для него дѣлается и какъ о немъ хлопочутъ! Онъ не знаетъ ни о знатности и богатствѣ своего отца, ни о томъ, что этотъ извергъ отказывается отъ него. Счастливое невѣдѣніе! пускай въ немъ и остается. Это житель рая, пока онъ не вкусилъ запрещеннаго плода. Наша обязанность оставить его въ этомъ очарованіи.

«Вотъ почему, любезный другъ, передавая тебѣ сына моего сердца, передаю съ нимъ и свои опасенія, и свои надежды, и его судьбу. Помни, я должникъ у него весь, душой и тѣломъ, здѣсь и на томъ свѣтѣ».

Пока Аристотель читалъ письмо своего брата, молодой лекарь бесѣдовалъ съ Андрюшей, сидя у стола и окруживъ одною рукою гибкій, величавый станъ малютки. Несмотря на разстояніе лѣтъ, между ними установилась съ того времени постоянная дружба.

— Оба сюда, дѣти мои, сюда, къ сердцу моему,— сказалъ художникъ со слезами на глазахъ, прочитавъ письмо, и прижалъ ихъ обоихъ къ груди своей.

Снова разспросы и разсказы о жизни молодого Эренштейна, о воспитаніи его, о посѣщеніи всемірнаго города, о надеждахъ, которыя повлекли его на Русь. Художникъ то платилъ этимъ разсказамъ дань слезами, то, воспламенясь любовью къ прекрасному, пожималъ

съ восторгомъ руку лекаря; иногда качалъ головой, какъ бы не совсѣмъ увѣренный въ исполненіи высокихъ надеждъ его. Но эта боязнь, эти сомнѣнія были мгновенны. Огонь, горѣвшій въ груди Эренштейна, скоро сообщался вновь душѣ художника, и Аристотель, забывая горькіе опыты, присоединилъ свои мечты къ его мечтамъ, созидалъ съ нимъ храмы наукѣ, любви къ человѣчеству, всему прекрасному, и обѣщалъ Антону помогать ему во всемъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ Андрюша ихъ разговоръ и съ какою-то гордостью смотрѣлъ то на своего отца, то на любезнаго нѣмца, какъ онъ называлъ Эренштейна. Съ своей стороны, Эренштейнъ, любуясь его умною наружностью, читая въ глазахъ малютки готовый отзывъ на спросъ его души, наслаждался мыслью, что онъ дѣйствительно найдетъ въ немъ брата. И Аристотель восхищался, какъ счастливый отецъ, смотря на бесѣду ихъ взоровъ, изъяснявшую влеченіе другъ къ другу, на ласки, которыми они мѣнялись.

— Худая же была тебѣ встрѣча! — сказалъ Аристотель,—казнь литвянъ...

— О, я давно забылъ съ вами все дурное. Но ты напомнилъ мнѣ о казни, и въ глазахъ моихъ мерещатся эти несчастливцы. Какое жестокосердіе!

— Потише, молодой человѣкъ!.. Громъ съ неба такъ же убиваетъ, превращаетъ села въ пепелъ, но и растворяетъ воздухъ для доброй жатвы: ропщешь ли за то на небо? Частное зло ничтожно, когда спасается цѣлое. Не могу тебѣ удовлетворительно сказать, но думаю, и казнь литвянъ полезна не для одной личности Іоанна. Не ослабляетъ ли она происковъ Литвы, опасной соперницы Руси? Подозрѣніямъ великаго князя

есть основаніе. Во-первыхъ, слабость всегда подозрительна, а Іоаннъ не успѣлъ еще такъ укрѣпиться, чтобы не бояться за твердость сплачиваемаго имъ зданія. Во-вторыхъ, возрастающей силѣ Руси сосѣди ея стали завидовать не на шутку, и нѣтъ способовъ, тайныхъ и явныхъ, позволенныхъ и непозволенныхъ, которыхъ бы они не употребили, чтобы сокрушить ее въ лицѣ ея государя. Здѣсь видна тотчасъ цѣль строгихъ мѣръ, убѣжденіе въ справедливости ихъ; здѣсь наказанія дѣлаются явно, безъ всякихъ утонченностей. Иногда Іоаннъ играетъ въ темную... но какъ не простишь ему этихъ сокровенныхъ ходовъ, когда во всѣхъ послѣдствіяхъ видна польза его государства? Какое жестокосердіе, — говоришь ты, взглянувъ на казнь литвянъ! — Но развѣ скорѣй извинишь, что дѣлалось и дѣлается въ нашей Италіи? Развѣ легче огня въ желѣзной клѣткѣ ужасы и жестокія насмѣшки надъ человѣчествомъ, которыхъ ты наглядѣлся въ мелкихъ княжествахъ Авзоніи? Посмотри, что дѣлается въ Испаніи: тамъ учреждена какая-то инквизиція, которая, по одному доносу купленнаго шпіона, валитъ жертвы на костеръ и сожигаетъ ихъ крупнымъ и мелкимъ огнемъ. Не оправдываю нигдѣ жестокостей; но если онѣ въ земляхъ просвѣщенныхъ не даютъ отдыхать окровавленной сѣкирѣ, такъ извинительнѣй въ Московіи...

— Готовъ сдаться на твои доказательства, — сказалъ лекарь, — особенно когда вспомню, чего насмотрѣлся въ Миланѣ и Римѣ. Позволь однакожъ замѣтить мнѣ: ты защищаешь все здѣшнее такъ горячо, какъ будто Московія твое отечество...

Легкая краска выступила на лицо Фіоравенти-Ари-

стотеля. Казалось, онъ готовился разсказать исповѣдь своего сердца; но, озабоченный присутствіемъ сына, который не долженъ былъ слышать ее, предложилъ ему узнать о здоровьѣ синьорины Анастасіи.

— Она такая добрая, милая дѣвица, — прибавилъ Альберти, — такъ тебя любитъ.

Малютка тотчасъ понялъ, что его присутствіе мѣшаетъ искренности бесѣды, и спѣшилъ вырваться изъ объятій новаго брата, дружески ему кивнувъ.

— Знаешь ли, Антоніо?—промолвилъ онъ, остановясь у дверей,—синьоринѣ, къ которой я теперь иду, сказали, что ты съ рогами и съ какой-то ужасной харей.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ краснѣя Антонъ, — постарайся жъ разувѣрить ее.

— Я ужъ въ этомъ успѣлъ. Разскажу послѣ, какъ все было.

Съ этимъ словомъ плутоватый мальчикъ выпорхнулъ изъ комнаты.

— Ты, можетъ быть, удивляешься,— сказалъ Аристотель, — что мой Андреа не чужой здѣсь въ домѣ. Прибавлю, спальня дѣвушки и божница [1]) хозяина ему равно доступны. Иностранцу? латынщику?—замѣтишь ты, имѣвъ ужъ случай испытать отвращеніе, которое питаютъ русскіе ко всѣмъ иновѣрцамъ. Нѣтъ, сынъ мой, сынъ итальянца, ревностнаго католика, не иностранецъ въ Московіи, онъ настоящій русскій, онъ окрещенъ въ русскую вѣру. И это по собственному моему желанію, безъ всякаго принужденія какой-либо власти.

---

[1]) Образная.

— Я думалъ, что книгопечатникъ Бартоломей...

Молодой человѣкъ не договорилъ; Аристотель прервалъ его:

— То-есть, ты думалъ, что онъ одинъ способенъ на такія перемѣны. Не стыдясь говорю: я то же сдѣлалъ съ моимъ сыномъ. Видѣлъ ты его, моего Андреа? понялъ ты это дитя, это сокровище, которое далъ мнѣ Богъ, этотъ завѣтъ жены, и какой, если бы ты зналъ!.. Фіоравенти его отецъ, Фіоравенти гордится имъ, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ созданій. Да, однимъ... потому что есть другое, которымъ—стыжусь тебѣ сказать — дорожу выше всего. Я самолюбивъ, эгоистъ, готовъ для своей славы, для своего имени, жертвовать Богъ знаетъ чѣмъ; однимъ словомъ, ты узнаешь меня короче—я безумецъ... Но въ безумной любви моей къ себѣ я не забылъ сына, я подумалъ и о благѣ его. Не скрою отъ тебя, мой другъ, Московія должна быть моимъ гробомъ: это законъ необходимости. Я нуженъ царю ея. Инженеръ, литейщикъ, кирпичникъ, каменьщикъ, зодчій, я все для него; и нѣтъ силъ, которыя исторгнули бы меня отсюда, нѣтъ чародѣйства, которое помогло бы мнѣ возвратиться въ отечество мое, пока не явятся люди, способные меня замѣнить. А они, Богъ вѣсть, когда будутъ!.. Великій князь осыпаетъ меня своими милостями, жалуетъ своею казною, ласкою, пріязнью; знаменитые полководцы его, высшіе синьоры, не смѣютъ входить къ нему безъ доклада,— я это дѣлаю во всякое время; взоръ, котораго дрожатъ сильнѣйшіе, еще ни разу не обращался на меня съ гнѣвомъ. Но этотъ же великій князь, этотъ милостивецъ и другъ, окружилъ меня такою желѣзною сѣтью, сквозь которую я не могу прорваться; каждый шагъ

мой, каждое дѣйствіе мое—ему извѣстны. Зная свою участь, я рѣшился посвятить ему свою жизнь, свои дарованія. Можетъ быть, я самъ не противъ этой необходимости, можетъ быть, я самъ искалъ ея. Пускай Московія будетъ моимъ гробомъ, лишь бы надъ этимъ гробомъ поставилъ я себѣ памятникъ, которому нѣкогда просвѣщенные народы придутъ удивляться! Въ этомъ созданіи я всего себя положу, и свое отечество, и свои знанія, и жизнь, и вѣчность свою. Но сынъ, котораго завѣщала мнѣ жена, сынъ, котораго я самъ такъ много люблю... я и объ немъ забочусь. Великій князь за мои заслуги поклялся не оставить мое дитя, когда меня не будетъ. Онъ ласкаетъ его и теперь, какъ не ласкаетъ дѣтей своихъ. Я хочу, чтобы Андрей Аристотелевъ былъ полководцемъ...

— Почему жъ не художникомъ по наслѣдству?

— Почему, почему?.. Вотъ видишь, и тутъ есть безумное самолюбіе!.. Я хочу, чтобы въ свѣтѣ былъ одинъ Фіоравенти-художникъ. Да, да, узнаешь меня короче, молодой человѣкъ! Не одну юность сожигаютъ огненныя мечты! И подъ этимъ пепломъ (онъ указалъ на свои сѣдые волосы) кроется, можетъ быть, вулканъ неукротимый... Но обратимся къ сыну. Зоркіе глаза Іоанна прочли въ душѣ моей, и Іоаннъ называетъ моего Андреа своимъ полководцемъ, бесѣдуетъ съ нимъ о ратномъ дѣлѣ, разжигаетъ его молодое сердце славою воинскою, а сыновьямъ своимъ строго наказываетъ, на поминъ души его, не забывать отцовскаго воеводу. Хорошо, думалъ я, умру — такъ онъ будетъ богать, въ милости у царей русскихъ, но какими глазами, какимъ сердцемъ станутъ смотрѣть на иновѣрца, на басурмана, при дворѣ будущаго великаго князя бояре

духовные, народъ? Меня охраняетъ теперь отъ ихъ ненависти и презрѣнія имя строителя церковнаго, необходимость во мнѣ; теперь меня и другихъ иновѣрцевъ охраняетъ еще грозная воля Іоанна, передъ которою все падаетъ: и люди, и судьба. Но властители съ такимъ согласіемъ всемогущаго ума и воли родятся вѣками. Кто поручится за будущее?.. Къ тому жъ я хочу, чтобы и безъ насилія власти любили моего Андреа... хочу, чтобы все русское, всѣ состоянія, народъ окружилъ его привѣтомъ, какъ родного, какъ соотечественника. Тогда можетъ онъ подняться высоко... Недолго думалъ я Андреа принялъ русскую вѣру; крестнымъ отцомъ былъ ему Іоаннъ *младой*: онъ же будетъ сыну моему отцомъ, когда меня не станетъ.

— Прости жъ мнѣ за необдуманный упрекъ. Понимаю, я могъ бы сдѣлать то же для блага милаго, дорогого сердцу, существа. Но... теперь другой вопросъ. Не сочти его дерзостью молодого человѣка, котораго всѣ права на твое снисхожденіе въ одномъ имени воспитанника твоего брата; прими этотъ вопросъ за знакъ любви къ прекрасному. Скажи мнѣ, какимъ великимъ памятникомъ зодчества въ Московіи хочешь передать свое имя будущимъ вѣкамъ?

Покраснѣлъ снова художникъ, пожалъ съ восторгомъ руку молодому врачу и съ трепетомъ губъ, поясняшихъ его душевное волненіе, отвѣчалъ:

— Да, ты поймешь меня, молодой человѣкъ! Твой пріѣздъ въ страну дикую, на краю Европы, безъ видовъ корысти, изъ одной любви къ человѣчеству, есть уже свидѣтельство прекрасной души. Цѣль моя также выполненіе идеи высокой, изящной... (по крайней мѣрѣ

я такъ думаю... въ этомъ я по крайней мѣрѣ убѣжденъ). Тебѣ могу открыть мою душу, мои помыслы. Разскажу тебѣ и свои страданія и свои надежды, разскажу, какъ я боюсь умереть, не сдѣлавъ ничего достойнаго безсмертія, и чѣмъ хочу купить себѣ вѣчность на землѣ. Слушай же меня съ снисхожденіемъ, котораго прошу у твоего добраго сердца для моихъ слабостей. Ты знаешь, — продолжалъ Аристотель, — что я сдѣлалъ себѣ небольшое имя въ Италіи.

— Памятники художества, которые ты оставилъ въ ней, не дадутъ ему умереть, хотя бъ ты ничего болѣе не произвелъ.

— Нѣтъ, другъ мой, эти памятники болѣе смѣлые, нежели геніальные, очистятъ мнѣ небольшое мѣсто въ лѣтописяхъ художества. Опыты еще не подвиги. На подвигъ я только-что собрался. Когда я жилъ въ Италіи, смутно носился въ душѣ моей идеалъ, которому должно было осуществиться въ возможныхъ земныхъ размѣрахъ позднѣе, именно здѣсь, въ Москвѣ. Еще тогда не давалъ онъ мнѣ покоя. Преслѣдуя его, какъ призракъ, и не имѣя силъ выполнить, я изнемогалъ подъ бременемъ тоски невыносимой. И мудрено ль! я — человѣкъ, слабое, ничтожное созданье — хотѣлъ создать достойный храмъ Богу, дивному Богу, Творцу вселенной. Все, что ни принимался выполнить линіями, красками, образами, тѣлесными силами, казалось мнѣ безконечно малымъ передъ тѣмъ идеаломъ, который создала божественная часть меня. Тоска, муки невыразимыя! Я призвалъ на помощь прошедшее и настоящее, спрашивалъ каждый вѣкъ, требовалъ къ себѣ на лицо отжившіе и живущіе народы, сотни поколѣній, чтобы каждый изъ нихъ принесъ достойную

лепту на построеніе храма Богу. И на зовъ мой распались Парѳенонъ, Колизей, Альгамбра, Софія; полки окаменѣлыхъ миѳовъ сошли съ своихъ подножій, пошатнулись пирамиды Египта съ своихъ основаній и стали вокругъ меня, какъ столѣтніе дубы надъ муравьемъ, едва замѣтнымъ для глаза. «Какой храмъ создашь ты Богу, когда мы только гробы для человѣка? А надъ этими гробами трудились вѣки и милліоны людей!» — казалось мнѣ, спросили меня великаны древняго міра, и воображеніе мое замерло при этомъ вопросѣ. И вотъ, когда на зовъ мой явились города и народы, когда каждый изъ нихъ принесъ мнѣ по одной буквѣ для божественной поэмы, я не могъ даже сложить этихъ разнородныхъ буквъ въ одно гармоническое слово. Мудрено ль? Каждая буква была вдохновеніе; всѣ онѣ отозвались въ душѣ моей, какъ дивный хоръ, составленный изъ міріады ангеловъ, сопутствуемый бурею со всѣхъ концовъ свѣта. Голова моя закружилась, сердце замерло; я изнемогъ... Меня хотѣли даже запереть въ домъ сумасшедшихъ; можетъ быть, я этого и стоилъ. Долго былъ я въ болѣзненномъ состояніи. Наконецъ, спасенный помощью врача, любовью къ сыну, я опомнился и, на первый голосъ разсудка, рѣшился бѣжать изъ Италіи, гдѣ, думалъ я, самый воздухъ распаляетъ воображеніе до безумія. Турецкій султанъ звалъ меня, чрезъ дожа Марчелли, въ Константинополь. Что высокаго, изящнаго, говорилъ я самъ себѣ, создамъ для народа, врага Христова, для того, кому и въ будущемъ свѣтѣ обѣщанъ утонченный развратъ? Развѣ фонтаны и бани! развѣ сераль!.. Сераль, бани, когда основаніе храма живому Богу положено было въ сердцѣ моемъ?.. Я отвергнулъ

золото султана. Затѣмъ новый вызовъ. Этотъ былъ отъ здѣшняго государя, и съ предложеніемъ построить храмъ Пречистой Божьей Матери. Съ удовольствіемъ... что я говорю? съ восторгомъ принялъ я новое предложеніе. И вотъ я здѣсь. Здѣсь, другъ мой, думаю осуществить идеалъ, который столько лѣтъ смутно носился въ душѣ моей; теперь я согласилъ его съ возможностью, съ силами одного поколѣнія, съ волею и средствами одного царя. Я перевожу его ужъ на бумагу. Когда кончу чертежи, ты увидишь его, и скажешь мнѣ, достоинъ ли онъ своего назначенія. Тогда представлю его суду Іоанна, Софіи и митрополита. Но какихъ трудовъ, какой борьбы стоило мнѣ, чего еще будетъ стоить, чтобы привесть мою идею въ исполненіе! Чего долженъ я еще бояться отъ рѣшенія свѣтской и духовной властей, расположенныхъ къ моему дѣлу, но худо знакомыхъ съ прекраснымъ въ искусствѣ! Ахъ! если бы ты зналъ, какъ дорого куплепъ мною каждый шагъ, подвигающій меня къ цѣли, сквозь какія груды мелочей, щепетильной вещественности, долженъ я очищать себѣ путь къ этой цѣли! Не хвастаясь скажу, надо было имѣть мою желѣзную волю, мою пламенную любовь къ искусству, чтобы не изнемочь подъ бременемъ обстоятельствъ. Представлю тебѣ только нѣсколько образчиковъ тѣхъ нуждъ, тѣхъ препятствій, съ которыми я долженъ былъ бороться. Вызванный сюда для построенія храма Пречистой, я нашелъ не только искусство зодчества, самую исполнительную часть ея, самые матеріалы — въ грубомъ младенческомъ состояніи. Прежде чѣмъ созидать, надо было мнѣ разрушать научить. Старая церковь Успенія, которая отчасти упала при русскихъ строителяхъ, дру-

гими частями еще крѣпко держалась, несмотря на усилія тысячи рукъ повалить ее. За показанную мною механику барана почли меня чародѣемъ. Не умѣли дѣлать кирпичей: сколько времени употребилъ я на обученіе этому дѣлу! Своими руками мялъ глину, дѣлалъ формы, показывалъ способы обжиганія. Не умѣли дѣлать извести, и эту самъ училъ растворять.

— Кирпичъ, известку?.. Когда самъ Богъ глядѣлся въ душѣ твоей?.. Тяжкая борьба духа съ веществомъ! я изнемогъ бы подъ ней.

— Тяжело было, это правда; но я не изнемогъ. О! у меня достало силы и на другія тяжкія испытанія. Наступила война съ Новгородомъ. Іоаннъ изъ зодчихъ переименовалъ меня въ *розмыслы*, то есть въ инженеры. Онъ требовалъ, чтобы я строилъ мосты для перехода войскъ черезъ рѣки, — я строилъ мосты. Онъ захотѣлъ, чтобы я лилъ пушки, колокола, — я вылилъ ихъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы я управлялъ огнестрѣльными орудіями, — я выполнилъ его желаніе. Нужно было чеканить монету, — я чеканилъ для него монету. Однимъ словомъ, я сдѣлался всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ Іоаннъ, чтобы я для него былъ. Не подумай, чтобы все это дѣлалъ я изъ любви, изъ преданности къ царю: люблю его, преданъ ему, какъ человѣкъ благодарный за милости его ко мнѣ, но другія чувства, другія побужденія управляютъ моими дѣйствіями. Я сдѣлался рабомъ его желѣзной воли, поденщикомъ ея, чтобы выиграть его милости и довѣріе, а милости и довѣріе его нужны мнѣ для исполненія моей идеи. Храмъ, который хочу создать, исполинскаго размѣра: для него нужна мнѣ едва ли не половина кремлевской высоты, сотни тысячъ рукъ, груды золота. Цѣною

тяжкихъ, едва ли не кровавыхъ трудовъ, шагъ за шагъ покупаю у моего властителя каждый аршинъ земли, сотню рукъ, горсть серебра. И покуда — признаться ли тебѣ, мой другъ? — одна борьба, одни труды, а побѣды и въ поминѣ нѣтъ! Я все еще далекъ отъ цѣли моей; я только выкупилъ надежду нѣкогда достигнуть ея. Кто знаетъ? можетъ быть, горькая существенность, крайность, невѣжество убьютъ мой подвигъ въ его зародышѣ; можетъ быть, смерть застигнетъ меня прежде, нежели я совершу его...

Здѣсь художникъ глубоко вздохнулъ, и слезы выступили на глазахъ его. Антонъ пожалъ ему руку, по сочувствію одной и той же любви къ прекрасному, хотя и въ разныхъ видахъ, и спѣшилъ облегчить сердце его горячими утѣшеніями, въ которыхъ художникъ такъ нуждался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РУССКОЕ МОЛОДЕЧЕСТВО

На третій день Аристотель пришелъ къ молодому врачу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ великому князю.

— Государь въ восхищеніи отъ твоего пріѣзда и горитъ нетерпѣніемъ тебя увидѣть, — сказалъ художникъ. — А чтобы лучше понравиться властителю, который любитъ окружать себя блескомъ созданнаго имъ двора, ты, придворный врачъ его, явись къ нему въ лучшей своей одеждѣ. Коня твоего приказалъ я снарядить; надо сказать тебѣ, что здѣсь стыдно знатнымъ людямъ ходить пѣшкомъ. Поспѣшай. Наши кони помогутъ намъ урвать часокъ у времени, чтобы взглянуть мимоходомъ на преходящій городъ. Такъ называю его, потому что будущая Москва готова встать на пепелищѣ нынѣшней.

Въ нѣсколько минутъ Эренштейнъ кончилъ щегольской уборъ свой, и онъ ужъ на лихомъ конѣ, въ сопутствіи Аристотеля и пристава, также верхами. Какъ хорошъ былъ онъ въ своемъ германскомъ нарядѣ! какъ пріятно отдѣлялся черный бархатъ епанечки,

опушенной мѣхомъ, отъ бѣлизны его лица, и выпадали струи его бѣлокурыхъ волосъ изъ-подъ фіолетоваго бархата берета, осѣненнаго пукомъ волнующихся перьевъ! Скромность его званія и врожденный характеръ не позволяли расточать на одеждѣ золото, которымъ воспитатель щедро одарилъ его, и потому проблескивало оно скупо, но со вкусомъ, только въ пряжкѣ берета, въ аграфѣ епанчи и въ поясѣ, державшемъ у бока его кинжалъ. Чтобы испытать свою лошадь, онъ сдѣлалъ на ней нѣсколько круговъ по двору. Какъ ловко сидѣлъ Антонъ на конѣ, какъ мастерски управлялъ имъ! И немудрено: въ воспитаніи его не было презрѣно ни искусство верховой ѣзды, ни искусство владѣть мечомъ, «потому что — говорилъ его воспитатель — все это необходимо врачу. Тебя зовутъ къ больному, за тобою прислали лошадь, какая попалась: скачи на помощь ближнему въ бурю, въ грозу, ночью, по худымъ дорогамъ. Жизнь твоя въ опасности; оскорбили твою честь, твое человѣческое достоинство: умѣй защитить и то и другое, умыть униженіе въ крови оскорбителя». Изо всего этого можно видѣть, что любая принцесса переименовала бы нашего лекаря въ свои пажи или паладины.

Пусто было на дворѣ боярскомъ, когда они выѣзжали. На этотъ разъ никто изъ челядинцевъ не смѣлъ смотрѣть на басурманина даже сквозь щели забора, потому что онъ всю ночь провозился съ нечистыми. Такъ изъясняли его заботы до пѣтуховъ объ устройствѣ походной его аптеки: онъ не далъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не приготовился выполнить свои обязанности тотчасъ же по первому призыву страждущаго. И вотъ какъ невѣжество перетолковало его по-

луночныя заботы! Пустотѣ его жилища, отчужденію отъ него хозяевъ дома, которые рѣшительно отказывались его видѣть, несмотря на привѣтливые его засылы къ нимъ, онъ грустно изумился.

— Ты пріѣхалъ въ страну народа младенца, — говорилъ ему въ утѣшеніе Аристотель, — не удивляйся, если онъ дичится всего новаго для него. Подожди, все передѣлаютъ терпѣніе, время, снисхожденіе, игрушки и лоза наставника-царя, если нужно будетъ, когда слишкомъ разблажится младенецъ. Впрочемъ, узнавши этихъ дикарей по-короче, ты найдешь въ нихъ много прекрасныхъ качествъ, полюбишь ихъ и пріобрѣтешь ихъ любовь. Увидишь, многое еще осталось въ нихъ прекраснаго отъ смѣси коренныхъ нравовъ съ тевтонскими, хотя татарщина заморила въ нихъ также много хорошихъ качествъ.

— Буду еще мечтать о любви ихъ, — сказалъ Эренштейнъ, — пока не совсѣмъ разочаруюсь.

Въ это мгновеніе Аристотель бросилъ быстрый, зоркій взглядъ на теремъ Анастасіи.

— Каково-жъ? — прервалъ онъ усмѣхаясь, — недаромъ молва, что ты чародѣй, обогнала тебя на пути сюда.

— Я не понимаю, что хочешь сказать.

— А вотъ что. Мой стариковскій глазъ поймалъ сейчасъ опытъ твоего чародѣйства. Ты не видалъ, а я видѣлъ очень хорошо, какъ одна изъ нашихъ московскихъ красавицъ, и, конечно, первая изъ нихъ, осмѣлилась взглянуть на тебя съ жаднымъ любопытствомъ изъ окна своего терема. Даромъ, что ей представили тебя уродомъ съ рогами и копытами!

— Гдѣ жъ, гдѣ жъ она?—спросилъ молодой человѣкъ краснѣя.

— Гдѣ она?.. Спроси-ка лучше, гдѣ молнія, когда она ужъ блеснула. Я видѣлъ только огненный взглядъ ея черныхъ итальянскихъ очей, и... боюсь... не было бъ грозы. Такъ скоро забыть страшную заповѣдь отца!.. Долго ль до бѣды?.. Одиночество... прекрасный молодой человѣкъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ... дѣвическое сердце... Охъ, охъ, синьора Анастасія, боюсь за тебя! Нѣтъ, боялся бы, хотѣлъ я сказать, если бы не увѣренъ былъ въ моемъ молодомъ другѣ.

Антонъ пожалъ ему руку, какъ бы въ благодарность за хорошее мнѣніе о немъ, и когда они выѣхали изъ воротъ, новость предметовъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ пріѣзжаго и чужеземца, отвлекла его мысли отъ синьорины Анастасіи. Нечего таить, она дѣлалась для него интересною, какъ таинственная героиня рыцарской повѣсти, скрываемая въ очарованномъ замкѣ.

Выѣхавъ изъ Флоровскихъ воротъ и переѣхавъ одинъ изъ трехъ деревянныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ ровъ, сопутствующій каменной стѣнѣ отъ Неглинnаго пруда по Москву-рѣку, они очутились на Красной площади. Навѣсъ для пушекъ подъ именемъ пушечнаго двора, ряды балагановъ подъ именемъ лавокъ, которыя можно было снять и опять поставить въ нѣсколько часовъ, какъ лагерь, каменный домъ московскаго головы (Ховрина), множество деревянныхъ церквей, достоїйныхъ названія часовенъ — вотъ вамъ и площадь, называемая *Красною*. Далѣе все то же, что и прежде видѣлъ путешественникъ въ посадахъ. Но всѣ эти бѣдные храмы пылаютъ, освѣщенные религіознымъ усердіемъ. Въ окнахъ домовъ не проглянетъ

человѣческое лицо, развѣ изрѣдка таинственно зашевелится тонкая занавѣсь и изъ-за нея мелькнетъ атласная ручка или вспыхнетъ чародѣйный глазъ. По улицамъ встрѣчается то рабское униженіе, то грубое нахальство; прохожій или кланяется едва не до земли, или подъ грубую народную поговорку свищетъ вамъ вслѣдъ, такъ что морозъ по кожѣ подираетъ. Чувство одного привито владычествомъ татаръ, другого—воспитано грубостью нравовъ и дикостью природы. Между ними родное молодечество, кровь съ молокомъ, шапка набекрень, кушакомъ туго подпоясанное, готово поднять васъ на зубокъ или на кулакъ. Оно жъ готово отдать душу за крестоваго брата, за красную дѣвицу-полюбовницу, за все родимое — мать, землю, царя и вѣру. Эти оттѣнки русской народности или чужеземнаго вліянія старался Аристотель объяснить своему товарищу. Иностранцы—татары, жиды, итальянцы—попадались имъ нерѣдко навстрѣчу—цементъ, которымъ Іоаннъ сплачивалъ безъ разбора свое зданіе.

— Ты видишь до сихъ поръ домишки и часовни,—сказалъ Аристотель, стыдясь за смиренную наружность русской столицы, какъ бы за свой родной городъ,—ты увидишь и скромный дворецъ великаго князя и спросишь меня: «гдѣ жъ, наконецъ, Москва?» На это отвѣчу тебѣ: Москва, блестящая столица Іоанна, вся въ сердцѣ, въ думѣ его; а что онъ только задумаетъ, то должно исполниться, какъ мысль судьбы. Еще прибавлю: Москва въ художникахъ, которыхъ ты привезъ съ собою и пріѣхавшихъ до тебя. Не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ она осуществится, и ты изумишься ея превращенію. Видишь, сколько иностранцевъ встрѣчается намъ: это все матеріалы для будущаго величія

и красоты Москвы. Посмотри, сколько разрушено домовъ и церквей за оградой кремлевской, и помысли, какую сильную, непобѣдимую волю долженъ имѣть правитель народа, который осмѣлился наложить молотъ разрушенія на эту давность и святыню! За-то сколько ропоту произвело это обновленіе!.. Невѣжественная чернь не смотритъ на будущую пользу: обезпокоій только ея настоящее для собственнаго ея блага, — и она негодуетъ. Разскажу тебѣ, что предположено сдѣлать по моему очерку. Вотъ, подлѣ твоей квартиры, воздвигнутъ ворота Флора и Лавра, и надъ нимъ будетъ возвышаться прекрасная стрѣльница. Отъ нихъ потянется красивая стѣна: она опояшетъ всю середину города и украсится множествомъ красивыхъ башенъ. Каменный домъ твоего хозяина и вотъ этотъ, головы московскаго, только первенцы большого семейства, которое не замедлитъ появиться въ свѣтъ. Зодчимъ, пріѣхавшимъ съ тобоій, поручено воздвигнуть великолѣпный палластъ для пріема пословъ и дворецъ для великаго князя. Прибавь къ этому множество каменныхъ, великолѣпныхъ церквей, и соборный храмъ Успенія Богоматери, мнѣ порученный. Видишь огромные матеріалы, которые стѣснили Кремль и налегли на сердце его, и расчисли, что можно изъ нихъ сотворить: это половина только того, что готовлю для храма. Изъ этихъ грудъ геній Италіи долженъ поставить вѣчный памятникъ себѣ или торжеству надъ собой вещественности. Горе мнѣ, если побѣда будетъ за ней!

— Отдали отъ себя печальную мысль. Пусть надежда не гаснетъ въ душѣ твоей и освѣщаетъ для тебя въ будущемъ твое созданіе.

— Такъ прочь печальныя мысли!.. Видишь, вотъ эти сотни домишекъ, эти десятки церквей сломаются по одному слову Іоанна... Ахъ, другъ мой, это будетъ храмъ, настоящій храмъ Богоматери! Вступая въ него, потомки произнесутъ съ уваженіемъ имя Фіоравенти-Аристотеля... Да, Антоніо, я не умру въ немъ.

— Кто такъ пламенно говоритъ о будущности, презирая мірскія почести и корысть, конечно, произведетъ достойное безсмертія,—отвѣчалъ Антонъ съ восторгомъ.

Долго еще говорили они о построеніи храма, о прекрасномъ мѣстѣ, съ котораго онъ будетъ господствовать надъ всѣмъ городомъ, и въ такой бесѣдѣ подъѣхали на высоту у *Спаса на бору*, откуда можно было видѣть всю Занеглинную. Здѣсь взоръ молодого человѣка приковался къ двумъ точкамъ, которыя двигались съ двухъ противныхъ береговъ Неглиннаго пруда. Едва успѣлъ онъ различить, что это были два мальчика. Они столкнулись на срединѣ замерзшаго пруда и завязали рукопашный бой. Въ нѣсколько мгновеній на обоихъ берегахъ протянулись двѣ линіи.

— А! будетъ потѣха!—воскликнулъ Аристотель,—кстати увидишь образчикъ русскаго молодечества.

— Что это такое?—спросилъ Эренштейнъ.

— Борьба партій, — отвѣчалъ художникъ улыбаясь,—наши Гвельфы и Гибелины. Видишь, два мальчика завязали бой. Но эти искры брошены могучею рукою, и какъ скоро сшиблись, ждать большого пожара. Подъѣдемъ ближе къ мѣсту дѣйствія.

И они поспѣшили на берегъ пруда, къ сторонѣ кремлевской.

Обѣ линіи, составленныя изъ дѣтей, сошлись стѣна на стѣну, съ ужаснымъ крикомъ, и смѣшались въ рукопашномъ бою. Пароль однихъ былъ: *заневлинные*, другихъ *городскіе*. Вслѣдъ за ними росли и росли новыя линіи, одна выше, сильнѣе другой, и наконецъ явились избранные бойцы. Все схватилось. Бились толпами, рядами, въ одиночку. Схватка была горячая, «какой давно не запомнятъ», говорили старики. Зрители, большею частью люди зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтъ, составили черное кольцо по берегамъ пруда. Изъ среды ихъ раздавались похвалы побѣдителямъ или нареканія побѣжденнымъ: одни стоили вѣнка лавроваго, другіе бича. Слышалось безпрестанно: «наша взяла! молодцы!» или «трусы! вороны! блинники!» Только тяжко ушибенные, выбившіеся изъ силъ, или младшіе, уступая мѣсто старшимъ и сильнѣйшимъ, выбывали изъ числа сражающихся. Видѣли изувѣченныхъ, но не слыхали ни одного стона. Даже родные, принимая ихъ изъ побоища, не жаловались, не показывали сильной горести. Бранили только трусовъ или хвалили удальцовъ. Оправившіеся отъ ушиба становились въ ряды зрителей и, вмѣстѣ съ ними, спѣшили принять живое участіе въ партіи своей возгласами хвалы или пристыженія.

Молодой врачъ предложилъ, черезъ Аристотеля, услуги свои увѣченнымъ. Вмѣсто отвѣта, отцы со страхомъ заслоняли отъ него дѣтей своихъ и начисто отказывались отъ этой помощи. Легче было видѣть ихъ уродами! Ужъ, конечно, пришедши домой, пускали четверговую соль и уголья на воду и спрыскивали сю свое дѣтище, на котораго поглядѣлъ недобрый глазъ басурмана.

Наконецъ толпы бойцовъ стали рѣдѣть, голоса утомляться. Но еще трудно было рѣшить, чья сторона взяла. Вдругъ съ береговъ пруда поднялись единодушные крики: «Мамонъ! Симской-Хабаръ!» И толпы, какъ бы обвороженныя, опустили руки и раздвинулись. Воцарилось глубокое, мертвое молчаніе.

— Какіе молодцы! — сказалъ Антонъ. — Если не ошибаюсь, лицо одного мнѣ знакомо.

— Немудрено: это сынъ твоего хозяина. Онъ прозванъ отъ народа *Хабаромъ*, что значитъ *выигрышъ, прибыль*. Едва ли былъ случай, чтобы сторона его проиграла на кулачномъ побоищѣ, почему онъ и заслужилъ это прозваніе. Нынѣ сыскали ему новаго противника и, повидимому, опаснаго. Посмотри, какой могучій, ловкій атлетъ! Отцы ихъ враждуютъ, сыновья теперь соперники; но здѣсь, на чертѣ, гдѣ они сходятся для единоборства, должны они сбросить всякую вражду, всякое непріязненное чувство другъ къ другу. Еще объясню тебѣ: цѣлью ударовъ ихъ должны быть части тѣла отъ шеи до пояса. Горе тому, чья рука посягнетъ на лицо противника! Это своего рода рыцарское игрище; благородство и здѣсь девизомъ сражающихся.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только выборные люди отмѣрили заповѣданный кругъ, за который бойцы не смѣли переступить, соперники скинули шапки и низенько поклонились на четыре стороны. Мамонъ увидѣлъ среди тысячей пылающій взоръ отца, и ничего болѣе, услышалъ съ неглинной стороны громкіе, хвастливые возгласы друзей. Симской-Хабаръ увидѣлъ спокойный, одобрительный взглядъ отца; городская сторона молчала, какъ стѣна каменная. Сынъ Образца

взглянулъ на гору кремлевскую, къ Спасу-на-бору... тамъ, въ высокомъ теремѣ, было открыто окно и въ немъ развѣвалось пунцовое покрывало. Онъ зналъ, чья рука выставила этотъ стягъ, и радостно подошелъ къ своему сопернику.

Сошлись оба молодца и поцѣловались. Роковая тишина!.. тысячи боятся дохнуть, боятся хоть на мигъ отвесть глаза отъ зрѣлища. Вотъ соперники помѣрялись взглядами... изготовились. Улыбка самонадѣянности блеснула на губахъ Хабара, легкое содроганіе пробѣжало по губамъ Мамона.

— Бѣдныій Мамонъ! прозакладую сто противъ одного, что сынъ Образца побѣдитъ, — сказалъ Эренштейнъ, разгараясь болѣе и болѣе.—Каждое движеніе его есть твердый щитъ и ловкіи мечъ. О, когда бы мнѣ можно было перекрестить острую сталь съ этимъ искуснымъ бойцомъ!

— Полегче, молодой врачъ! — отвѣчалъ Аристотель. — Кровь твоя говоритъ напрасно. Ты забылъ, что тебѣ суждено заживлять раны, а не дѣлать ихъ. Для успокоенія твоего прибавлю: здѣсь бой орудіями позволенъ только въ судныхъ дѣлахъ.

Громкій смѣхъ народа прервалъ это объясненіе: онъ сопровождалъ паденіе Мамонова сына, потерявшаго равновѣсіе въ тотъ мигъ, какъ занесъ сильный ударъ на своего противника, который умѣлъ мастерски его избѣгнуть. Недолго думалъ Симской: онъ подалъ руку побѣжденному и поднялъ его. Угрюмо, со стыдомъ, всталъ молодоій Мамонъ и не поблагодарилъ даже великодушнаго соперника. Въ этомъ случаѣ онъ былъ достойный сынъ своего отца. Но народъ не потерпѣлъ этой неблагодарности. Со всѣхъ сторонъ разда-

лись неугомонные крики: «нечестно! поклонись! голова не свалится! поклонись!» И молодой Мамонъ вынужденъ былъ преклонить голову. Потомъ новый бой. Взоры каждаго бойца стали на стражѣ души; они слѣдятъ въ другомъ малѣйшее помышленіе, малѣйшій оттѣнокъ воли. Едва замѣтное движеніе руки, наклоненіе на волосъ плеча, груди, колѣна—есть торжество или опасность; мысль въ одинъ мигъ угадываетъ обманъ или намѣреніе, разсчитываетъ послѣдствія, пользуется, отражаетъ и сама готовитъ нападеніе. Пропусти этотъ мигъ, и торжество на сторонѣ противника. Послышался глухой ударъ — онъ отозвался въ сердцѣ зрителей — и молодой Мамонъ палъ, какъ подрубленное съ корня дерево. Кровь хлынула у него изо рта Радостные крики раздались со стороны городскихъ; шумъ мельничныхъ колесъ, казалось, торжественно вторилъ имъ. Побѣдителя осадили привѣтствія; побѣжденнаго окружили родные и друзья и отнесли полумертваго домой.

Аристотель подъѣхалъ къ воеводѣ Образцу.

— Что сдѣлалъ бы ты, — спросилъ онъ его, — когда-бъ твой сынъ не поднялъ противника?

— Что? отрекся бы отъ него, — отвѣчалъ воевода, и увидавъ своего постояльца, къ нимъ подъѣхавшаго, спѣшилъ повернуть коня и удалиться.

— Чудный человѣкъ твой хозяинъ, — сказалъ Аристотель своему спутнику, — боится діавола, какъ дитя, напуганное сказками своей няньки, ненавидитъ иновѣрцевъ и считаетъ ихъ хуже всякаго нечистаго животнаго, изъ непріятеля на полѣ битвы готовъ сдѣлать чучелу, и между тѣмъ — чести, благородства необыкновеннаго! Своими руками убьетъ воина, который

оберетъ плѣнника, и готовъ сына убить, если-бъ онъ посягнулъ на дѣло, по его понятіямъ, низкое.

— Видно, мнѣ суждено узнать его достоинства черезъ другихъ, — сказалъ лекарь съ нѣкоторою досадой. — Хоть бы ты, почтеннѣйшій другъ, постарался свести меня съ нимъ.

— Время и время, и терпѣніе, — отвѣчалъ художникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСПЫТАНІЕ

Они вошли въ хоромины великокняжескія. Въ это время дворецкій съ низкими поклонами провожалъ жида, вышедшаго изъ внутреннихъ покоевъ. Нѣсколько дворчанъ встрѣтило художника и лекаря.

— Ты, вѣрно, пожелаешь узнать короче лица, окружающія великаго князя, — сказалъ Аристотель своему молодому товарищу. — По мѣрѣ ихъ появленія и по степени ихъ занимательности буду удовлетворять твое любопытство. Вотъ этотъ, что провожаетъ жида...

— Русскіе чуждаются и христіанъ, не-единовѣрцевъ, а государь ихъ сообщается съ жидами, — перебилъ Антонъ. — Вотъ каково!

— Для него всякое орудіе пригодно, лишь бы ему служило, — отвѣчалъ художникъ. — А этотъ жидокъ— повѣренный знаменитаго кафскаго еврея, Хози Кокоса, который доставилъ Іоанну дружбу крымскаго хана, а черезъ нее, ни болѣе, ни менѣе, спокойствіе Руси. Итакъ, худенькій, низенькій старичекъ, который его провожаетъ, синьоръ кастелянъ великаго князя, Русалка. Хитрецъ, какихъ мало! Нужно ли властителю

достигнуть нечистымъ путемъ цѣли, полезной для него и для государства, — онъ дѣлаетъ мостъ изъ своего кастеляна, и по немъ, не замаравъ даже ноги, достигаетъ, что ему нужно. Между тѣмъ самъ Русалка въ грязи отъ пятъ до головы. Еще недавно состряпалъ онъ мастерское дѣло: самую смерть остановилъ на нѣсколько часовъ у одра верейскаго князя, для того, чтобы онъ успѣлъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу Іоанна. А это завѣщаніе — бездѣлица! — даритъ великому князю города: Ярославецъ, Бѣло-озеро, Верею, которые между владѣніями его были, словно бѣльмо на глазу. Не спрашивай, какимъ орудіемъ сдѣлана операція: довольно, что съ Руси снято бѣльмо. Этотъ — бояринъ Мамонъ. Ты ужъ его видѣлъ. Удачнѣе не могли дать ему названія. Берегись этого змѣя, — сказалъ бы я, — если-бъ онъ любилъ скрываться за розовыми кустами. Малютка подлѣ него — дьякъ Бородатый, историкъ походовъ великаго князя. На письмѣ такъ-же кудреватъ, какъ завитки его головы, говоритъ такъ же протяжно, какъ длинна его борода. Сердце голубиное, или, лучше сказать, печеное яблоко! На-дняхъ сынъ твоего хозяина сыгралъ съ нимъ дурную шутку. Вмѣсто того, чтобы выпроводить его по-добру, по-здорову изъ виноградниковъ господнихъ, въ которыхъ уложилъ его Образецъ у себя дома, Хабаръ спеленалъ его и сдѣлалъ изъ него потѣху для народа. Великій князь горячо вступился было за своего дьяка; но для этого спокойствіе, пища и питье, не отравленныя житейскою горечью, такъ дороги, что онъ рѣшился, во что-бъ ни стало, кончить дѣло мировою. Думалъ недолго добрякъ, и поднесъ великому князю описаніе чудныхъ похожденій бородатаго дитяти. Іоаннъ разсмѣялся, и, по

просьбѣ малютки, увѣрившаго, что его не оскорбили, а только посмѣялись надъ нимъ, простилъ сына Образца. Этотъ поступокъ тронулъ Симскаго. Онъ самъ явился къ оскорбленному съ повинною головой. Жаль, здѣсь нѣтъ Курицына: онъ жаждетъ съ тобою сблизиться. Это правая рука Іоанна; дипломатъ умный и благородный. Изслѣдованію высокихъ истинъ и міровыхъ тайнъ посвятилъ онъ немногіе часы, остающіеся у него отъ дѣлъ государственныхъ. Но — синьоръ кастелянъ выходитъ опять къ намъ изъ внутреннихъ комнатъ, вѣроятно, чтобы позвать насъ къ великому князю.

Въ самомъ дѣлѣ, Русалка пришелъ объявить имъ, что господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ приказалъ имъ видѣть свои царскія очи, что и спѣшили они исполнить.

Они очутились въ небольшой комнатѣ Иванъ Васильевичъ, облаченный въ блестящую одежду, сидѣлъ на креслѣ изъ слоновой кости, въ которой искусная, тонкая чекань греческой работы представила разные случаи изъ священной и свѣтской исторіи. До него надо было взойти тремя ступенями, устланными *червчатою* камкой. По бокамъ стояли два боярина, и возлѣ одного скамейка, а на ней серебряный умывальникъ, блюдо и тонкое полотенце, кокетливо убранное кружевами. Надъ кресломъ висѣлъ портретъ женщины, очень пригожей. Это изображеніе, или, какъ называли предки наши, «*царевна, на иконѣ писанная*», было прислано въ Москву папою Павломъ II тогда, какъ шло сватовство великаго князя за дочь Палеолога. По двумъ стѣнамъ держались ставцы изъ дуба, *на вырѣзъ изъ злата*, въ которыхъ за стеклами стояла се-

ребряная *суда*, назначенная, казалось, для употребленія исполиновъ. Прибавьте къ этому двѣ кафельныя печи съ лежанками, разубранныя цвѣтами и грифами—вещь драгоцѣнная въ тогдашнее время. На столикѣ, въ простѣнкѣ между двумя окнами, сидѣлъ зеленый попугай въ своемъ красивомъ заточеніи, грустно повѣся носъ.

Когда Аристотель, служившій на этотъ разъ переводчикомъ, представилъ лекаря, Иванъ Васильевичъ зорко посмотрѣлъ на пріѣзжаго, немного привсталъ съ кресла и протянулъ ему руку, которую этотъ поцѣловалъ, ставъ на одно колѣно. Великому князю, тотчасъ послѣ осквернения его руки нечистыми устами, поднесли умывальникъ и блюдо, но онъ слегка кивнулъ боярину, исполнявшему эту обязанность, давая ему знать, что она не нужна.

— О, да какой молодой! — сказалъ онъ Аристотелю, — у него и бороды нѣтъ.

— Умомъ своимъ и наукою перегналъ онъ лѣта,— отвѣчалъ художникъ.

— Правда, у васъ, въ теплыхъ краяхъ, и люди спѣютъ раньше нашего. Вотъ, пріѣзжалъ ко мнѣ посолъ отъ краля римскаго, лицарь Николаи Поплевъ, еще не моложе ль этого.

Потомъ разспрашивалъ онъ врача, доволенъ ли отпускаемыми припасами, не нужно ли ему чего, и когда Антонъ успокоилъ его на счетъ свой, завелъ съ нимъ бесѣду о состояніи Италіи, о папѣ, о политическихъ отношеніяхъ тамошнихъ государствъ и мнѣніи, какое въ нихъ имѣютъ о Руси. Умные вопросы свои и нерѣдко умныя возраженія облекалъ онъ въ грубыя формы своего нрава, времени и мѣстности. Довольный

отвѣтами Эренштейна, онъ не разъ повторялъ Аристотелю съ видимымъ удовольствіемъ:

— Правда твоя, изъ молодыхъ, да ранній!

Наконецъ обратилъ рѣчь на способы леченія Антономъ.

— Почемъ же узнать, какой у человѣка недугъ?— спросилъ онъ, обратясь къ лекарю.

— По тому, какъ даетъ о себѣ знать кровь въ рукѣ и каковъ языкъ, — отвѣчалъ Эренштейнъ.

— А вотъ мы сейчасъ попытаемъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ, чтобы всѣ дворскіе люди поспѣшили въ гридню.

Прибѣжали всѣ одинъ за другимъ, блѣдные, дрожащіе, ожидая чего-то страшнаго отъ такого внезапнаго распоряженія. Имъ велѣно стать въ одинъ рядъ, открыть рты и протянуть руки. И тутъ соблюденъ былъ порядокъ мѣстничества, который былъ недавно введенъ и строго поддерживался. При этомъ инспекторскомъ смотрѣ надо было видѣть страхъ, написанный на ихъ длинныхъ лицахъ. Не менѣе перепугались бы они, если бъ имъ собирались дѣлать операцію. Однакожъ нельзя было удержаться отъ смѣха, смотря на коллекцію гримасъ, когда бѣдные паціенты высунули языки и протянули руки. Одинъ плачевно выпускалъ языкъ, какъ теленокъ, котораго готовятъ на закланіе; у другого дрожалъ онъ, будто жало у змѣи; третій открывалъ ротъ, какъ тощая кляча, которая зѣваетъ. Самъ врачъ невольно усмѣхнулся. Когда жъ несчастнымъ объявили, что будутъ свидѣтельствовать состояніе ихъ здоровья, многихъ, отъ мысли быть очарованными нѣмецкимъ кудесникомъ, бросило въ лихорадку; съ иными, послабѣе, едва не сдѣлалась другая болѣзнь. Мысленно прочли они

всѣ молитвы, которыя только знали; нѣкоторыхъ, несмотря, что взоръ Іоанна ударялъ въ нихъ своимъ грознымъ электричествомъ, отчаяніе заставило произнести вслухъ: «Господи, помилуй, отпусти раба твоего съ миромъ». Каждаго освидѣтельствовалъ Антонъ, каждому, съ помощію Аристотеля, сдѣлалъ вопросы, узаконенные наукой, и разрѣшилъ узы каждому, сказавъ, что онъ здоровъ и не требуетъ никакого лекарства. Соловей пересталъ пѣть, а они все еще слушали, то есть лекарь пересталъ ихъ свидѣтельствовать, а паціенты все еще высовывали языкъ и грозились кулакомъ. Властитель долженъ былъ приказать, чтобъ и тотъ и другой вошли въ обыкновенное свое положеніе. Сколько окропленій святою водой, сколько заклинаній ожидало ихъ дома! Страхъ долго держалъ этихъ многотерпцевъ въ когтяхъ своихъ, но сильнѣе всѣхъ навелъ онъ тревогу на Бородатаго и — кто бы подумалъ? — на Мамона. И вотъ какъ Антонъ захотѣлъ пошутить надъ ними, а болѣе надъ послѣднимъ, къ которому чувствовалъ отвращеніе.

— У одного совсѣмъ нѣтъ желчи,—сказалъ онъ,— у другого слишкомъ много. Современемъ это излишество и этотъ недостатокъ могутъ причинить имъ важную болѣзнь.

— А помочь можно этому? — спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Да, государь, переведя кровь одного въ жилы другого, — отвѣчалъ Антонъ.

У Мамона губы поблѣднѣли и затряслись; борода крошечнаго дьяка запрыгала.

— Не шути съ властителемъ, — сказалъ Аристотель своему молодому другу. — Мудрено ль, что онъ

захочетъ испытать это ужасное средство надъ своими боярами!

— Впрочемъ, — продолжалъ врачъ, — способъ, о которомъ я упомянулъ, требуетъ большой осторожности и потому опасенъ. Въ послѣднюю свою болѣзнь папа Иннокентій VIII хотѣлъ прибѣгнуть къ нему. Сдѣлали сначала опытъ надъ тремя десятилѣтними мальчиками; но какъ опытъ не совсѣмъ удался, и дѣти умерли, то и святой отецъ не соизволилъ подвергнуться ему. Остается многожелчному быть какъ можно смирнѣе и уступчивѣй, а тому, у кого недостаетъ желчи, болѣе приводить кровь свою въ движеніе.

Знаніями и объясненіями врача остался великій князь очень доволенъ, почему и отдалъ Мамону приказъ, чтобы всѣ жители Москвы, въ случаѣ какихъ-либо недуговъ, немедленно являлись къ дворскому лекарю, или посылали за нимъ, показывали ему тотчасъ языкъ и подавали руку. Для ослушниковъ прибавлена оговорка.

— Къ дѣлу, у меня свой больной, — сказалъ Иванъ Васильевичъ, — не вылечишь ли его?

Онъ всталъ съ своего кресла и подошелъ къ попугаю. Придворный крылатый льстецъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ; у него сѣлъ типунъ на языкѣ. На него указалъ Иванъ Васильевичъ лекарю, прибавивъ, что Ѳоминишна очень любитъ его.

Антонъ покраснѣлъ и колебался было, исполнять ли ему прихотливую волю великаго князя; но убѣжденный взоромъ Аристотеля и мыслью, что женщинѣ, слабому, нѣжному созданію, дорогъ ея любимецъ, отвѣчалъ:

— И этому надо посмотрѣть языкъ.

— Съ Новгородомъ и Ордою сладили,—сказалъ великій князь,—а тутъ не взыщи, не велика птичка, да не заставишь сдѣлать, чего не захочетъ. Развѣ послушается княгиню, которую очень любитъ.

— Любовь всегда сильнѣе власти,—отвѣчалъ Антонъ, увлеченный благородствомъ своего характера и хотѣвшій начать роль друга человѣчества и совѣтника царя, которую мечты начертали ему въ такомъ блистательномъ видѣ.

Можно было подумать, судя по крутому нраву Іоанна, что художникъ не переведетъ сентенціи неосторожнаго молодого человѣка, напротивъ, онъ исправно передалъ ее властителю. Аристотель въ этомъ случаѣ зналъ великаго князя, какъ знало его потомство, упрекавшее Василія Іоанновича въ томъ, что онъ не похожъ на своего отца, который «*противъ себя встрѣчу любилъ и жаловалъ говорившихъ противъ него*». Надо прибавить, онъ любилъ встрѣчу противъ себя въ рѣчахъ, а не въ дѣйствіяхъ.

— Полно, такъ ли, молодецъ?—возразилъ великій князь усмѣхаясь.—Посмотри-ка, хоть попугай и посмышленнѣе другихъ птицъ, да и тотъ въ клѣткѣ, знать потому, что не совсѣмъ смышленъ. Вѣдь вы жъ, нѣмцы, его заперли. По-моему хороша любовь и ласка тамъ, гдѣ всѣ дѣти одной семьи нераздѣльной, устроенной, такъ разумны, что понимаютъ волю отца—онъ-де хочетъ отъ насъ смиренія и порядка для нашего же добра. А что скажешь, голубчикъ, коли въ отлучку хозяина блудныя дѣтки разбрелись изъ дому отцовскаго, самовольно каждый отгородилъ себѣ часть изъ общаго наслѣдія, мать и знать не хотятъ, да еще буйствуютъ противъ той, которая ихъ воспоила и воскормила. Въ

домѣ у отца пожаръ—ни одинъ нейдетъ заливать; разбойники пришли грабить его—дѣтки жъ смѣются. Кончилось тѣмъ, что плохой ихъ не обижалъ. Пришелъ отецъ: чѣмъ же ихъ унялъ, соединилъ и привелъ въ порядокъ? Лаской что ль?.. мать это ужъ пытала.

— Нѣтъ, умною властью, силою духа. Но когда отецъ привелъ дѣтей въ послушаніе и они почувствовали свою вину, тогда не любовь ли умиритъ всѣ стороны?

— Статься можетъ, только мы до этого не дошли, да и не скоро дойдемъ. Не правда ли, Аристотель? ты лучше нашихъ знаешь.

Аристотель подтвердилъ слова великаго князя, радуясь за умные его отвѣты, какъ наставникъ, что воспитанникъ его выпутался благополучно изъ трудностей экзамена. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, властитель схватилъ попугая за голову, мастерски придержалъ ее, и птица покорилась магически грозному взору его. Типунъ былъ счастливо снятъ врачомъ.

Леченіемъ попугая и свидѣтельствомъ дворскихъ людей не кончилось испытаніе лекаря. Великій князь приказалъ ему съ Аристотелемъ обождать въ средней избѣ. Не прошло получаса, какъ онъ вышелъ къ нимъ въ шубѣ и въ шапкѣ и далъ знать посохомъ, чтобы они слѣдовали за нимъ.

У Краснаго крыльца стоялъ *таганъ* (крытая зимняя повозка), запряженный въ два *санника* (такъ назывались лошади въ зимней упряжи). Шлеи на лошадяхъ были изъ бархата, кольца и *путы* на шлеяхъ и на уздахъ золоченыя: все это выписанное изъ Литвы. Лошадьми управлялъ *возница*, сидя на одной изъ нихъ.

Когда усадили Ивана Васильевича въ *тапканъ*, который можно было познать за великокняжескій по двуглавому орлу, прибитому къ передку, нѣсколько боярскихъ дѣтей поѣхало верхомъ впередъ, съ возгласомъ: *пади! пади!* До шести боярскихъ дѣтей шло у боковъ оберегая ежеминутно экипажъ отъ малѣйшаго наклоненія и поддерживая его на себѣ при спускахъ, очень опасныхъ, потому что лошади запряжены были въ одни гужи, безъ дышла (замѣтьте, дышло у нашихъ, предковъ была вещь проклятая). Нѣсколько бояръ ѣхало сзади верхами, между ними художникъ и лекарь. Ѣхали шагомъ. Лишь только слышался громкій возгласъ: *пади!* — все, что шло по улицѣ, въ тотъ же мигъ скидало шапки и падало на земь.

— Этотъ раболѣпный обычай—сказалъ Аристотель своему молодому товарищу — перешелъ сюда со многими подобными отъ татаръ. Владычество ихъ въѣлось ржавчиной въ нравы здѣшніе, и долго русскимъ не стереть ея. Такъ побѣжденные невольно принимаютъ и характеръ своихъ побѣдителей, несмотря на ненависть къ нимъ!

— Счастливъ побѣжденный, — отвѣчалъ Эренштейнъ, —если его новый господинъ стоитъ на высшей степени образованія, нежели онъ самъ; горе ему, если онъ попадетъ подъ власть татарина! Сила чего не дѣлаетъ!

— Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что и самое добро, самое просвѣщеніе не иначе можно ввести въ необразованныя массы, какъ силою умной, непреклонной воли. Для этой-то массы необходимъ человѣкъ-властитель, подобный тому, что ѣдетъ теперь передъ нами. Совѣтую и тебѣ, мой другъ, дѣйствовать для блага

здѣшняго человѣчества не иначе, какъ черезъ этотъ могучій проводникъ.

— Да! ты и я прекрасно начали свои подвиги,— прервалъ Антонъ иронически. — Ты, собираясь на созданіе храма Божьей Матери, обжигаешь кирпичи и растворяешь известь, а я хоть не одѣленъ, подобно тебѣ, дарами небесными, но, пріѣхавъ сюда изъ такой дали, чтобы положить нѣсколько лептъ въ сокровищницу наукъ, я—лечу языки у попугаевъ и дѣлаю шутовскій смотръ языкамъ придворныхъ рабовъ. Начало не обѣщаетъ многого.

— Антоніо! Антоніо! ты ли это говоришь?.. Только два дня здѣсь, еще не у дѣла, а ужъ молодая кровь твоя бунтуетъ противъ разума, малѣйшія непріятности кидаютъ тебя далеко отъ прекрасной цѣли. Такъ ли идутъ въ битву для полученія вѣнца побѣднаго? Что сказалъ бы ты, бывши на моемъ мѣстѣ?.. Неужели я ошибся въ тебѣ?.. Какъ бы то ни было, не узнаю твердой души, которая, по словамъ твоимъ, готова идти въ схватку съ самою жестокою судьбою!..

— Винюсь, мой почтеннѣйшій другъ, винюсь: разсудокъ мой требуетъ еще опоры, воспитаніе мое не окончено. О, будь же моимъ руководителемъ, моимъ наставникомъ! Прости мнѣ безразсудныя слова мои, и припиши ихъ новымъ впечатлѣніямъ этихъ двухъ дней. Казнь литвянъ, ненависть ко мнѣ безъ причины моего хозяина, отчужденіе отъ меня почти всѣхъ московитовъ,—между тѣмъ какъ я заранѣе такъ горячо любилъ ихъ,—попугай, придворные, раболѣпство... все это вскружило мнѣ голову.

— Я предупреждалъ тебя, что ты попалъ среди народа-младенца, что ты находишься при вождѣ этого

народа, великомъ по многимъ отношеніямъ, но все-таки принадлежащемъ своей странѣ и эпохѣ. Вотъ и теперь — напередъ скажу тебѣ—мы подъѣзжаемъ къ тюрьмѣ. Увѣренъ, что онъ хочетъ показать тебѣ своихъ знаменитыхъ плѣнниковъ. На этотъ разъ извини въ немъ слабость владыки, который хочетъ похвалиться, какъ онъ умѣлъ силою своего духа и ума оковать ужасныхъ враговъ, державшихъ такъ долго Русь въ неволѣ и страхѣ. Это Геркулесъ, но Геркулесъ-младенецъ. Онъ радуется, что въ своей колыбели задушилъ змѣй, и любитъ показывать ихъ, мертвыхъ или умирающихъ! Еще прибавлю: помни время, въ которое мы живемъ, страну, гдѣ мы находимся... помни главу нашей церкви, Павла II, который самъ присутствовалъ на пыткахъ, самого Сикста IV, Стефана молдавскаго, названнаго сына его, который дѣлаетъ чучелы изъ своихъ плѣнниковъ, Галлеаца Сфорца... не скажу болѣе. Довольно и этихъ примѣровъ, чтобъ смирить твое негодованіе при зрѣлищѣ, ожидающемъ тебя.

Едва Аристотель успѣлъ сказать это, *капланъ* въѣхалъ на *казенный дворъ*. Ощетинившись своими иглами, рогатки въ разныхъ мѣстахъ обезпечивали охраненіе этого мѣста. Боярскія дѣти летомъ съ коней, и крѣпость мигомъ разорвана. У крыльца *черной избы* подняли великаго князя изъ каптана. Стража засуетилась. Она состояла изъ боярскихъ дѣтей, *цѣловавшихъ крестъ* на вѣрное исполненіе своихъ обязанностей. Увидѣвъ великаго князя, они схватились за свои сѣкиры, стали по мѣстамъ и, скинувъ шапки, низко поклонились. Въ сѣняхъ все разомъ окинулъ зоркій взглядъ его. Далѣе, когда онъ вступилъ въ узенькіе переходы, глаза его заблистали дикою радостью: такъ хозяинъ знаменитаго

звѣринца собирается показать достойнымъ посѣтителямъ сильныхъ звѣрей, которыхъ онъ поймалъ и держитъ въ клѣткахъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуланы, гдѣ содержались плѣнники, походили на нечистыя клѣтки.

— Аристотель,—сказалъ великій князь,—растолкуй нашему дворскому лекарю, кто сидитъ въ этихъ клевушахъ, да вели попытать ихъ, долго ли проживутъ. Татаръ, смекаешь ты, надо мнѣ на всякій случай поберечь для переду: придется, можетъ быть, и пугнуть ими. А бабу-то, вѣдаешь, хоть бы нынѣ чорту баранъ!..

Это откровенное объясненіе, искусно переданное врачу, дало его сердцу случай начать подвиги добра, на которые онъ собирался, ѣхавъ въ Москву. Въ первомъ отдѣленіи нашли они цѣлое семейство татаръ. Мужчины и женщины—мать и сынъ, мужъ и жены, братья и сестры — всѣ валялись кое-какъ, кто на лавкахъ, кто на полу. Нечистота и духота были нестерпимыя. Блѣдныя, истомленныя лица, униженный видъ, говорили живѣе словъ о несчастномъ ихъ положеніи.

— Повѣришь ли,—сказалъ Аристотель,—что этотъ худой, съ шафранными глазами, вотъ что привсталъ передъ великимъ княземъ, царь казанскій, Алегамъ? Царство его еще недавно было страшно для русскихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ полководецъ московскій взялъ его въ плѣнъ и посадилъ на его мѣсто другого царя. Полюбуйся здѣсь превратностями судьбы человѣческой. Недавно повелѣвалъ съ своего престола сильному народу, теперь едва имѣетъ мѣсто, гдѣ преклонить голову. Къ предкамъ этихъ татаръ князья рус-

скіе ходили на поклоненіе, у нихъ испрашивали позволенія царствовать, у нихъ держали стремя, имъ платили дань, а нынѣ... О, конечно, сюда должны бы цари приходить учиться смиренію! Но — таково ослѣпленіе человѣка — ты видишь, съ какимъ торжествомъ смотритъ великій князь на своего плѣнника. О свободѣ его нельзя и не должно думать. Просьбы шабайскихъ и нагайскихъ князей, его родственниковъ, не имѣли никакого успѣха. Были объ этомъ частые переговоры съ Іоанномъ, при которыхъ посылали другъ другу *тяжелые поклоны* съ *легкими дарами;* но и отъ сношеній этихъ остался въ выигрышѣ одинъ Іоаннъ. Онъ вывѣдалъ безсиліе татарскихъ князей и, можетъ быть, нашелъ между ними жъ врага противъ нихъ же. Не знаю властителя, который бы лучше умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Я сказалъ, что о свободѣ Алегама не должно и думать, но послѣ намека самого Іоанна можно постараться улучшить его положеніе.

Сообразуясь съ этимъ намекомъ, молодой врачъ сказалъ:

— Если великій князь желаетъ, чтобы его вѣнценосный плѣнникъ жилъ, онъ долженъ перемѣстить его съ семействомъ въ лучшее, болѣе просторное жилье и дать ему чаще дышать чистымъ воздухомъ. Безъ того не ручаюсь даже за нѣсколько недѣль его жизни.

Иванъ Васильевичъ задумался.

— Да, этотъ нуженъ мнѣ еще, — произнесъ онъ вполголоса, и приказалъ Мамону, знавшему татарскій языкъ, какъ и многіе русскіе того времени, объявить Алегаму, что его отправятъ тотчасъ же съ двумя женами въ Вологду, а мать, братьевъ и сестеръ въ Каргополь, что на Бѣлоозерѣ. — Тамъ — прибавилъ онъ —

гуляй въ волю; отпущу ему и на кормъ по два алтына въ день.

Когда объявили это Алегаму, царь казанскій бросился великому князю въ ноги; его примѣру послѣдовало все семейство, кромѣ одной изъ его женъ. Она ухватилась было за одежду его, чтобъ удержать отъ рабскаго поклоненія, и съ негодованіемъ вскричала:

— Что ты дѣлаешь, царь казанскій?

Но Алегатъ былъ ужъ у ногъ Іоанна, и царица бросила на своего мужа взглядъ глубокаго презрѣнія.

Эта женщина была впослѣдствіи женою казанскаго царя Магметъ-Аминя. Она припомнила униженіе своего перваго мужа и успѣла таки возбудить второго противъ Іоанна.

Новое отдѣленіе, новые знаменитые плѣнники. И опять татары, опять живое свидѣтельство Іоаннова ума и воли, смирившихъ Востокъ. Заключенные были два брата, одинъ сѣдой старикъ, другой въ лѣтахъ, подвигающихъ къ старости. Сидя рядомъ и перекинувъ другъ другу руки около шеи, они молча, грустно смотрѣли другъ другу въ глаза. Въ нихъ видѣли они свое отечество, свое небо, своихъ родичей и друзей, все безцѣнное и утраченное для нихъ. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ великій князь. Смущенные, они расплелись и остались сидя.

— Ты угадалъ бы, что это два брата, еслибъ я и не объяснилъ тебѣ, — сказалъ Аристотель: — отрывки того жъ могущества, которое едва не задавило Руси и потому не задавило Европы! Именно, это братья крымскаго хана Менгли-Гирея, лучшаго друга и союзника Іоанна, Нордоулатъ и Айдаръ.

— Друга, союзника? — спросилъ Антонъ съ изу-

мленіемъ, — какъ же согласить съ этимъ ихъ заключеніе?

— Скажу еще болѣе: Нордоулатъ, вотъ этотъ сѣдовласый, что такъ горько смотритъ на великаго князя, служилъ ему въ войнѣ противъ царя *Бельшой* или *Золотой* Орды, Ахмата, въ войнѣ, которою рѣшено: быть или не быть Руси рабою Востока, нахлынуть ли черезъ нее новому потоку варваровъ на Европу Но...

Здѣсь послышался убѣдительный голосъ Андрюши, сына Аристотелева. Незамѣтно какъ очутился онъ подлѣ великаго князя, который ласкалъ его, гладя по головѣ.

— Подари мнѣ, Иванъ Васильевичъ, этихъ бѣдныхъ старичковъ,—говорилъ Андрюша жалобнымъ голосомъ, ласкаясь къ грозному владыкѣ.

Великій князь засмѣялся и спросилъ малютку, что сдѣлаетъ онъ тогда съ плѣнниками.

— Дамъ имъ свободу, чтобы они благословляли твое имя,—отвѣчалъ Андрюша.

— Изволь. Дать свободу и этимъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ, обратясь къ Мамону, — и отправить ихъ на покой въ Вологду. Назначить имъ тамъ хорошіе кормы. Это дѣлаю для сыновнина крестника.

Умное дитя ничего болѣе не просило.

Художникъ и лекарь думали, что великій князь рѣшился на этотъ великодушный поступокъ, понявъ бесѣду ихъ и убѣжденный краснорѣчивою горестью Нордоулата, нѣкогда его усерднаго слуги. Не изумился однакожъ Аристотель, когда Иванъ Васильевичъ, отведя его въ сторону, прибавилъ, такъ что онъ только могъ слышать:

Подстать замолвилъ о нихъ Андрюша. Ханъ Золо-

той Орды проситъ меня, черезъ посла своего, отпусти-де я къ нему Нордоулата. Ты, можетъ статься, встрѣтилъ давича поганаго еврея въ хороминахъ моихъ. Вотъ этотъ еврей укралъ у посла ханскаго листъ къ Нордоулату, и успѣлъ опять подкинуть его. Да я безъ писаннаго листа смекнулъ тотчасъ лукавые замыслы. А пріятель мой Менгли-Гирей лѣзъ было къ волку въ пасть. Трусъ! испугался угрозъ Золотой Орды, и отъ себя прислалъ просить меня, отпусти-де я къ нему брата, съ которымъ хочетъ заодно царствовать Докажу ему, что онъ вретъ; самому послѣ слюбится! Айдара зоветъ къ себѣ король польскій. Нордоулатъ уменъ. Айдаръ не таковъ, да все-таки опасенъ. Вороги мои хитро вздумали: среди бѣлаго дня, въ глазахъ лисеньки ставитъ для нея капканъ. Покажу имъ хвостъ. Что мы за дураки! пять пальцевъ на рукахъ счесть умѣемъ... Въ Менгли-Гиреѣ имѣю вѣрнаго друга, и куда хочу его посылаю. Посади, видишь, на его мѣсто позубастѣе, да поумнѣй. Вѣрнѣе посажу ихъ въ Вологду, гдѣ они и грамотки отъ своихъ не получатъ и куда не заглянетъ лукавое око татарина. А все-таки слово Андрюшѣ сдержу: въ Вологдѣ дадутъ имъ льготу.

Слова эти, переданныя Антону, всего лучше объяснили, по какой причинѣ содержатся братья Менгли-Гирея, союзника и друга Іоаннова, и нашли въ сердцѣ молодого человѣка извиненіе жестокой политикѣ.

Новое отдѣленіе.

Тутъ великій князь стукнулъ посохомъ въ рѣшетку. На этотъ стукъ оглянулась старая женщина, усердно молившаяся на колѣнахъ. Она была въ поношенной кикѣ и въ убрусѣ, бѣдномъ, но чистомъ, какъ свѣжі

снѣгъ, въ бѣдной ферязи—сѣдые волосы выпадали въ безпорядкѣ — и между тѣмъ можно было тотчасъ угадать, что это не простая женщина. Черты ея были очень правильны; въ мутныхъ глазахъ отражались умъ и какое-то суровое величіе. Она гордо взглянула на великаго князя.

— О комъ молилась ты, Марѳуша? — спросилъ великій князь.

— Вѣстимо объ умершихъ! — угрюмо отвѣчала она.

— О комъ же именно, если дозволишь спросить?

— Спроси объ этомъ у моего дѣтища, а твоего названнаго боярина, что ты зарѣзалъ, у Новгорода, что ты залилъ кровью и засыпалъ пепломъ.

— О, го, го!.. Не забыла свою дурь, матушка, господыня великаго Новгорода.

— Была таки, голубчикъ.

При этомъ словѣ она встала.

— Не вздумаешь ли опять?

— Надъ чѣмъ?.. Я сказала, что молюсь объ умершихъ. Твою Москву съ ея лачугами можно два раза въ годъ спалить до-тла и два раза построить: татары два вѣка держали ее въ неволѣ... чахла, чахла, и все-таки осталась цѣла: промѣняла только одну неволю на другую. А господина Новгорода великаго разъ не стало, и не будетъ болѣе великаго Новгорода.

— Почемъ знать!

— Подними-ка бѣлокаменную въ сотню лѣтъ.

— Подниму и въ десятокъ.

— Вѣдь это не въ сказкѣ, гдѣ такъ же скоро дѣлается, какъ и сказывается. Созови ганзеійскихъ купцовъ, которыхъ ты распугалъ.

— А, торговка, купцовъ-то жаль тебѣ болѣе самого Новгорода.

— Отъ моего торга не бѣднѣлъ, а богатѣлъ онъ.

— Брякну денежкой, такъ со всѣхъ концовъ свѣта налетятъ торгаши на мои гроши.

— Собери именитыхъ гражданъ, которыхъ ты заточилъ по разнымъ городамъ своимъ.

— Обманщики, плуты, бунтовщики, не стоятъ этого.

— Когда жъ сила виновата!.. Найди живую воду для убитыхъ тобой. Хоть бы ты и это все смогъ, воли, воли въ Новгородѣ не будетъ, Иванъ Васильевичъ, и Новгороду никогда не подняться. Будетъ онъ жить, какъ зажженный пень, что ни горитъ-то, ни гаснетъ. Вѣдь и я еще живу въ тюрьмѣ.

— Окаянная воля и сгубила васъ. Посмотрѣлъ бы, какъ повела бъ ты дѣломъ на моемъ мѣстѣ.

— Ты свое дѣло сдѣлалъ, великій князь московскій, я—свое.—Не насмѣхайся же надо мной, въ моемъ заточеніи, при послѣднихъ часахъ моихъ.

Марѳа Борецкая кашлянула и побагровѣла; она прижала къ губамъ конецъ убруса, но кровь пробила сквозь него, и Іоаннъ замѣтилъ то, что она хотѣла скрыть.

— Жаль мнѣ тебя, Марѳа,—сказалъ великій князь ласковымъ голосомъ.

— Зорокъ взглядъ!.. Что? радостно?.. Накинь этотъ убрусъ на Новгородъ... Саванъ богатый!..—усмѣхаясь примолвила она.

— Къ ней! къ ней!.. не могу... впустите меня къ ней! — закричалъ Андрюша, обливаясь слезами.

На лицѣ великаго князя перемѣшались сожалѣніе и

досада. Онъ однакожъ поднялъ крючокъ у двери и впустилъ къ Борецкой сына Аристотелева.

Андрей цѣловалъ у ней руки. Борецкая ничего не говорила... она грустно покачала головой, и горячая слеза упала на лицо малютки.

— Спроси, сколько лѣтъ проживетъ она, — шопотомъ сказалъ великій князь Аристотелю.

— Много, много — мѣсяца три, а можетъ быть только до весеннихъ водъ,—отвѣчалъ Антонъ:—ей не помогутъ никакія лекарства — кровь вѣрный передовой смерти.

Отвѣтъ былъ переданъ Ивану Васильевичу такъ тихо, что Борецкая не могла его слышать; но она махнула рукой и твердо вымолвила:

— Я знала прежде его...

— Послушай, Марѳа Исаковна, хочешь—переведу тебя на свободу въ другой городъ.

— Въ другой городъ?.. въ другую сторону?.. Богъ и безъ тебя позаботится.

— А я хотѣлъ было отправить тебя въ Бѣжецкій верхъ.

— Правда, тамъ была земля наша... Хоть бы умереть на родной землѣ.

— Такъ съ Богомъ! Молись тамъ на всей волѣ, строй себѣ церкви, одѣляй нищую братью — казну твою велю отпустить съ тобой — и не поминай великаго князя московскаго лихомъ.

Она улыбнулась. Видали ль вы въ устахъ человѣческаго черепа что-то похожее на улыбку?..

— Прощай, болѣе не увидимся, — произнесъ великій князь.

— Свидимся на судѣ Божьемъ, — былъ послѣдній отвѣтъ Борецкой.

Задумчиво отошелъ великій князь отъ тюрьмы ея, задумчиво, не оглядываясь, прошелъ мимо отдѣленій другихъ плѣнниковъ, и когда пахнулъ на него свѣжій воздухъ, онъ перекрестился на ближнюю церковь и примолвилъ:

— Будешь развѣ судить раба твоего, Ивана, а не князя московскаго.

Въ это время съ крыльца *черной избы* открылся передъ художникомъ видъ мѣста, на которомъ предполагалось строить храмъ Успенія. И онъ задумался, улетѣвъ туда мыслью и сердцемъ.

— Знаешь ли что, Аристотель?—сказалъ ему великій князь, положивъ ему руку на плечо, — наготовь мнѣ поболѣе такихъ рогатокъ. Ночью велю ими запирать улицы отъ пьяныхъ и недобрыхъ людей.

Будто съ неба въ грязь упалъ художникъ; онъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ, взглянулъ на своего товарища и — ни слова.

Дорогою разсказалъ онъ Антону, кто такая была Марѳа Новгородская, и почему съ нею умеръ на Руси духъ общины, изъ Германіи занесенный въ Новгородъ и Псковъ духомъ торговли; но не сказалъ, о чемъ были послѣднія слова великаго князя.

— Іоаннъ не всегда ли такъ отпѣваетъ своими милостями? — замѣтилъ лекарь.

Подлѣ нихъ Андрюша радостно гарцовалъ на лихомъ конѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАЦІЕНТЫ

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?..
Пушкинъ.

Съ этого времени Андрюша часто посѣщалъ Эренштейна. Онъ училъ его по-русски, и понятный ученикъ, съ помощью чешскаго языка, дѣлалъ быстрые успѣхи. Надо было видѣть, какою важностью школьнаго властелина вооружался малютка во время уроковъ, и какъ покорно слушалъ ихъ падуанскій бакалавръ. Иногда учитель хмурилъ брови, когда упрямый языкъ ученика, привыкшій къ италіянскому легкозвучію, не покорялся стеченію русскихъ согласныхъ. Уроки кончены—исчезали профессоръ и слушатель, и дружба съ улыбкою своей, съ живою бесѣдой и ласками, спѣшила ихъ замѣнить. Дружба? когда одному было за 25 лѣтъ, а другому половина съ небольшимъ того?.. Что нужды! Оба съ дѣтскою душою, оба съ порывами къ добру и непонятнымъ влеченіемъ другъ къ другу, они связались какою-то непонятною цѣпью, которую разорвать могла только судьба. Они называли

себя друзьями и не понимали, что посторонніе находили страннаго въ этомъ привѣтѣ между ними. Антонъ въ землѣ чужой былъ почти одинокъ. Художникъ, по множеству разнородныхъ занятій своихъ, могъ только рѣдко съ ними видѣться; хозяинъ дома и почти всѣ русскіе продолжали его чуждаться, скажу—гнушаться имъ: Андрей былъ на Руси одно любящее существо, которое его понимало, которое сообщалось съ нимъ умомъ, рано развившимся, и доброю, теплою душою. И для Андрюши молодой лекарь сдѣлался необходимостью, пятою стихіею. Безъ него было бъ ему душно въ свѣтѣ. Родившись въ Италіи, онъ помнилъ еще, будто изгнанникъ на бѣдную землю изъ другого, лучшаго міра, онъ помнилъ съ сердечнымъ содроганіемъ роскошь полуденной природы, тамошняго неба, тамошнихъ апельсинныхъ и кипарисовыхъ рощей, и ему казалось, что отъ Антона вѣетъ на него теплый, благоуханный воздухъ той благословенной страны. Еще что-то чудное влекло къ молодому нѣмцу... что такое, хоть убили бъ его, не могъ бы онъ вамъ сказать. Малютка любилъ горячо еще одно существо, доброе, прекрасное, но только менѣе, нежели Антона. Это была дочь Образца, Анастасія. Часто хаживалъ онъ отъ Эренштейна къ ней и отъ нея къ своему другу, и эти сношенія, сначала невинныя, безотчетныя, составляли между ними какой-то магическій, тройной союзъ.

Эренштейнъ никогда не видалъ Анастасіи, но слышалъ часто надъ потолкомъ своей комнаты шаги ея ножекъ; нерѣдко Андрюша разсказывалъ, какъ она хороша, мила, добра, какъ его любитъ, какъ его цѣлуетъ. Такое близкое сосѣдство съ прекрасною дѣ-

вушкою, которой слова маленькаго учителя и друга и воображеніе придавали всѣ наружныя и душевныя совершенства, ея заключеніе, таинственность, ее окружающая, и трудность увидѣть ее — все это возбудило въ сердцѣ Антона новое для него чувство. Онъ часто думалъ о ней съ особеннымъ удовольствіемъ, цѣловалъ чаще Андрюшу, когда этотъ разсказывалъ, что его цѣловала Анастасія, и нерѣдко видалъ во снѣ какую-то прекрасную женщину, которую называлъ ее именемъ. Однимъ словомъ, онъ полюбилъ ее, никогда ея не видавъ. Но вскорѣ назвалъ онъ это чувство глупостью, прихотью одиночества, и погасилъ его въ занятіяхъ своей науки, которой посвятилъ себя съ прежнимъ жаромъ и постоянствомъ. Если и поминалъ когда о Анастасіи, такъ это для шутки; самый стукъ шаговъ надъ собою прекрасной дѣвушки пріучился онъ хладнокровно слушать, какъ пріучаются къ однообразному стуку часового маятника. Посѣтители, вкорѣ осадившіе его со всѣхъ сторонъ, заставили его угрюмо отогнать отъ себя всякую мысль о ней.

Вотъ наконецъ являются къ нему московитскіе паціенты. Видно отбросили ненависть къ иностранцу и страхъ къ чародѣю, какимъ его до сихъ поръ почитали! Милости просимъ, милости просимъ. Наконецъ за дѣло, Антонъ! Сердце твое бьется сладкою надеждою помочь страждущему человѣчеству. Пусть осаждаютъ тебя днемъ и ночью, не даютъ тебѣ покоя: эти докуки, эти труды сладки для тебя; ты не промѣняешь ихъ на бездѣлье роскошнаго богача.

— Кто тутъ?

— Я, вашъ покорнѣйшій слуга, переводчикъ его высочества, Бартоломей, и не одинъ. Со мною покор-

нѣйшій паціентъ, если дозволите, высокопочтеннѣйшій господинъ врачъ.

— Прошу пожаловать.

И ковыль-ковыль, вкатилось въ комнату умильно-пунцовое лицо книгопечатника, страшнаго побѣдителя всѣхъ женщинъ отъ Рейна до Яузы. Уцѣпясь за него крючьями своихъ пальцевъ, вплелся туда жь, какъ нарочно для контраста, живой скелетъ, обтянутый кожею, опушенный на головѣ и подбородкѣ тощими отрывками сѣдыхъ волосъ, окутанный въ шубу. Отъ него вѣяло тлѣніемъ. Этому давно сущему человѣку могло быть хожденія по землѣ лѣтъ восемьдесятъ. Казалось, въ глазахъ его, въ губахъ, въ голосѣ, въ каждой судорогѣ, замѣнявшей движеніе, говорила смерть: «не забудь, я тутъ, сижу крѣпко, льгота моя коротка». Но минувшій человѣкъ забылъ это, и пришелъ просить у Антона-лекаря, нѣмецкаго чародѣя, который даетъ юность и силу старикамъ, переводя въ нихъ кровь дѣтей, — пришелъ просить у него жизни еще хоть десятка на два лѣтъ. У него молодая жена, онъ богатъ; ему такъ нужно пожить. Антонъ самъ старикъ, ночью изъ окна ви аш его старикомъ; на день онъ оборачивается въ юнаго, цвѣтущаго молодца: кто жъ въ Москвѣ этого не знаетъ?..

Живой скелетъ умильно, хоть и со страхомъ, глядѣлъ на лекаря и еще умильнѣе указывалъ на мальчика, лѣтъ десяти, свѣжаго, розоваго, который стоялъ въ какомъ-то недоумѣніи у двереи. Кажется, лучше не надо: точно тѣ годы, тѣ примѣты, которыя нѣмецъ назначилъ великому князю для великой операціи перерожденія.

Антона самого бросило въ лихорадку.

— Нѣтъ, — подумалъ онъ, — никогда, никогда не рѣшусь на этотъ ужасный опытъ. И если бъ онъ даже удался... цѣною юной, цвѣтущей жизни этого дитяти продлить на два, на три года чувственную жизнь старичишки, который, можетъ статься, тяготитъ собою землю!.. Нѣтъ, никогда!

— Не боитесь ли, высокопочтеннѣйшій господинъ, — сказалъ Бартоломей, нѣжно осклабляясь, — чтобы, въ случаѣ смерти этого мальчика, не отвѣчали вы, или этотъ почтеннѣйшій господинъ?.. Не бойтесь, не бойтесь: этотъ мальчикъ—*холопъ*.

— Не понимаю, что такое холопъ,—возразилъ Антонъ,—знаю только, что онъ человѣкъ.

— Человѣкъ? гмъ, человѣкъ?.. я имѣю честь вамъ докладывать, что холопъ — рабъ. Повѣрьте, я самъ крайне остороженъ въ такихъ дѣлахъ и на этотъ счетъ заглянулъ въ судебникъ великаго короля всей Руси. Тамъ ясно сказано: «А кто осподарь огрѣшиться, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ, ни вины не емлютъ». Въ переводѣ это значитъ (тутъ усердный толмачъ перевелъ текстъ по-нѣмецки). Въ случаѣ смерти мальчика, мы скажемъ, что господинъ его огрѣшился, и концы въ воду. Въ этомъ мы условились съ почтеннѣйшимъ барономъ, богатѣйшимъ и, прибавить надо, щедрѣйшимъ изъ смертныхъ. Условіе это запечатлѣно ужасною клятвой.

Во время этого живого разговора, который понялъ живой скелетъ по приведенному тексту, онъ судорожно подозвалъ къ себѣ мальчика, съ отеческою нѣжностью потрепалъ его, то-есть поскользилъ пальцами по пухлой щекѣ, потомъ преумильно взглянулъ

на лекаря, какъ бы хотѣль сказать: «посмотри, словно зрѣлая вишня!»

— Послушай, Бартоломей,—сказалъ съ твердостью молодой врачъ, — разъ-навсегда объявляю тебѣ: если осмѣлишься когда-либо прндти ко мнѣ съ подобными предложеніями, я выкину тебя изъ окна.

Усерднѣйшій и нижайшій переводчикъ всякаго рода дѣлъ не ожидалъ такой встрѣчи: онъ смутился и жалобнымъ, чуть внятнымъ голосомъ, произнесъ, дѣлая на каждомъ словѣ и едва ли не на каждомъ слогѣ запятыя, какъ онъ дѣлалъ ихъ ногой:

— Вы... сами.. высокопочтен...нѣйшій... молвили великому князю.

— Правда, правда, я виноватъ. Но, чтобы утѣшить твоего хвораго старичка, я дамъ ему элексира долгой жизни — недавно изобрѣтенный. Скажи ему, жаль, что онъ не могъ употребить его лѣтъ двадцать ранѣе; тогда бы прожилъ двадцать лѣтъ болѣе. Но и теперь пускай принимаетъ его капель по десяти въ водѣ утромъ и вечеромъ... надѣюсь, онъ укрѣпитъ старичка... поддержитъ его хоть на время...

Пузырекъ съ элексиромъ переданъ ходячему скелету при переводѣ лекарскаго наставленія. Дрожащая, костлявая рука положила было ему на столъ корабельникъ (Schiffsnobel). Корабельникъ? легко сказать! Подарокъ царскій, судя потому, что и самъ Иванъ Васильевичъ посылывалъ роднымъ своихъ друзей, царицамъ, дѣтямъ ихъ по корабельнику, много по два. Несмотря на важность дара, лекарь возвратилъ монету, говоря, что возьметъ ее, когда лекарство подѣйствуетъ. Съ этимъ выпроводилъ отъ себя пацiента и посредника.

Элексиръ, видно, дѣйствовалъ не такъ сильно, какъ надѣялся хилый старикъ. Онъ всю вину возложилъ на мальчика, своего холопа, котораго, по словамъ Бартоломея, поберегъ лекарь, и въ сердцахъ *огрѣшился*... палкою по виску. Намѣстницы въ томъ не судили и вины не имали, потому что законъ писали не рабы. Холопа похоронили, какъ водится. Черезъ недѣлю однакожъ Судья высшій призвалъ и господина къ Своему суду.

На другой день, поздно вечеромъ, опять стукъ, стукъ.

— Кто тамъ?

— Я... если смѣю доложить, вашъ нижайшій слуга, книгопечатникъ Бартоломей.

— Войдите.

— Я не одинъ... со мною...

— Помните наше условіе, господинъ Бартоломей.

— Могу ли забыть?.. Скорѣй высохни десница моя!.. Со мною молодая госпожа... не то, что дрянной, издыхающій старичишка, на котораго и плюнуть гадко... нѣтъ, молодая, прекрасная госпожа, у которой можно пальчики перецѣловать сто разъ... богатая вдова Селинова. Ждетъ на крыльцѣ. Позвольте?

— Просите.

— Вѣрно пришла посовѣтоваться на счетъ сына, родственника, кто знаетъ? — подумалъ Антонъ, и спѣшилъ накинуть на себя щегольскую епанечку.

Въ самомъ дѣлѣ, пригожая женщина, почти однихъ лѣтъ съ Эренштейномъ, вошла къ нему робко, дрожа всѣмъ тѣломъ и, между тѣмъ, вся пылая. Она не смѣла поднять глаза... скоро закапали изъ нихъ слезы, и она упала къ ногамъ лекаря.

— Помилуйте, встаньте... И безъ этого сдѣлаю все, что вы желаете, — сказалъ Антонъ, поднимая ее.

— Не встану, добрый человѣкъ, пока не сдѣлаешь, о чемъ прошу. Будь отецъ, братъ родной, помоги мнѣ; не то наложу на себя руки, утоплюсь.

И молодая, пригожая женщина, рыдая, обнимала его колѣна.

— Объясни жъ, Бартоломей, чего она хочетъ отъ меня.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — отвѣчалъ съ ужимками книгопечатникъ.—Это самая та женщина... я, кажется, докладывалъ вамъ въ первый день вашего пріѣзда, высокопочтеннѣйшій господинъ... что любитъ сына здѣшняго хозяина.

Вдова Селинова, въ изступленіи, прервала его, забывъ, что лекарь худо понимаетъ по-русски.

— Правда, правда, для него забыла я законъ, когда былъ живъ покойникъ мой, забыла родъ и племя, лихихъ сосѣдей, стыдъ забыла, есть ли въ людяхъ другіе люди, кромѣ него. Ему вынула душу свою. Когда онъ сманивалъ меня, выводилъ меня изъ ума, онъ называлъ своимъ краснымъ солнышкомъ, звѣздою незакатною—такія рѣчи приговаривалъ: «въ ту пору мила друга забуду, когда подломятся мои скоры ноги, опустятся молодецкія руки, засыплютъ мои глаза песками, закроютъ бѣлу грудь досками». А теперь, еслибъ ты видѣлъ, добрый человѣкъ, теперь у моего камышка самоцвѣтнаго, лазореваго, ни лучья нѣту, ни искорки; у моего ли друга, у милаго, нѣту правды въ ретивомъ сердцѣ, говоритъ онъ, все обманываетъ. Полюбилъ мой сердечный другую полюбовницу, что живетъ въ терему у брата Ѳоминишны. А чѣмъ она, разлучница,

лучше меня? Развѣ тѣмъ получше, что стелетъ, убираетъ Андрею Ѳомичу постель шелковую съ перемѣнными друзьями, все съ налетными молодцами. Заворожила себѣ окаянная гречанка кудри моего друга. Съ той поры злодѣй надъ моею любовью издѣвается, на мои ласки говоритъ такой смѣшокъ: «любитъ душа волюшку, а неволя молодцу покоръ. Ты отстань, отвяжись отъ меня; не отвяжешься, я возьму изъ костра дрова, положу дрова среди двора, какъ сожгу твое тѣло бѣлое, что до самого до пепелу и развѣ прахъ по чисту полю, закажу всѣмъ тужить и плакати». Что ни дѣлаю, не могу отстать; по слѣдамъ его хожу, слѣды подбираю, сохну, разрываюсь. Видишь, рада бы не плакать: плачутъ не очи, разрыдалось сердце. Сжалься, смилуйся, добрый человѣкъ, отведи его чистою и нечистою силою отъ гречанки поганыя, привороти его опять ко мнѣ. Возьми за то ларцы мои кованы, казну мою дорогую, жемчуги бурмицкіе, возьми все, что у меня есть: отдай мнѣ только друга прежняго, ненагляднаго.

Когда Селинова кончила свою просьбу, Бартоломей перевелъ ее, какъ сумѣлъ. Покоряясь предразсудкамъ времени и сердцу своему, Антонъ не смѣялся надъ нею. Онъ самъ былъ твердо убѣжденъ, вслѣдъ за своими наставниками, что существуетъ тайная наука, которая разъединяетъ и совокупляетъ полюсы душевные. Сверхъ того, по добротѣ своей, могъ ли онъ смѣяться надъ чувствомъ, столь искреннимъ и сильнымъ, что заставило молодую женщину, забывъ стыдъ, придти молить незнакомца о помощи? Но какъ помочь? Къ сожалѣнію, Антонъ не зналъ тайной науки. Отказать же Селиновой—привести ее въ отчаяніе. Время, думалъ

онъ, принесетъ ей лучшее исцѣленіе: отдѣлаюсь временемъ, разскажу, что на исполненіе требуемой чары нужно два, три новолунія, смотря по обстоятельствамъ, нужно близкое знакомство съ Хабаромъ, съ гречанкою.

Такъ и сдѣлалъ онъ. Только, въ прибавку къ своимъ обѣщаніямъ, бралъ ее за бѣлыя руки, сажалъ на скамью, утѣшалъ ее, обѣщалъ ей всякую помощь. И пригожая вдова, успокоенная ли его обѣщаніями, или новымъ чувствомъ къ пригожему иностранцу, или желаніемъ отомстить прежнему другу, вышла отъ лекаря почти утѣшенная. Недаромъ говоритъ старинная пѣсня: «молода вдова плачетъ, что роса падетъ; взойдетъ красно солнышко, росу высушитъ».

Пословица: «черезъ часъ по ложкѣ», вмѣсто того, чтобъ сбыться ей надъ паціентами, сбывалась надъ самимъ лекаремъ. Ужъ, конечно, не прописывалъ онъ никому такой горькой микстуры, какую Бартоломей заставлялъ его глотать при каждомъ своемъ посѣщеніи. На слѣдующій день опять пріемъ, опять появленіе переводчика. Съ нимъ бояринъ Мамонъ. Ничего добраго не обѣщаетъ соединеніе этихъ двухъ лицъ. Но книгопечатникъ порядочно напуганъ врачомъ: придетъ ли онъ снова просить о какомъ-нибудь вздорѣ?

Полно, такъ ли!.. Повадился кувшинъ по воду, тутъ ему и разбиться. Не деньги, не подарки любитъ переводчикъ за посредничество; нѣтъ, его страсть угождать другимъ, какъ бы то ни было, кому бъ то ни было, хоть со вредомъ себѣ. Онъ готовъ налгать на другого, на себя, лишь бы впутаться въ угожденіе. Что Антона *въ нѣмцахъ* зналъ онъ самъ старичкомъ, худенькимъ, сѣденькимъ, лѣтъ ста, что Ан-

тонъ величайшій кудесникъ—дѣлаетъ стариковъ молодыми, привораживаетъ холодныя и невѣрныя сердца, заговариваетъ дерево, желѣзо, домъ, пожалуй цѣлый городъ—эти вѣсточки все сочиненьеце Бартоломея. О, коли выдумывать, такъ мы шутить не любимъ! Вѣрь, или не вѣрь, это не его дѣло. А что ему вѣрили, такъ доказывали все паціенты, которыхъ приводилъ онъ къ молодому врачу Новымъ свидѣтельствомъ этому бояринъ Мамонъ. Самъ сынъ колдуньи, сожженной можайскимъ великимъ княземъ за сообщеніе ея съ нечистымъ, напуганный ужъ предложеніемъ лекаря помѣняться кровью съ маленькимъ дьякомъ, бояринъ прибѣгаетъ нынѣ къ чарамъ басурмана. Знать, нужда кровная. И не бездѣльная таки! Онъ пришелъ просить, во-первыхъ, привлечь до безумія сердце Анастасіи къ къ его сыну, во-вторыхъ, заговорить желѣзо въ пользу его самого и этого несчастнаго, горемычнаго сына, на случай судебнаго поединка.

— Что угодно барону?—спросилъ Антонъ.

Мамонъ былъ не трусливаго десятка, но оробѣлъ, когда надо было ему прибѣгнуть къ помощи сверхъестественной силы. Дрожа, онъ указалъ на толмача.

— У барона,—прервалъ Бартоломей, вспомнившій крутой нравъ лекаря и потому желавшій выпутаться по-добру по-здорову изъ подвига угожденія, на которое отважился,—у барона... какъ видите... завалъ въ печени.

— Я ничего не вижу,—перебилъ лекарь.

— Какъ вы узнаете, хотѣлъ я сказать. Потомъ по временамъ головокруженіе и замираніе сердца, по-временамъ, что-то въ родѣ чахотки и опять по-временамъ что-то въ родѣ водяной, по-временамъ...

— По-временамъ не смерть-ли ужъ? Или всѣ эти болѣзни должны существовать въ воображеніи барона, или вы, господинъ переводчикъ — не взыщите — изволите перевирать. Сколько могу судить по глазамъ и лицу паціента, облитымъ шафраннымъ цвѣтомъ, у него просто развитіе желчи. И потому совѣтую ему главное: укротить какъ можно порывы гнѣва, и при этомъ употреблять (то и то...).

Здѣсь Антонъ совѣтовалъ ему употреблять настой изъ разныхъ травъ, очень извѣстныхъ, и которыя, вѣроятно, можно найдти въ окрестностякъ Москвы.

Бартоломей перевелъ это Мамону слѣдующимъ образомъ.

— Достань, боярнъ, на молодой мѣсяцъ двѣ молодыя лягушки разныхъ половъ, держи ихъ вмѣстѣ, гдѣ разсудишь, три дня и три ночи, днемъ подъ лучомъ солнца, ночью подъ лучомъ мѣсяца; потомъ зарой ихъ живыхъ вмѣстѣ въ полночь, когда совершится полнолуніе, въ лѣсу, въ муравейникъ, а на другую полночь вынь изъ лягушки мужеска пола крючокъ, что у ней подъ сердцемъ, а лягушку женскаго пола оставь въ муравейникѣ; этимъ крючкомъ вели сыну своему задѣть дѣвушку, имя рекъ...

Лекарь покачалъ головой и сказалъ.

— Ты обманъ.

— Обманъ! обманъ!—закричалъ кто-то за дверью— и бѣдный переводчикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ незапнымъ нападеніемъ, трясясь какъ листъ, ни живъ, ни мертвъ, остановился на волшебномъ имрекѣ. Онъ не имѣлъ силъ пошевелить языкомъ, не смѣлъ оборотиться.

Дверь растворилась; изъ нея пахнуло на страдальца

смертнымъ холодомъ. Обличитель стоялъ за ней, слѣдственно все слышалъ. Онъ появился, вооруженный пламеннымъ мечомъ улики. Это былъ Андрюша. Увернуться некуда. Бартоломей посмотрѣлъ на своего судью... въ этомъ взглядѣ соединялись колѣнопреклоненіе, мольба, упованіе, щемленіе сердца, пытка. Этотъ взглядъ былъ такъ краснорѣчивъ, что Андрюша поколебался спасти несчастнаго. Но, вспомнивъ, что орудіемъ обмана былъ его другъ и что пора, однимъ разомъ, кончить всѣ продѣлки съ нимъ переводчика, онъ бросилъ этого на жертву обманутыхъ.

— Если господинъ придворный толмачъ — сказалъ сынъ Аристотеля — также вѣрно переводитъ великому господину нашему нѣмецкія бумаги и переговоры съ послами, можно поздравить Русь не съ одной парой лягушачьихъ глазъ. На колѣна сейчасъ, сей мигъ, господинъ Бартоломей, и моли о прощеніи. Счастливъ еще будешь, если лекарь и бояринъ великокняжескій вытолкаютъ тебя въ шею съ тѣмъ, чтобы ты никогда не являлся къ нимъ.

Покорный гнѣвному взору и приказу малютки, несчастный книгопечатникъ палъ на колѣна, скрестивъ жалостно руки на груди и потупивъ глаза въ землю. Онъ не имѣлъ слова въ оправданіе свое.

Андрюша объяснилъ другу своему и боярину, какъ онъ, преслѣдуя Бартоломея, котораго ужъ давно имѣлъ на счету лжеца, подслушалъ его переводъ, и какъ былъ переводъ вѣренъ. Изобличенный въ обманѣ, толмачъ признался и въ тѣхъ плутовскихъ слухахъ, которые распустилъ въ Москвѣ о нѣмецкомъ лекарѣ. Мамонъ бросился было на обманщика, чтобы хорошенько подушить его, но Эренштейнъ защитилъ бѣд-

няка, прося боярина удовольствоваться однимъ наказаніемъ страха и упиженія. При этомъ случаѣ маленькимъ, краснорѣчивымъ переводчикомъ передано боярину, сколько ошибаются жители Москвы, почитая лекаря за колдуна; что наука снабдила его только знаніемъ естественныхъ силъ и употребленія ихъ для пользы человѣка; что хотя и существуютъ въ мірѣ другія силы, притягательныя и отталкивающія, изъ которыхъ человѣкъ, посвященный въ тайны ихъ разложенія и соединенія, можетъ дѣлать вещи, съ виду чудесныя для невѣдѣнія, однако онъ, Антонъ-лекарь, къ сожалѣнію, не обладаетъ познаніемъ этихъ силъ, а только самъ ищетъ ихъ. И потому долженъ онъ отказывать всякому, кто будетъ просить объ ихъ помощи. Но какъ врачъ, онъ надѣется, съ помощію Божьей и науки, которая также даръ Господень, исцѣлять больныхъ, и готовъ, безъ различія времени, погоды, безъ всякихъ видовъ корысти, служить всякому, кто будетъ только имѣть въ немъ нужду.

Тѣмъ кончилась и эта неудачная консультація.

— Видно, и мнѣ суждено обжигать кирпичи,— грустно сказалъ лекарь своему маленькому другу, когда бояринъ и за нимъ книгопечатникъ удалились.

— Поднять хвораго съ одра?—думалъ усмѣхаясь Мамонъ,—что поетъ намъ этотъ лекаришка!. Кому рокомъ уложено жить, тотъ изъ проруби вынырнетъ, изъ подъ развалинъ дома выпрыгнетъ и въ гробу встанетъ; кому суждено умереть, того и палка Ивана Васильевича не подниметъ. Выростилъ бы бороду, да спознался бъ съ лукавымъ! Вотъ этотъ, батюшка, и сотню нѣмецкихъ лекарей заткнетъ за поясъ. Лучше пойдти *къ лихой бабѣ* или къ жиду съ Адамовой книгой.

Между тѣмъ бояринъ, мотая себѣ на усъ невѣжество лекаря въ чародѣйствѣ, далъ также себѣ слово молчать объ этомъ.

— Пускай слыветъ онъ кудесникомъ, который знается съ нечистыми,—говорилъ самъ себѣ бояринъ, сходя съ крыльца.—похлопочу и я расплодить эти слухи. Чѣмъ ужаснѣе выставимъ поганаго нѣмчина, тѣмъ горьше будетъ для моего пріятеля постоялецъ его. А, Ненасыть!—сказалъ онъ, взглянувъ на высокаго, блѣднаго, какъ мертвецъ, мужика, стоявшаго на крыльцѣ:—ты зачѣмъ сюда?

— Къ Антону-лекарю, вѣстимо полечиться.

— Ступай, ступай; бѣсъ этотъ посильнѣе твоего, что сидитъ въ тебѣ,—разомъ поборетъ и выгонитъ.

Не успѣлъ еще бояринъ кончить этихъ словъ, какъ услышалъ изъ сѣнныхъ дверей голосъ Андрюши, зовущій больного.

Ненасытя звали такъ по роду болѣзни его. Онъ ѣлъ много, невѣроятно много, иногда столько, сколько могли бы съѣсть до-сыта четверо здоровыхъ, и все былъ голоденъ. Лицо его выражало болѣзненность глубокую; между тѣмъ глаза имѣли какую-то необыкновенную, двойственную живость и блескъ, какъ будто черезъ нихъ смотрѣли два существа, ошибкою природы помѣщенныя въ одномъ тѣлѣ. Эта двойственность глазъ поразила врача. Вотъ что, на спросы его, разсказалъ Ненасыть о своей болѣзни:

«Онъ извозничалъ. Разъ, въ ночные часы, случилось ему остановиться съ своимъ обозомъ на деревенскомъ постояломъ дворѣ, куда, почти вмѣстѣ съ нимъ, въѣхалъ на двухъ лошадяхъ купецъ изъ дальней стороны. Повидимому, этотъ человѣкъ очень любилъ

своихъ коней, потому что самъ ѣлъ какъ монахъ первыхъ христіанскихъ временъ, а своему животу—такъ онъ называлъ конеи—задавалъ то и дѣло овса и радовался, что они на этой стойкѣ много кушаютъ. Объ одномъ только горевалъ купецъ, почему судьба не надѣлила его такимъ богатствомъ, чтобы онъ могъ кормить ихъ ярою пшеницею, поить медовой сытой, холить на шелковыхъ лугахъ, любоваться ими, не обременяя ихъ ѣздою. Повидимому, онъ былъ простъ, или христіанинъ хорошій, потому что вѣрилъ честности ближняго, какъ своей душѣ. Эти замѣчанія, приправленныя обольщеніемъ лукаваго, соблазнили извозчика на худое дѣло. Лишь только купецъ съ отеческою заботливостью успѣвалъ задать любимцамъ своимъ доброе угощеніе и уходилъ въ избу, сытый и довольный за нихъ, извозчикъ провожалъ его глазомъ въ дверь, а самъ выгребалъ отъ нихъ овесъ своимъ лошадямъ. Купленный имъ на постояломъ дворѣ кормъ оставался у него въ запасѣ, лошадки его ѣли до отвалу, между тѣмъ кони купца, дорогіе, ненаглядные питомцы его, его радость и услада въ жизни, едва хватили нѣсколько зеренъ. Постояльцы съѣхали со двора, перекрестясь и пославъ другъ другу обычное христіанское привѣтствіе, довольные другъ другомъ. Какъ пріѣхали они, каждый съ своей стороны, такъ и разъѣхались въ разныя стороны. Съ того времени о купцѣ не было и слуху. Сначала извозчикъ въ душѣ своей досыта насмѣялся надъ нимъ; далѣе и далѣе, въ ней начало темнѣть и наконецъ сдѣлалось черно, какъ въ волчьей пасти. Тутъ было ужъ не до смѣха. Особенно съ одного дня пришло ему тошнехонько. Въ этотъ день находился онъ, по обыкно-

венію, въ дорогѣ Было время вечернее. Духота и жаръ налегли на землю: такъ иногда во снѣ давитъ нечистый, и не имѣешь силъ отъ него освободиться. Небо, казалось, обито было раскаленнымъ желѣзомъ; вдали огни то бѣгали змѣйкою, то разсыпались кубаремъ. Песокъ по колѣна; горбатыя уродливыя сосны на стражѣ дороги Думаешь, отъѣхалъ отъ нихъ; посмотришь, тутъ какъ тутъ, и киваютъ косматой головой, и лѣзутъ на тебя крючковатыми руками. Страшно! извозчикъ одинъ Хоть бы повѣяло откуда жильемъ! Усталость, жажда мучатъ его. Въ груди у него горитъ, губы пересохли. Но вотъ молнія освѣтила стальную поверхность болотнаго озера, похожаго на помойную яму Извозчикъ къ нему: Густая ржавчина подернула его кроваво-зеленой пеленой, которую рѣжутъ въ разныхъ направленіяхъ отвратительныя насѣкомыя, быстро скользя по ней, будто на конькахъ, или прорываютъ пузыри, вздуваемые педводными жителями. Страшно заглянуть въ эту лужу, не только что испить изъ ней. Чтожъ дѣлать? жажда пересиливаетъ отвращеніе. Извозчикъ черпнулъ шляпою воды; дунувъ по ней, погналъ нечистую пелену на край, перекрестился и, зажмуривъ глаза, выпилъ. Въ этотъ мигъ, невѣдомо почему—отчета дать не можетъ—вспомнилъ онъ о купцѣ и коняхъ его. Стало ему тяжко на сердцѣ; черезъ три дня онъ почуялъ, будто камень у него лежитъ на груди, подъ ложкой, и камень этотъ, словно живой, ворочается и сосетъ ему сердце.»

— А! понимаю, — радостно сказалъ Антонъ, какъ бы невидимо кто разгадалъ ему чудную задачу, надъ которою онъ ломалъ себѣ голову, — однакожъ, продолжай.

Извозчикъ продолжалъ, переводя повременамъ духъ, будто отдыхалъ послѣ подъема тяжелой ноши. Прижавшись къ лекарю, слушалъ его Андрюша и переводилъ разсказъ по-италіянски. Антонъ съ жадностью подбиралъ каждое слово.

— Съ того часа — говорилъ Ненасыть — нигдѣ не нахожу себѣ мѣста, а пуще всего не могу наѣсться до-сыта, хоть бы съѣлъ ковригу хлѣба съ человѣчью голову и цѣлаго барана. Ходилъ къ вѣдямъ—вѣди тотчасъ узнали, что я выгребъ овесъ у чужихъ лошадей; пособить мнѣ ничѣмъ не могли. Гдѣ я ни былъ, вездѣ говорили то же; сколько денегъ ни потратилъ на снадобья, сколько овса ни прокормилъ чужимъ лошадямъ, какой службы ни служилъ я въ монастыряхъ, все не въ помощь мнѣ. Вездѣ называютъ меня «Ненасытемъ»; слово это сдѣлалось браннымъ; мальчики дразнятъ меня этимъ недобрымъ словомъ и бросаютъ въ меня каменьями. Видишь эту пятерню... (онъ показалъ свою исполинскую руку); могъ бы сплюснуть любого; да чтожъ въ томъ? (Ненасыть покачалъ головой) и не отмахиваюсь отъ нихъ. Въ груди у меня камень, тяжелѣй тѣхъ, что въ меня кидаютъ; тамъ, видно, засѣлъ... Слышишь, какъ ворчитъ, слышишь? и тамъ называютъ меня Ненасытемъ... Охъ, тяжело, такъ тяжело, хоть бы съ бѣлымъ свѣтомъ разстаться!.. Помоги, добрый человѣкъ, выгони его изъ меня. Пойду къ тебѣ въ кабалу по окончаніе живота моего, хоть и говорятъ, что ты поганый латынщикъ, что ты нѣмецкій басурманъ хуже всѣхъ татарскихъ.

И Ненасыть, кончивъ свой разсказъ, плакалъ, горько плакалъ.

Сдѣлавъ ему надлежащее врачебное свидѣтельство, Антонъ сказалъ:

— Да, въ тебѣ гнѣздится живая тварь. Съ Божіею помощію, я выгоню изъ тебя поганое животное, и ты будешь здоровъ. Молись Пречистой, и когда Фрязъ Аристотель будетъ строить ей храмъ, въ очищеніе души своей отъ грѣха, который тебя тяготитъ, потрудись надъ основаніемъ алтаря.

Ненасыть обѣщалъ, и съ живою вѣрою отдалъ всего себя волѣ врача. Леченіе было успѣшно. На другой день вышла изъ него жаба, которую онъ, вѣроятно, проглотилъ въ зародышѣ со стоячею водой. Исцѣленный, онъ вездѣ разносилъ похвалу лекарю Антону и въ ежедневныхъ молитвахъ своихъ упоминалъ съ благодарностью имя нѣмца, прося Бога обратить его въ православіе. Люди русскіе толковали это врачеваніе по-своему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОЧАРОВАНІЕ

Леталъ соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По чистому по березничку,
Залеталъ соловьюшка
Во зеленый садъ незнаючи;
Садился соловьюшка
На вѣточку не вѣдаючи.
Ужъ та ль вѣточка приманчивая,
Ужъ та ль зеленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочетъ съ ней и разстаться.

Что дѣлалось въ это время на другой половинѣ каменныхъ палатъ? Пора и туда заглянуть.

Пребываніе басурмана въ палатахъ Образца одѣло ихъ какимъ-то мракомъ; казалось, на нихъ начерченъ былъ знакъ отверженія. Зато все въ домѣ кляло и ненавидѣло поганаго нѣмчина: каждый день ходили новые слухи о связи его съ нечистымъ или о его худыхъ дѣлахъ. То видали, какъ бѣсъ влеталъ къ нему черезъ трубу падучею звѣздою, или таскались къ нему по ночамъ молодыя вѣдьмы. То наказывали отцамъ и матерямъ прятать отъ него дѣтей, особенно пригожихъ; онъ-де похищаетъ ихъ, чтобы пить ихъ кровь, отъ которой молодѣетъ и хорошѣетъ. То повѣряли другъ другу за тайну, что онъ заговорилъ Мамону

желѣзо на случай судебнаго поединка, что онъ вызвалъ нечистый духъ изъ Ненасытя въ видѣ жабы, которую держитъ у себя въ склянницѣ для перваго, кто ему не понравится; что, проходя мимо церкви, боится даже наступить на тѣнь ея. Видали нерѣдко, какъ дьякъ Курицынъ, величайшій изъ еретиковъ, посѣщалъ его, когда люди ложатся спать, и проводилъ съ нимъ цѣлыя ночи въ дѣлахъ бѣсовскихъ, и какъ въ полночь нечистый вылеталъ отъ него изъ трубы дымнымъ клубомъ. Умирали холопъ или рабыня въ домѣ— виноватъ былъ басурманъ; хворала домашняя скотина— *хозяинъ* домовой не полюбилъ басурмана. Вынуждены были достать *живого огня* (растираніемъ двухъ кусковъ дерева, замѣтьте, вечеромъ, когда въ домѣ не засвѣчали еще ни одного огня и залитъ былъ тотъ, который оставался въ печахъ); развели костеръ и заставили каждую скотину, перепрыгивая черезъ него, очищаться отъ навожденія вражьяго. Всѣ жильцы каменныхъ палатъ (разумѣется, на боярской половинѣ) приходили черпать изъ этого священнаго костра и зажигали въ немъ свои свѣточи. Новый *живой огонь* разбѣжался по дому и освѣтилъ его снова здорово. Хорошо еще, что сердце *хозяина* улеглось отъ очистительной потѣхи. Съ этого времени четвероногіе пользовались вождѣленнымъ здравіемъ. Съ этого времени и въ палатахъ стали *мести на ночь*, чтобы ангеламъ-хранителямъ, въ ночную тишь, любо и привольно было обхаживать спящихъ, чтобы они не запнулись обо что и за то не разгнѣвались.

Образецъ не зналъ, какъ освободиться отъ такого постояльца, и не видѣлъ конца своему басурманскому плѣненію. Просить Ивана Васильевича о разрѣшеніи

узъ своихъ, не смѣлъ. Антонъ-лекарь каждый день болѣе и болѣе входилъ въ милость великаго князя. Въ горѣ своемъ бояринъ нерѣдко сравнивалъ себя съ многострадальнымъ Іовомъ, котораго всѣ язвы, казалось, готовъ онъ былъ принять вмѣсто этого плѣна.

Недокрещенцу, слугѣ Антона, очень понравилось у него. — «Свой своему поневолѣ братъ», — говорили на половинѣ боярской, и паробку не позволяли ни подъ какимъ предлогомъ являться на эту половину. Самого Андрюшу, полюбившаго басурмана, принималъ Образецъ не такъ ласково, какъ бывало, и требовалъ, чтобы онъ, приходя къ нему, дѣлалъ умовеніе. Одна Анастасія любила попрежнему своего крестника, и еще болѣе прежняго находила удовольствіе съ нимъ бесѣдовать. О комъ же—отгадаете-ль?—о басурманѣ.

О басурманѣ?.. Можетъ ли статься!

Вотъ видите, добрые люди, Анастасія была очарована.

Волшебникъ околдовалъ ее съ перваго раза, какъ она увидѣла его: въ этомъ Анастасія твердо убѣждена была. Иначе какъ же объяснить, что чувствовала къ нѣмчину, который знается съ нечистыми? Кому ужъ, какъ не ей, твердили столько худого на счетъ басурмана! И чтожь? сколько мамка ни берегла ее отъ худого глаза, умывая водой, на которую пускала четверговую соль и уголья; какъ ни охраняли рои сѣнныхъ дѣвушекъ, что ни говорили ей въ остереженіе отецъ, домашніе и собственный разумъ, покоренный общимъ предразсудкамъ, но поганый нѣмчинъ, латынщикъ, чернокнижникъ, лишь съ крыльца своего, и Анастасія находила средства отдалить отъ себя мамку, дѣвичью стражу, предразсудки, страхъ, стыдливость—

и тутъ какъ тутъ, у волокового окна своей свѣтлицы.

Замѣтьте, волоковое окно есть особенная характеристическая принадлежность русскаго народа. Еще и въ наше время принудьте мѣщанина, крестьянина сдѣлать у себя на зиму двойныя рамы: онъ хоть и сдѣлаетъ ихъ, но все-таки оставитъ одно окно свободнымъ, которое можетъ отодвигать и задвигать, когда ему вздумается. Безъ этого окна онъ у себя дома, какъ въ тюрьмѣ: ему грустно, ему душно; онъ скорѣй согласится выбить стекло. Что ему до мороза, желѣзному сыну Сѣвера? Окутанный снѣгами, онъ и въ жестокій морозъ отворяетъ свое дорогое окошечко, и черезъ него любуется свѣтомъ Божіемъ, ночнымъ небомъ, усыпаннымъ очами ангеловъ, глазѣетъ на мимоходящихъ и ѣдущихъ, слушаетъ сплетни сосѣдей, прислушивается съ какимъ-то умилительнымъ соучастіемъ къ скрипучему оттиску шаговъ запоздалаго путника по зимней дорогѣ, къ далекому, замирающему въ снѣжной пустынѣ звону колокольчика—звукамъ, имѣющимъ грустную прелесть для сердца русскаго.

Въ заточеніи Анастасіи волоковое окно, замѣнявшее фряжское, было также ея усладою. Оно сдѣлалось роковымъ съ той поры, какъ она увидѣла черезъ него молодого, пригожаго иноземца. Невольно, несмотря на строгія запрещенія, глядѣла черезъ его скромное, одинокое стеклышко, или осмѣливалась даже отодвинуть его, такъ однакожъ, чтобы ея не было видно. Стеклышко было всегда чисто; а когда сердитый морозъ пушилъ его своимъ дыханіемъ, чего не дѣлала она, чтобы согнать съ него снѣжную оболочку!

Вотъ онъ, этотъ чародѣй, вотъ пригожій иноземецъ! Какъ огонь его голубыхъ глазъ пожираетъ пространство! какъ бѣлизна лица его споритъ со снѣгомъ, когда разливается по немъ огненная заря! Какой стройный, могучій станъ, молодецкая походка! Какъ пристала къ нему богатая его одежда! Сильно бьется сердце Анастасіи, будто хочетъ вырваться изъ груди и полетѣть къ нему, то расцвѣтетъ, то заноетъ. Она любуется имъ, провожаетъ его до воротъ, какъ вѣрная рабыня, проводомъ своихъ очей, глотаетъ горячіе слѣды его. Вотъ брякнуло кольцо — онъ исчезъ... Сердце замерло, какъ будто потонулъ онъ въ вѣчности. Грустно, такъ грустно, хоть бы бѣлаго свѣта не видать. Но придетъ опять очаровательъ!.. И Анастасія ждетъ его минуты, часы, иногда цѣлый день. Бѣдная лишилась и пищи, и если вкушаетъ ее, такъ для того только, чтобы скрыть отъ домашнихъ свою душевную болѣзнь. Да она больна, она очарована.

Часто спрашиваетъ себя о причинѣ своей тоски, требуетъ у сердца отчета, почему оно любитъ иноземца, басурмана, котораго гнушаются всѣ добрые люди и клянетъ отецъ, чью вѣру прокляли святые отцы на Соборѣ. Очарованіе!—говоритъ ей разсудокъ: другой причины нѣтъ и не можетъ быть. Нерѣдко прибѣгаетъ она къ Божіей Матери, съ горячими слезами молитъ Ее спасти отъ сѣтей лукавого. Минуты двѣ, три спокойна, и опять образъ пригожаго иноземца, словно живой, передъ нею, сидитъ съ нею рядомъ, держитъ ея руку въ своей. Сомкнула ли глаза, — то же самое неземное существо, котораго видѣла въ сонныхъ грезахъ дѣтства, то самое, только съ очами, съ улыбкою нѣмчина. лежитъ у ногъ ея, сложивъ бѣлыя

крылья. Проснется, и тоска въ сердцѣ, будто жало, сидитъ въ немъ. Часто слышитъ она очаровательные звуки (Антонъ игралъ на лютнѣ). Это самые тѣ небесные голоса, тѣ гусли-самогуды, которыя въ сонныхъ видѣніяхъ ея дѣтства такъ сладко пѣли надъ сердцемъ ея.

Иногда Андрюша приходитъ отъ лекаря къ своей крестной матери. Бесѣды съ крестникомъ всѣ о немъ одномъ, объ очарователѣ. Андрюша съ жаромъ разсказываетъ, какъ другъ его добръ, ласковъ, чувствителенъ, старается всѣми доводами сердечной ласки доказать ей несправедливость худыхъ слуховъ о немъ, клянется ей всѣмъ, что для малютки священнѣе въ мірѣ, что Антонъ не колдунъ, не басурманинъ-татаринъ, а христіанинъ, какъ русскіе, только не-русской вѣры. Анастасія хотѣла бъ вѣрить и не смѣетъ, не сможетъ. Онъ не чародѣй? Почему жъ она его любитъ, когда онъ не сказалъ ей словечка, не взглянулъ даже на нее хоть разъ!.. Что онъ христіанинъ и не-русской вѣры, не носитъ *тѣльника* (креста на груди), бѣдная никакъ не можетъ согласить, никакъ не въ состояніи понять этого. Только когда Андрюша собирается отъ нея опять къ лекарю, Анастасія даритъ на прощаніе своего крестника сладкимъ поцѣлуемъ и невольно, атласною ручкою, осѣняетъ его крестомъ. Не хотѣла ли передать то и другое иноземцу?..

И все о пригожемъ иноземцѣ, и вездѣ, во всякое время, только онъ.

Рѣшено, она больна, она очарована.

А молодой врачъ, весь преданный наукѣ, забылъ есть ли на свѣтѣ какая Анастасія.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Пришелъ день Благовѣщенія. По городу разостлался звонъ колоколовъ. Почти все живущее на половинѣ боярской хлынуло въ храмы Божьи. Осталась Анастасія съ вѣрною мамкою, нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ и другихъ дворчанъ. И мамка, и дѣвушки, и прочіе служители, всѣ по своимъ угламъ, затепливъ передъ иконами свѣчи, молились. Помолилась Анастасія, и сѣла потомъ у рскового окна. Какая-то святая тишина налегла на весь домъ: ни дверь не стукнетъ, ни кольцо въ ворота не брякнетъ, и слово неосторожное не канетъ въ эту глубокую тишь. Нарушить ее—святотатство. На половинѣ у Антона тоже спокойствіе и безмолвіе. Онъ грустно сидѣлъ у своего окна. Не вспомнилъ ли моленіе съ единовѣрцами въ храмахъ своего второго отечества, Италіи, дружеское пожатіе руки ученымъ мужемъ, привѣтливую улыбку и огненный взоръ дѣвы, ласки и благословенія матери? Не почувствовалъ ли грубое отчужденіе свое отъ семейной жизни въ Москвѣ и свое одиночество?

Тихо въ домѣ, какъ въ пустынѣ. Наконецъ онъ слышитъ надъ собой шаги... шаги дѣвушки и, какъ сказывали ему, прекрасной, милой, доброй. Сколько привлекательнаго роится около нея! Она одна, онъ также. Словно они одни въ домѣ, одни въ свѣтѣ. Не понимаютъ ли другъ друга? не сообщаются ли ихъ души чрезъ эту легкую перегородку, ихъ раздѣляющую? Почему знать!.. Говорилъ же онъ когда-то Андрюшѣ, что «между ними и Анастасіей существуетъ магическій, тройственный союзъ». Зачѣмъ разрушилъ онъ этотъ союзъ равнодушіемъ къ нему?.. Мечты о немъ могли бы расцвѣтить мрачные часы его жизни. Почему нѣтъ съ нимъ Андрюши, чтобы пого-

ворить о прекрасной Анастасіи, перенять отъ него поцѣлуи ея и благословенія, и вновь скрѣпить этотъ тройственный союзъ?

Запѣли снова колокола; моленіе въ нѣкоторыхъ церквахъ кончилось.

Андрюша на поминѣ легокъ. Нынче его предупреждаютъ разнородное щебетаніе и чиликаніе птицъ. Весь запыхавшись, разрумяненный, влетаетъ онъ въ комнату. Въ рукахъ держитъ онъ торжественно трофей нынѣшняго дня — огромную клѣтку со множествомъ пернатыхъ. Все чижики, жаворонки, зяблики, все вѣстники благодатной весны. Это подарокъ Андрюшѣ отъ дѣтей великокняжескихъ. Бѣдные плѣнники такъ и бьются въ своемъ тѣсномъ заточеніи. — Что хочешь съ ними дѣлать? — говорилъ Антонъ.

— Окно, отвори окно! — кричитъ въ восхищеніи малютка. — Развѣ не знаешь! нынѣ Благовѣщеніе

Антонъ съ удовольствіемъ покоряется волѣ своего маленькаго друга. Окно отворено, и черезъ него хлынулъ въ комнату свѣжій, весенній воздухъ; солнце бросило въ нее горсти ослѣпительнаго золота, какъ бы радуясь своему первому годовому празднику. Сотни птичекъ рѣяли въ воздухѣ туда и сюда, щебетали, пѣли на деревьяхъ, наигрывавшихъ уже почку [1]), на кровляхъ, на заборахъ. Никогда еще Антонъ не видалъ въ городахъ такого многочисленнаго собранія птицъ.

---

[1]) Г. Булгарину кажется это выраженіе не русскимъ. Пускай спроситъ онъ перваго ростовскаго огородника, перваго русскаго мужичка, и опять устыдится своего незнанія. Впрочемъ, гдѣ-жъ было ему ознакомиться съ народнымъ русскимъ выраженіемъ!

— Слышишь, какъ онѣ празднуютъ свободу свою, какъ онѣ благовѣстятъ? — сказалъ Андрюша. — Нынче выпускаютъ на волю крылатыхъ узниковъ; нынче выкупаютъ изъ тюрьмы и людей, которые содержатся тамъ за долги.

— Какое прекрасное обыкновеніе, — сказалъ лекарь, — оно миритъ меня съ русскими. Правду говоритъ твой отецъ. «подъ грубою оболочкою ихъ нравовъ скрывается много прекрасныхъ качествъ».

Между тѣмъ Андрюша отворилъ дверцы клѣтки.

— Ступайте и вы благовѣстить, — промолвилъ онъ, и плѣнники его, одинъ передъ другимъ, тѣсня другъ друга, спѣшили высыпать изъ своего заточенія. Многіе тотчасъ скрылись изъ виду; иные, какъ будто удивляясь неожиданной свободѣ своей, сѣли неподалеку, охорашивая крылышки и осматриваясь. Только на днѣ клѣтки, за особенною перегородкою, осталась одна птичка. Долго смотрѣлъ на нее Андрюша съ сожалѣніемъ и нерѣшительностью. — Эта пѣла у меня такъ хорошо цѣлую зиму, — грустно сказалъ онъ.

Антонъ ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ ему въ глаза, какъ бы упрашивая за бѣднаго плѣнника. Малютка, съ быстротой молніи, понялъ его.

— Правда, — промолвилъ онъ, — пѣвецъ веселилъ меня такъ долго, тѣмъ скорѣе и выпустить его надо. Но этому пускай дастъ свободу моя крестная мать: онъ такъ пригожъ.

И мальчикъ исчезъ съ своимъ дорогимъ пѣвцомъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Антонъ услышалъ, что вверху, въ свѣтлицѣ надъ нимъ, отворяютъ окно. Онъ высунулъ голову далеко изъ своего окна, взглянулъ на верхъ... Сперва мелькнула бѣлая ручка, изъ которой

выпорхнула пташка, а потомъ обрисовалось лицо женщины (онъ въ жизнь свою ничего прекраснѣе не видывалъ), и потомъ палъ на все его существо тяжкій, волшебный взоръ карихъ очей. И мигомъ исчезло прекрасное видѣніе. Будто обезумленный, онъ остолбенѣлъ, въ глазахъ его помутилось. Опомнясь, Антонъ старался привести свои мысли въ порядокъ. Что видѣлъ онъ? Земное ли существо, или жителя неба?.. Онъ помнитъ чудный очеркъ лица, и вспышку румянца по немъ, и томный, огненный взглядъ, и темнорусую, длинную косу, неосторожно выпавшую изъ окна, и бѣлую ручку. Все это врѣзалось въ его сердцѣ. Мы сказали ужъ, что онъ не любилъ ни одной женщины, тѣмъ сильнѣе было новое чувство, вдругъ охватившее его. Оно было вмѣстѣ и чувство одиночества, жизни на чужбинѣ, жажда души пламенной, любящей, но сокрытой доселѣ подъ холодною корою наружности и обстоятельствъ, жажда сообщиться съ душою, его понимающею, перенести свои ученыя надежды, едва ли не обманутыя, свое влеченіе къ прекрасному на живое существо. Родникъ сотни лѣтъ скрывался подъ тяжелымъ утесомъ; ударилъ въ этотъ утесъ молотъ грозы, и родникъ забилъ живымъ серебромъ. Попытайте остановить его. Вотъ вамъ любовь, какою любятъ въ первый и въ послѣдній разъ характеры сильные, необыкновенные. Можетъ быть, любовь романовъ, скажете вы, прибавьте—и XV вѣка, рѣзко отмѣченнаго печатью чрезвычайнаго и еще не сбросившаго съ себя желѣзной брони, закаленной въ огонь рыцарства.

Съ этого времени Анастасія для Эренштейна не существо воображаемое, имя это не соединеніе пу-

стыхъ звуковъ, не простое слово. Въ немъ соединена и красота земная, и красота небесная, доброта, умъ, чистота, сила души. Имъ славословитъ онъ природу, человѣчество, Бога; оно союзъ его съ Русью, ковчегъ его жизни и смерти Съ этого времени уединеніе его населяется; въ немъ живетъ Анастасія. Любовь его безотчетна. она вся въ своемъ источникѣ, въ сердцѣ; разсудокъ въ ней не участвуетъ. Любовь его чиста, какъ безоблачное небо Ни одинъ темный помыселъ не помутитъ этого чувствованія. Ничего не желаетъ онъ, кромѣ того, чтобы видѣть Анастасію, только смотрѣть на нее. Но боязнь ее оскорбить, навлечь на нее подозрѣніе, укрощаетъ въ немъ и это желаніе. Онъ не смѣетъ въ другой разъ открыть окно подъ свѣтлицей. Могутъ увидѣть отецъ, братъ, свои, посторонніе люди; могутъ подумать что-нибудь худое на счетъ дѣвушки. Но часто прислушивается онъ: не стукнутъ ли вверху окномъ? Нѣтъ, все тихо.

Выходя изъ дому и придя домой, не видитъ онъ болѣе Анастасіи; только иногда, возвращаясь къ себѣ, находитъ на крыльцѣ брошенную сверху вѣтку, перо попугая, которое было подарено Софьей Фоминишной маленькому любимцу великаго князя и перешло отъ Андрея къ дочери боярина. Разъ нашелъ онъ даже ленту изъ косы. Онъ понимаетъ, откуда дары, онъ понимаетъ эту нѣмую бесѣду, и счастливый, дорожитъ ею выше всѣхъ милостей Ивана Васильевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БѢГЛЕЦЪ

А Иванъ Васильевичъ особенно жаловалъ своего дворскаго лекаря. То пришлетъ сказать ему свое милостивое слово, то съ приказомъ *видѣть его* царскія *очи*, то съ блюдомъ со стола своего или съ поставомъ нѣмецкаго сукна на платье. Нерѣдко бесѣдуетъ онъ съ нимъ. Антонъ начинаетъ довольно хорошо изъясняться по-русски; однакожъ служатъ имъ переводчиками большею частью или Андрюша, или Аристотель, способствующій и радующійся отъ души возвышенію братнина воспитанника. Бесѣды ихъ чаще всего о дѣлахъ Италіи, такъ знакомой Эренштейну. Особенно любитъ великій князь слушать разсказы о томъ, какъ латинское царство, прежде столь сильное, нынѣ чахнетъ, раздѣленное на мелкія республики, и старается изъ этихъ разсказовъ, льстящихъ силѣ его характера, выводить для себя полезные уроки. Антонъ передаетъ ему, въ какомъ порядкѣ, съ недавняго времени, учреждена во Франціи почта и, по ея примѣру, въ нѣмецкихъ земляхъ.—Иванъ Васильевичъ заводитъ у себя почты, ямы. Антонъ объясняетъ ему и другія ново-

введенія въ Европѣ, и великій князь собирается и ими воспользоваться при первомъ случаѣ.

Такимъ-то посредничествомъ современное, сильное развитіе человѣчества на Западѣ находитъ въ чуткой душѣ Іоанна отзывъ, хотя и грубый, безотчетный, безсознательный, черезъ дочь Палеолога, пословъ нѣмецкихъ и русскихъ, художниковъ, лекарей, путешественниковъ. На Западѣ кабинетская дѣятельность властителей, переговоры ихъ черезъ довѣренныхъ людей, гимнастика ловкаго, хитраго ума, получившіе названіе политики, дипломатіи, начинаютъ замѣнять силу войскъ: этими орудіями мастерски пользуется и Иванъ Васильевичъ. Тамъ народы и государи ихъ сосредоточиваютъ свои силы: то же дѣлаетъ и великій князь русскій, соединяя воедино удѣлы. Тамъ идея царя облекается въ важныя, великолѣпныя формы и обряды, дѣйствующіе на чувства массъ: дворъ, мѣста, цѣлованіе руки, блестящій пріемъ пословъ чужеземныхъ, столы, снаряженіе дворцовъ, гербъ, титулъ— даютъ этой идеѣ олицетвореніе и у насъ. На Западѣ учреждается регулярное войско: Іоаннъ также устраиваетъ полки. Я сказалъ уже объ основаніи почты. Мы увидимъ также, что духъ умственной пытливости, давшій XV вѣку Виклефа, Гусса и наконецъ Лютера, сообщился и нашей Руси подъ видомъ жидовской ереси. Однимъ словомъ: тогдашняя жизнь Европы, хотя и подъ формами грубыми, доходила и до насъ. Не мое дѣло объяснять здѣсь, почему эта жизнь, послѣ Іоанна III, не получила у насъ такого отчетистаго, послѣдовательнаго развитія.

Мы сказали, что Иванъ Васильевичъ сосредоточивалъ силы свои и Руси. Тверь отдѣляла его отъ сѣ-

верныхъ областей: онъ рѣшилъ правдою и неправдою уничтожить эту преграду и соединить сердце Руси съ ея сѣверомъ. Приготовивъ заранѣе ревностныхъ себѣ доброжелателей въ Твери и, какъ мы видѣли въ первой части романа, причину къ объявленію войны ея князю, Иванъ Васильевичъ кликнулъ рать, чтобы докончить однимъ ударомъ то, что подрывалъ такъ долго хитростью.

И вскипѣла земля Русская.

Всѣла московская рать на коня, другой велѣно идти изъ Новгорода. Русскіе при Иванѣ Васильевичѣ вкусили уже *ратной чести* не однажды; было и нынѣ много *охотниковъ* искать ея. Огнестрѣльными орудіями управлялъ Аристотель, отторгнутый отъ великаго труда своего; художникъ снова преобразился въ *розмысла*.

Чтобы поручить это войско достойному вождю, ожидали въ Москву знаменитаго воеводу, *служебнаго* князя Даніила Дмитріевича Холмскаго. Болѣзнь, мнимая или настоящая, задерживала его въ дальнемъ помѣстьѣ. Мнимая, сказалъ я, и то не мудрено, потому, что онъ родомъ тверчанинъ, потомокъ тверскихъ князей долженъ былъ не охотно повиноваться приказу своего владыки, идти противъ родины своей.

И дворскому лекарю приказано всѣсть на коня. Онъ долженъ былъ сопутствовать великому князю, который собирался самъ идти съ войскомъ. Иванъ Васильевичъ, подъ щитомъ военачальника своего, безопасно хотѣлъ заслужить имя покорителя Твери. Съ удовольствіемъ получилъ Эренштейнъ этотъ приказъ, дававшій ему способы разсѣять хоть нѣсколько свои чувства къ Анастасіи и обѣщавшій ему возможность показать свои услуги человѣчеству. Въ этихъ наде-

ждахъ проявлялся и врожденный духъ рыцарства, который смирить не могло ни воспитаніе, ни скромное, мирное званіе лекаря. Природа невольно тянула его къ тому назначенію, съ котораго совратило мщеніе Фіоравенти. Надежды его питалъ и Аристотель, желавшій воспитаннику своего брата новыхъ почестей, новаго возвышенія.

Послѣ дня, проведеннаго на площадяхъ, гдѣ собирались полки, Антонъ легъ спать; но заснуть не могъ, волнуемый ли мыслью объ Анастасіи, мелькнувшей передъ нимъ, какъ прекрасное, волшебное видѣніе, или мыслью о походѣ, который представлялся пламенному воображенію его, его благородному сердцу, въ очаровательной картинѣ. Вдругъ, посреди этихъ мечтаній, не дававшихъ ему уснуть, слышитъ онъ на улицѣ странные крики. Кричатъ: — «лови! лови! здѣсь, сюда! къ палатамъ Образца! головой за него отвѣчаемъ!»

Антонъ отворяетъ окно на улицу. Ночь такъ темна, что городъ, кажется, скрытъ подъ сводомъ земнымъ; предметы слились въ одну черную массу. Едва можетъ онъ различить движеніе нѣсколькихъ фигуръ, то перескакивающихъ черезъ рѣшетки (или рогатки), то исчезающихъ во мракѣ. Онъ слѣдилъ ихъ болѣе слухомъ, нежели глазами

Вотъ ближе къ дому, что-то шевелится... что-то скребетъ по стѣнѣ и—передъ нимъ высокая, необыкновенно высокая фигура, загородившая собою почти все окно. Надобна нечеловѣческая сила и ловкость, чтобы взобраться по стѣнѣ на такую высоту. Эта мысль, внезапность чрезвычайнаго явленія, заставили Антона въ первую минуту испуга отодвинуться назадъ.

— Спаси, ради Господа, спаси!—говоритъ вполголоса неизвѣстный, и, не дожидаясь отвѣта, вскакиваетъ въ окно такъ быстро и сильно, что едва не сваливаетъ лекаря съ ногъ, потомъ осторожно запираетъ окно.

Антонъ не знаетъ что подумать объ этомъ явленіи, да и не имѣетъ времени. Высокая фигура стоитъ передъ нимъ, будто на ходуляхъ, ощупываетъ его, беретъ его за руку, жметъ ее и, запыхавшись, говоритъ вполголоса:

— Спаси... меня ловятъ *недѣльщики*... меня хотятъ заковать въ желѣза. Друже мой, ты ли это, или Иванъ Хабаръ?

— Нѣтъ, но все равно... Чего хочешь?—отвѣчаетъ лекарь, догадываясь, что несчастный, убѣгая отъ преслѣдованій, ищетъ скрыться у своего друга, Образца. «Другъ воеводы — думаетъ онъ — не можетъ быть злодѣй».

— Нѣтъ?.. Боже мой, кто же ты?.. А! понимаю.. лекарь-нѣмецъ .. я пропалъ.

И говорившій отшатнулся, какъ бы хотѣлъ броситься въ окно.

Антонъ удерживаетъ его, и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ отвѣчаетъ ему по-русски, какъ умѣетъ:

— Да, я лекарь, но христіанинъ такой же, какъ и русскіе. Не бойся. Повѣрь Божьей Матери.

— Добро, вѣрю Матушкѣ. По голосу твоему слышу, ты не злодѣй. Вотъ видишь, я — воевода, князь Холмскій. Можетъ быть, слыхалъ обо мнѣ.

— Аристотель много разсказывалъ мнѣ о славномъ побѣдителѣ Новгорода.

— Этого-то побѣдителя, по приказу великаго князя, ловятъ теперь... хотятъ въ желѣза, въ тюрьму...

— Какъ-такъ? Тебя ждали нынѣ изъ помѣстья твоего, чтобы поручить тебѣ рать московскую, которая идетъ на Тверь.

— Я пріѣхалъ... былъ у Ивана Васильевича... Тверь моя родина... я отказался идти... Но слышишь? стучатъ въ ворота, будто бьютъ въ набатъ. Избавь отъ желѣзъ, отъ чернаго позора...

— О! когда такъ, спасу, хоть бы пришлось заплатить жизнью своею. Развѣ по мертвому тѣлу дойдутъ до тебя.

Дѣйствительно, въ ворота стучались такъ, что стѣны въ домѣ дрожали. Кричали:

— Отворяй ворота... именемъ господина великаго князя, отворяй... не то выбьемъ вонъ!

Стукъ, крикъ, шумъ увеличивались.

Все въ домѣ спало крѣпкимъ сномъ; все переполошилось и встало на ноги — бояринъ, боярышня и дворчане: псари, сокольники, птичники, бражничіе, повара, конюшіе, истопники, огородники, сѣнныя дѣвушки и проч., и проч., что составляло тогда дворню боярина. Мужчины кидались въ ужасѣ, кто куда попалъ, будто на пожарѣ, спрашивали другъ друга о причинѣ тревоги, зажигали свѣточи, толкали другъ друга. Слышали имя великаго князя, и думали, не самъ ли онъ по какимъ-нибудь наговорамъ пріѣхалъ забирать ихъ господина. Бояринъ испугался, ожидая чего-то чрезвычайнаго, и прибѣгнулъ съ молитвой къ небесной Заступницѣ. Анастасія была ни жива, ни мертва. Брата ея не было дома; онъ гдѣ-то проводилъ разгульную ночь.

Между тѣмъ Антонъ не дремалъ.

У него былъ огромный шкапъ съ аптекой. Разомъ ящики и стклянки вонъ, плѣнника туда.

— Что? дышать свободно?

— Свободно.

Плѣнникъ присѣлъ на корточки, но и такъ не умѣщался. Что дѣлать?..

— На колѣна. Вотъ такъ, хорошо. Съ Богомъ.

Дверцы на замокъ, ящики и стклянки подъ кровать.

Въ этомъ-то бѣдномъ шкапѣ, служившемъ басурману для храненія его зелій, въ такомъ-то унизительномъ положеніи, помѣстился правнукъ князя Всеволода Андреевича Тверского, вождь знаменитый, герой шелонскій, побѣдитель Новгорода и Казани, лучшій самоцвѣтъ въ вѣнцѣ Іоанна, слава и честь Руси. Тотъ, который заставлялъ бѣжать отъ себя тысячи воиновъ, непріятелей его отечества, который, стоя съ полками передъ страшнымъ Ахметомъ, въ роковую для Руси минуту, не послушался повелѣнія грознаго владыки отступить, теперь такъ испугался гнѣва Ивана Васильевича, что спрятался у нѣмчина въ шкапѣ.

Именемъ великаго князя отворяютъ ворота. Бояринъ Мамонъ тутъ, при этой экспедиціи. Онъ вездѣ, гдѣ только есть выполненіе жестокой воли, гдѣ злобной душѣ его есть упражненіе, достойное ея; вездѣ онъ, особенно гдѣ можетъ найти случай мстить врагу своему. Предводя недѣльщиками, боярскими дѣтьми, онъ объявляетъ дворчанамъ Образца, что, по приказу Ивана Васильевича, велѣно имъ поймать *служебнаго* князя Даніила Дмитріевича Холмскаго, что они гнались за нимъ изъ дома его до палатъ боярина и что ему негдѣ укрыться, какъ въ этихъ палатахъ. Въ ру-

кахъ одного недѣльщика и желѣза, въ которыя должно сковать бѣглеца. Мамонъ требуетъ именемъ великаго князя, чтобы дозволили ему сдѣлать осмотръ во всемъ домѣ.

Смѣетъ ли Образецъ противиться этому грозному, священному имени, Образецъ, который держитъ это имя по старинѣ, по наказу родительскому, который блюдетъ его въ сердцѣ, какъ завѣтъ Бога?

Недѣльщики, боярскія дѣти, толпою, подъ начальствомъ неистоваго Мамона, вторгаются въ палаты, словно непріятели, вырываютъ свѣточи изъ рукъ холоповъ, шумятъ, голосятъ, гремятъ желѣзами, всюду проникаютъ въ клѣти и подклѣти, въ божницу и повалушу, на дворы, въ сады, въ жилыя и нежилыя строенія, вездѣ шарятъ, тычутъ мечами, все переворачиваютъ вверхъ дномъ. И до свѣтлицы Анастасіи доходитъ отчаянная ватага. Но здѣсь она встрѣчаетъ преграду — дѣвичью стыдливость, охраняемую любовью отца и брата; здѣсь, у дверей свѣтлицы, ожидаютъ Мамона самъ старикъ Образецъ и сынъ его, успѣвшій прибѣжать домой по первому извѣстію вѣрнаго служителя. Оба вооружены. Ихъ окружаютъ нѣсколько молодцовъ съ топорами, съ дубинами, готовыхъ по первому взгляду господина послать въ другой міръ безъ покаянія того, кого укажетъ имъ этотъ взглядъ. Въ виду этой живой твердыни запнулись шаги Мамона; онъ остановился передъ ней съ своею дружиной.

— Видитъ Господь, — сказалъ съ твердостью Образецъ, — въ терему моей дочери нѣтъ и не можетъ быть князя Холмскаго. Но сдѣлаешь шагъ впередъ, Мамонъ, и (старикъ затрясся) не введи въ грѣхъ кровавый.

— Что? свидѣлись опять, пятенщикъ мой? — сказалъ Мамонъ съ адскою усмѣшкой.

Сѣдыя, густыя брови воеводы нахмурились; лучи раскаленныхъ глазъ его устремились на врага и, казалось, проницали его насквозь; исполинскою, жилистой рукой сжалъ онъ судорожно мечъ, грудь его поднялась, какъ разъяренный валъ, и, издавъ какой-то глухой звукъ, опустилась. Боярина смирила мысль, что будетъ пролита кровь при дверяхъ дочерниной комнаты. Онъ видѣлъ движеніе руки своего сына и, стиснувъ ее, предупредилъ роковой ударъ.

Эту грозную мимику понялъ Мамонъ; онъ спѣшилъ отступить.

— Мы еще не были въ клѣтяхъ лекаря, — сказалъ онъ, собираясь внизъ.

— Туда, и къ чорту, или къ своей матери колдуньѣ, а если замѣшкаешься, берегись оставить здѣсь поганыя кости свои! — закричалъ Хабаръ-Симской вслѣдъ ему.

Мамонъ остановился и, покачавъ презрительно головой, послалъ ему въ сердце адскую усмѣшку.

— Батюшка, позволь! — вскричалъ Хабаръ внѣ себя.

Образецъ опять остановилъ его и сказалъ съ твердостью.

— Постой, сынъ; вездѣ, гдѣ хочешь, лишь бы не здѣсь, у свѣтлицы твоей сестры.

— Слышишь?.. — былъ вопросъ Симскаго, полный жажды мести.

— Слышимъ-ста! — былъ глухой отвѣтъ Мамона.

Стукъ, бѣготня въ домѣ, крикъ, шаги вверху, у свѣтлицы Анастасьиной, все это отдается въ ушахъ и сердцѣ Эренштейна, трепещущемъ отъ неизвѣстности,

что дѣлается въ семьѣ боярина. Дорого заплатилъ бы онъ, чтобы тамъ быть. Но вверху все замолкло, шумъ оборачивается въ его сторону, приближается къ нему. Стучатся въ сѣняхъ. Онъ высѣкаетъ огня.

Какая досада, какая мука! слѣды огромныхъ ступней, ходившихъ по грязи, означились на полу и провели дорожку прямо къ шкапу.

Что дѣлать?.. Платье, утиральники, что ни попадается въ руки—на полъ, и предательскіе слѣды уничтожены. Слава Богу!

Онъ только-что къ двери, слышитъ: что-то рухнулось въ шкапѣ такъ, что двери затрещали; потомъ смертное хрипѣніе, потомъ глубокій вздохъ и — гробовая тишина.

У Антона сердце оторвалось, волосы стали дыбомъ.

Что, если Холмскій, пораженный гнѣвомъ великаго князя, мыслью о заточеніи и казни, истерзанный страхомъ, измученный скоростью побѣга, усиліями взлѣзть на стѣну, всѣмъ, что его такъ ужасно и такъ внезапно разомъ обхватило,—если онъ испустилъ духъ?.. Можетъ быть, задохся въ шкапѣ... можетъ быть, ударъ! Ужасно!

Князя Холмскаго найдутъ мертвымъ у лекаря... Что скажетъ молва?.. И такъ слыветъ онъ чернокнижникомъ; назовутъ его убійцей. Потребуютъ его головы. Властитель, разгнѣванный укрывательствомъ бѣглеца, выдастъ ее народу. Антонъ знаетъ, что такое озлобленный народъ: лютость звѣря ничего передъ его жестокостью. Онъ имѣетъ довольно духу идти въ битву со смертью на одрѣ болѣзни, даже на плахѣ, которой онъ не заслужилъ; онъ готовъ идти въ битву, когда потребуетъ долгъ; но смерть въ когтяхъ разъяреннаго

народа — ужасна. И, что еще ужаснѣе, онъ будетъ невольной причиною смерти ближняго...

Посмотрѣть въ шкапъ, испытать врачебныя средства, нѣтъ возможности. Стучатся еще сильнѣе. Замѣшкаешься отворить, навлечешь на себя подозрѣніе и усилишь розыски. Кто знаетъ? могутъ выколотить дверь, и тогда застанутъ его очи на очи съ бѣглецомъ.

А Холмскій, можетъ статься, живъ!

Ни разумъ, ни сила духа и мышцъ, ничто человѣческое не спасетъ. Развѣ Богъ, одинъ Богъ! Все упованіе на Него.

Адъ въ груди; между тѣмъ Антонъ старается составить свое лицо прилично обстоятельствамъ. Стилетъ подъ мышку, лампаду въ руки, и дверь въ сѣни отворена.

Передъ нимъ Мамонъ и его дружина.

— Что вамъ отъ меня, въ ночное время? — грозно спрашиваетъ Антонъ.

— Не взыщи, господине лекарь, — отвѣчаетъ Мамонъ, почтительно кланяясь, — по приказу великаго князя ищемъ важнаго бѣглеца. Онъ бѣжалъ сюда къ палатамъ боярина, здѣсь и скрылся. Одному изъ нашихъ вздумалось только теперь сказать, будто слышалъ, какъ Холмскій лѣзъ по стѣнѣ, будто твое окно отворилось...

— Неправда! — перебилъ Эренштейнъ. — Ложь!.. Ему померещилось... я не укрыватель бѣглецовъ... За что такое оскорбленіе?.. Кто это сказалъ?.. Я буду жаловаться великому князю.

— Не я, не я! — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Между ними былъ голосъ и доказчика.

Думали, не подшутилъ ли надъ нимъ нечистый

знали, въ какой милости властитель содержитъ лекаря, и опасались гнѣва Ивана Васильевича за то, что потревожили напрасно его любимца; опасались мщенія самого басурмана-колдуна, который потому ужъ чародѣй, что выучился такъ скоро изъясняться по-русски — и не было болѣе свидѣтельства, что бѣглеца видѣли у окна его Мамонъ, по своимъ причинамъ, не настаивалъ.

— Однакожъ, — сказалъ Антонъ, — чтобы не оставить васъ въ подозрѣніи, я прошу, я требую осмотра.

И Мамонъ, за нимъ два недѣльщика, боязливо озираясь и творя шопотомъ молитву, вошли въ спальню лекаря.

Все осмотрѣно, и на постели и подъ постелей, во всѣхъ углахъ, Мамонъ подходитъ къ запертому шкапу и прислушивается у него жаднымъ слухомъ.

Эренштейнъ собралъ все присутствіе ума и духа, чтобы не обнаружить своего смущенія, въ прибавку еще усмѣхнулся, между тѣмъ какъ въ сердце и въ уши било молотами.

Ну, если бояринъ потребуетъ, чтобы отворили дверцы?.. Если Холмскій только въ обморокѣ и, очнувшись именно въ эту минуту, когда Мамонъ прислушивается, застонетъ, хоть вздохнетъ?..

Не въ состояніи дать себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, Антонъ запускаетъ руку поближе къ стилету.

Все замолкло; никто не шевельнется

— Никого! — сказалъ наконецъ Мамонъ.

— Никого! — повторили недѣльщики дрожащимъ голосомъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Поищемъ его около дома.

И ватага стремглавъ высыпала изъ комнаты лекаря съ запасомъ разныхъ страшныхъ замѣчаній. Иной видѣлъ кости человѣческія, измолотыя въ иготи, другой кровь въ скляницахъ, третій голову младенца (Богъ вѣдаетъ, что въ этомъ видѣ представилъ ему страхъ), четвертый слышалъ, какъ на голоса ихъ отвѣчалъ нечистый изъ какого-то ящичка, висѣвшаго на стѣнѣ (вѣроятно изъ лютни). Бѣдные, какъ еще остались живы и цѣлы!

Слава Богу, сыщики скрылись! Антонъ прислушивается, брякнули кольцомъ... ворота на запоръ... посыпались проклятія на Образца, на Холмскаго. Еще минуты двѣ, три, и все замолкло глухою тишиной.

Двери на запоръ, простыню на окно и... дрожащая рука, блуждая по замку, едва могла отворить шкапъ.

Глазамъ Антона представился старикъ необыкновеннаго роста, втрое согнувшійся. Онъ стоялъ на колѣнахъ, опустивъ низко голову, которою упирался въ боковую доску шкапа. Лица его не было видно, но лекарь догадался, что это голова старика, потому что чернь его волосъ густо пробрана была нитями серебра. Въ немъ не обнаруживалось малѣйшаго движенія. Съ трудомъ освободилъ Антонъ этого человѣка или этотъ трупъ отъ его насильственнаго положенія и еще съ большимъ трудомъ снесъ его на свою постель.

Къ пульсу... Милость Божія, пульсъ едва-едва бьется какъ слабый отзывъ жизни изъ далекаго міра. Этотъ признакъ возвращаетъ лекарю разумъ, искусства, силы, все, что было оставило его. Сдѣланы тотчасъ врачебныя пособія, и Холмскій открываетъ глаза Долго не въ состояніи онъ образумиться, гдѣ онъ, что

съ нимъ; наконецъ, съ помощью возрастающихъ силъ своихъ и объясненій лекаря, можетъ дать отчетъ въ своемъ положеніи. Тронутый великодушною помощію Антона до того, что забываетъ его басурманство, онъ благодаритъ его со слезами на глазахъ.

— Господь заплатитъ тебѣ сторицею, — говоритъ онъ. — Ахъ! если бы ты окрестился по нашему, — прибавляетъ воевода, — отдалъ бы за тебя любую дочь свою.

Только теперь можетъ Антонъ разсмотрѣть его наружность, мощно изваянную: черты его лица, рѣзкія, грубыя, но и вмѣстѣ выражающія величіе и благородство души. Едва не на смертномъ одрѣ, подъ сѣкирою грознаго владыки, которая, того и гляди, готова упасть на его голову, онъ и тутъ, образумившись отъ перваго, нежданнаго удара, кажется такъ спокоенъ, какъ будто послѣ труднаго дня пришелъ отдохнуть подъ гостепріимный кровъ. Жизнь воеводы спасена, свобода обезпечена — надолго ли? Кто можетъ поручиться? Надо искать средствъ избавить его совершенно отъ гоненій великаго князя, или укрыть на время отъ нихъ, пока не прошелъ гнѣвъ владыки. Эренштейнъ даетъ себѣ слово стараться умилостивить Ивана Васильевича, собственнымъ своимъ вліяніемъ и вліяніемъ сильнаго Аристотеля. Въ этомъ случаѣ нужна величайшая осторожность. Укрыть же на время знаменитаго бѣглеца можетъ только Образецъ. Но какъ довести къ нему Холмскаго теперь, въ ночные часы? Слабый отъ пущенной крови, воевода не въ состояніи идти безъ чужой помощи, да и съ этою помощью нѣтъ возможности переправить его черезъ тынъ, отдѣляющій дворъ боярскій отъ басурманскоії половины.

Провести же его черезъ улицу и двое воротъ нельзя и думать. Стучать въ ворота, чтобы имѣть входъ черезъ нихъ, опасно. Можно ли ручаться, что Мамонъ не оставилъ около нихъ караула? Время однакожъ летитъ; вторые пѣтухи обвѣстили городъ, что наступила полночь. Нѣтъ возможности откладывать перемѣщеніе воеводы до утра, потому что къ лекарю изъ подклѣта явится его слуга и могутъ явиться посѣтители. Не опять же прятать воеводу въ шкапъ и опять начинать ту же страшную процессію, которой повтореніе могло бы стоить жизни одному или другому.

Надо же рѣшиться на что-нибудь, и Антонъ рѣшается пробраться на половину боярскую, какими путями вздумаетъ. Экспедиція хотя не дальняя, но затруднительная и опасная по отношеніямъ одной стороны къ другой. И потому запасся онъ своимъ надежнымъ стилетомъ, который прицѣпилъ къ поясу, и шестоперомъ, въ родѣ дубинки, вооруженной нѣсколькими металлическими когтями: это былъ подарокъ отъ Аристотеля, добытый въ войнѣ противъ новгородцевъ. Сверхъ того, Холмскій далъ ему *жуковину* — перстень съ родовымъ гербомъ, служившій печатью при засвидѣтельствованіи важныхъ актовъ. Онъ носитъ ее всегда на пальцѣ. Нынѣ эта жуковина могла увѣрить Образца, что лекарь дѣйствительно посолъ отъ его ратнаго товарища и друга. Съ такими орудіями брани и мира отправился Антонъ въ свою экспедицію, не забывъ исправно запереть знаменитаго бѣглеца.

Первую осаду сдѣлалъ онъ на тынъ, отдѣлявшій, какъ мы сказали, половину боярскаго двора отъ басурманскаго. Молодость и отвага творятъ чудеса, и онъ съ пособіемъ ихъ уничтожилъ эту преграду, то есть

перелѣзъ черезъ нее не безъ того, чтобы не запечатлѣть этотъ подвигъ нѣсколькими легкими ранами и потерей нѣсколькихъ клочковъ платья. Какъ билось его сердце, когда онъ подумалъ, что находится въ первый разъ и въ полночь, какъ тать, на половинѣ боярина, который питаетъ къ нему незаслуженное отвращеніе и, можетъ быть, ненависть! Свѣтъ отъ лампады трепеталъ въ верхней свѣтлицѣ. Тутъ живетъ Анастасія. Какъ близко это сокровище и вмѣстѣ какъ глубоко заперто отъ него за тридевятью замками! Объ этомъ могъ онъ думать очень недолго, потому что сейчасъ налетѣла на него огромная собака. Лай ея загорѣлъ на всю окрестность. Борьба была неровная; ей не дали много горячиться: стилетъ въ бокъ, шестоперъ по головѣ, и вѣрный сторожъ замолкъ навѣки. Антону жаль было бѣднаго пса, но миновать этой жертвы не было возможности. Не такъ ли въ обществѣ? Не встрѣчаютъ ли и тамъ благородныхъ несчастливцевъ, которые, служа другимъ для достиженія цѣли, падаютъ жертвами ихъ?

Антонъ далѣе, и на красное крыльцо. Осторожно брякнулъ онъ кольцомъ въ желѣзную дверь, ведущую въ сѣни. Никого. Онъ попыталъ тронуть дверь, и она отворилась. Антонъ въ сѣняхъ. Поигравъ нѣсколько въ гулючки, онъ попалъ на новую дверь. И въ эту запросъ легкимъ стукомъ. Кто-то отвѣчалъ кашлемъ, дверь отворилась и—передъ нимъ старикъ, бѣлый, какъ лунь. Свѣточъ, который онъ держалъ въ рукѣ, освѣщалъ на лицѣ его грустную заботливость. Но какъ скоро онъ, сдѣлавъ рукою щитъ надъ глазами, разглядѣлъ того, кто передъ нимъ стоялъ, лицо его подернулось ужасомъ. Это былъ самъ Образецъ.

Безпокоясь о своемъ другѣ и ратномъ сподвижникѣ, онъ не могъ заснуть. Съ мыслью, не придетъ ли еще бѣглецъ искать у него убѣжища, онъ приказалъ дворчанамъ своимъ лечь спать (второпяхъ забылъ сказать, чтобы привязали собаку), а самъ отворилъ калитку съ улицы и оставилъ незапертыми двери въ сѣняхъ. Потомъ онъ то молился Божьей Матери, извѣстной подъ названіемъ «взысканіе погибшихъ», то, отворивъ окно, ловилъ малѣйшій звукъ, струившій ночную тишь, то сходилъ внизъ, къ сѣнямъ. Онъ слышалъ лай собаки, онъ слышалъ шорохъ шаговъ по каменному крыльцу, стукъ въ желѣзныя двери, и спѣшилъ выйти на встрѣчу своему другу.

И что же? передъ нимъ его ужасный постоялецъ. Онъ ли еще, или оборотень въ его видѣ? Чего ему надо у боярина, въ полночь, когда онъ и днемъ не бывалъ на боярской половинѣ?.. Блѣдный, весь дрожа, Образецъ съ трудомъ поднимаетъ отяжелѣвшую руку и творитъ крестныя знаменія, читая вслухъ: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!— говоритъ за нимъ Антонъ.

Повторимъ, что Эренштейнъ хотя еще не совсѣмъ хорошо изъяснялся по-русски, однакожъ понятно.

— Съ нами Богъ! — прибавляетъ онъ съ твердостью,—и въ доказательство этого послалъ мнѣ нынѣ Свою особенную милость. Твой другъ, князь Холмскій, у меня. Онъ ошибкою попалъ ко мнѣ. Не вѣришь? вотъ перстень его.

Бояринъ, крестясь, вглядывается въ жуковину и признаетъ ее; но, увидавъ кровь на рукѣ нѣмца, вскрикиваетъ въ ужасѣ:

— Господи, ужъ не раненъ ли онъ, не убитъ ли?

— Успокойся, это кровь твоей собаки. Къ дѣлу, боярин! Заря занимается. Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: хочешь ли укрыть у себя друга своего, или оставить его у меня, въ опасности?

— Хочу ли? вѣстимо! — отвѣчаетъ бояринъ, собравъ свои разсѣянныя мысли. — Ступай теперь тѣмъ путемъ, которымъ пришелъ. А мы съ сыномъ... (тутъ онъ задумался) сынъ впуститъ къ намъ князя черезъ желѣзную дверь, что изъ твоихъ хоромин на нашу половину.

Ни малѣйшей благодарности, хотя бы легкое изъясненіе добраго сердца, что оно понимаетъ прекрасный подвигъ. Суровой душѣ боярина эта благодарность стоила бы тяжкаго подвига. Онъ и такъ совершилъ его, разрушивъ ужасную преграду, которая отдѣляла православную половину отъ басурманской.

Князь Холмскій, о которомъ разсказывали, что онъ сдиралъ кожу съ непріятельскихъ воиновъ и собственною рукою убивалъ своихъ за грабежъ, былъ чувствителенъ къ добру, ему оказанному. Онъ не принялъ назадъ жуковины и просилъ лекаря оставить ее у себя на память великодушнаго поступка. Перстень, по металлу, не имѣлъ высокой цѣны, и Антонъ не посмѣлъ отказать.

Когда Хабаръ отворилъ желѣзную дверь, чтобы впустить черезъ нея князя на свою половину, онъ ласково поклонился иноземцу и сказалъ ему отъ души «*спасибо*!»

— Будешь имѣть нужду въ выручкѣ, — прибавилъ онъ, — кликни только Хабара.

Съ этого времени онъ сталъ питать къ нѣмчину доброе расположеніе. Мудрено-ль! благородному сердцу его подавало голосъ другое благородное сердце; къ тому же, юность, открытая, сообщительная, легко сбрасываетъ съ себя предубѣжденія, не разсчитываетъ такъ много, какъ старость, закоснѣлая въ предразсудкахъ, имѣющая болѣе опытовъ, а съ ними и болѣе подозрѣній, Образецъ и тутъ не хотѣлъ видѣть своего постояльца, зато не мало поворчалъ на него Холмскій. На всѣ убѣжденія друга онъ хранилъ глубокое молчаніе; въ его душѣ возставали противъ лекаря сильнѣйшія убѣжденія, воспитанныя ненавистью ко всему иноземному, неединовѣрному, проклятому — какъ онъ говорилъ — святыми Отцами на соборѣ, и еще болѣе проклятою душою суровою, угрюмою, съ того времени, какъ палъ отъ руки нѣмца любимый сынъ его.

Отъ Анастасіи таили подвигъ Антона-лекаря; но она какъ будто отгадала его, и на другой день, когда очарователь выходилъ отъ себя, подарила его изъ окна пламеннымъ взглядомъ, который мелькнулъ попрежнему и попрежнему оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ его. Онъ осмѣлился ей поклониться; она кивнула ему и исчезла. Съ этого времени, когда они увѣрены были, что никто ихъ не видитъ, взоры ихъ стали вести разговоръ, которому давали краснорѣчивый смыслъ то вспышки Анастасьина лица, подобныя зарницѣ, предвѣщающей невидимую грозу, то взоры, отуманенные любовью, то блѣдность этого лица, говорившая, что не было ужъ спора разсудка съ сердцемъ. Антонъ берегъ свое сокровище, какъ алмазъ, не имѣющій цѣны, купленный втайнѣ, который у него тотчасъ

отнимутъ, какъ скоро онъ покажетъ его; только одинъ-на-одинъ любовался имъ, радовалъ имъ свои взоры, освѣжалъ свою душу.

Черезъ нѣсколько дней участь Холмскаго была рѣшена. Образецъ прибѣгнулъ къ ходатайству митрополита и другихъ духовныхъ властей. Такое посредничество должно было имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что *служебный* князь отдавался самъ въ руки своего властелина. Ходатаи молили великаго князя умилостивиться надъ воеводой, который былъ всегда вѣрный слуга Ивана Васильевича, доставилъ ему и всему православному краю столько добра и чести, который готовъ и нынѣ идти всюду, кромѣ Твери, куда только укажетъ ему господарь его и всея Руси. — «Великій грѣхъ палъ бы на твою голову, господине и сыну нашъ», — говорило одно духовное лицо, — «коли-бъ воевода пролилъ кровь своихъ родичей». Съ своей стороны Аристотель и дворскій лекарь искусно объяснили властителю, что слухъ о несправедливомъ гнѣвѣ его на знаменитаго воеводу можетъ повредить ему въ хорошемъ мнѣніи, которое имѣютъ объ немъ римскій цесарь и другіе государи; что гнѣвъ на воеводу великій князь даетъ поводъ другимъ подданнымъ своимъ быть измѣнниками отечеству; что Холмскаго не наказывать, а наградить надо за его благородный поступокъ, и что эта награда возбудитъ въ другихъ желаніе подражать такой возвышенной любви къ родинѣ. Сверхъ того, Аристотель доказывалъ, какъ легко покорить Тверь и какъ славно будетъ для Ивана Васильевича, не подвергая себя опасности, своимъ лицомъ рѣшить побѣду, такъ искусно приготовленную его же умною и хитрою политикой.

— Пускай слава этого великаго дѣла принадлежитъ тебѣ вполнѣ, — прибавлялъ Аристотель.

Іоаннъ не былъ храбрый воинъ. Когда дѣло шло о битвѣ, онъ любилъ держаться въ сторонѣ; пріятны ему были лавры, пожатые чужими руками. Но никто не откажетъ ему въ великомъ искусствѣ приготовлять войну, улучать для нея время и пользоваться имъ; а это стоитъ личной отваги и славы знаменитаго полководца. Въ настоящемъ случаѣ Іоаннъ, опираясь на сильную помощь своихъ доброжелателей, обѣщавшихъ ему отворить ворота города, лишь только онъ покажется, опирался на силу и храбрость московскихъ полковъ, на искусство своего розмысла, умѣвшаго такъ мѣтко *шибать* изъ пушекъ. Онъ увѣренъ былъ, что не закладываетъ своей безопасности въ дѣлѣ покоренія тверского княжества. Съ этою увѣренностью онъ объявилъ, что какъ скоро водополь спадетъ, онъ самъ съ сыномъ поведетъ войско противъ крамольнаго князя, нарушившаго святость договоровъ и родства. Вмѣстѣ съ этимъ простилъ Холмскаго. Милость эта не обошлась однакожъ безъ выгодъ для него. Зная, какъ воевода былъ ему нуженъ впередъ, и потому боясь, чтобъ онъ не вздумалъ вновь, при первомъ неудовольствіи, бѣжать въ Литву, гдѣ укрывали враговъ и измѣнниковъ Московскаго княжества, какъ Москва укрывала у себя враговъ и измѣнниковъ Литвы, требовалъ поручной записи. Въ тотъ же день восемь такихъ записей или поручныхъ кабалъ, однѣ въ *полутретьесть* рубляхъ, были даны именитыми московскими людьми, большею частію боярами, въ томъ, что они обязывались заплатить великому князю эту сумму въ случаѣ, если бъ воевода вздумалъ отъѣхать или бѣжать въ чу-

жую сторону. Оцѣнкою въ 2000 рублей знаменитаго полководца Иванъ Васильевичъ остался доволенъ. Сверхъ того, князь Холмскій цѣловалъ крестъ, что ему *лиха* своему государю *не хотѣти никакого*.

И *осподарь* его, великій князь, *своего слугу пожаловалъ, нелюбье свое ему отдалъ*.

И тому дѣлу былъ навсегда *погребъ* (совершенное забвеніе). (Впослѣдствіи великій князь отдалъ дочь свою за сына Холмскаго. Такъ шли въ то время, рука объ руку, необыкновенный гнѣвъ, сопутствуемый желѣзами и казнью, и необыкновенныя милости, вводившія осужденнаго въ семью царей!) [1]).

---

[1]) Сынъ Холмскаго, въ царствованіе Василія Ивановича, сосланъ въ Бѣлоозеро и умеръ тамъ въ заключеніи. Виною его былъ только этотъ самый бракъ съ дочерью Іоанна III.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛѢДНІЙ ВЪ РОДѢ

Глупому сыну не въ помощь богатство.
Пословица.

— Чу! шумъ. Не царь ли?
— Нѣтъ, это юродивый.
«Борисъ Год.» — *Пушкинъ.*

Какая ужасная, заповѣдная стѣна раздѣляла семейство Образца съ его постояльцемъ! Но добродушный, отважный Хабаръ разъ заглянулъ черезъ нее, и вотъ опять стучится у дверей и сердца Антона. Посѣщеніе вечеромъ. Время для тайнъ, сказали бы вы, и угадали бъ. Хабаръ тайкомъ отъ домашнихъ (Боже сохрани, если бы узналъ отецъ!) пришелъ просить лекаря объ одной больной. Онъ вѣритъ теперь, онъ убѣжденъ, что Антонъ можетъ дѣлать чудеса: это сказала ему прекрасная женщина, къ которой онъ ведетъ его. Во всякое время молодой лекарь поспѣшилъ бы на зовъ страждущаго, тѣмъ охотнѣй въ Москвѣ, гдѣ онъ еще, кромѣ попугая и Ненасытя, не имѣлъ на рукахъ ни одного больного, и гдѣ хотѣлъ бы искусствомъ своимъ пріобрѣсть довѣріе и любовь русскихъ. Теперь же особенно съ какимъ восторгомъ летитъ онъ

на помощь больной, когда зоветъ его братъ Анастасіи. Анастасіи? сколько очарованія въ этихъ словахъ! На лицѣ его отражается что-то ей принадлежащее, какое-то семейное сходство, какой-то слѣпокъ съ ея физіономіи, этого лица нашей души — слѣпокъ, сдѣланный не совсѣмъ вѣрно, но все-таки напоминающій подлинникъ. Онъ пришелъ къ Антону съ тайною просьбой, съ довѣрчивостью дружбы. Кто бы могъ поручиться за это дня два назадъ? Молодой лекарь едва самъ вѣритъ посѣщенію, и въ восторгѣ не знаетъ, какъ довольно обласкать своего минутнаго гостя, какъ изъяснить ему, что онъ не тотъ страшный, поганый нѣмчинъ, какимъ представляютъ его въ Москвѣ. Одинъ легкій спросъ у добраго сердца его, и онъ на эту довѣренность готовъ отвѣчать всякими жертвами: это доказалъ онъ ужъ очень хорошо помощію князю Холмскому. Собираясь въ Московію съ такою любящею душой, съ такими обольстительными мечтами о житьѣ въ новомъ краю, онъ, по пріѣздѣ своемъ, едва было не разочаровался, едва не узналъ своей тяжести и горести сиротства на чужбинѣ и несправедливости людей. И вдругъ Господь посылаетъ ему привѣтливый взглядъ чудной дѣвы, благодарность знаменитаго полководца, котораго благодѣтелемъ позволяетъ ему быть, посылаетъ ему теперь и дружескую тайну.

Добрый Антонъ! Онъ забылъ уже отвращеніе и ненависть къ нему русскихъ, онъ счастливъ.

Идутъ. По небу разсыпались миріады звѣздъ и перебираютъ лучами своими; но эти звѣзды горятъ не для насъ: у нихъ свой міръ, который онѣ грѣютъ и освѣщаютъ. Въ этотъ вечеръ не зажигалась наша зе-

мная лампада. Антонъ идетъ за своимъ вожатымъ въ темнотѣ, не зная куда его ведутъ; онъ знаетъ только, что они не вышли изъ *города* и что они идутъ по тѣснымъ, кривымъ улицамъ, потому что безпрестанно готовы наткнуться на уголъ дома. Едва могутъ разобрать предметы. Но вскорѣ окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ многочисленные, яркіе огни, при свѣтѣ которыхъ будто сошлись благочестивые мужи и жены на ночную духовную бесѣду, или на стражу царскаго жилища; воздухъ напитанъ благоуханіемъ ладана. Дѣйствительно, Антонъ съ своимъ вожатымъ находились у хороминъ великокняжескихъ, опоясанныхъ часовнями и церквами, горящихъ усердіемъ религіознымъ. Потомъ опять темнота.

— Осторожнѣй, — сказалъ Хабаръ едва слышнымъ голосомъ, взявъ его за руку, чтобы провести черезъ ущелье между домами, — осторожнѣй, господине лекарь, здѣсь слово можетъ накликать бѣду.

Скоро свѣжѣе пахнулъ на нихъ вѣтеръ. Этотъ вѣстникъ далъ знать Антону, что они освободились изъ ограды домовъ и находятся на возвышеніи. По звѣздамъ, повторяющимся въ отрывкахъ воды, какъ будто въ блескѣ вороненой стали, и по шуму мельничныхъ колесъ, онъ догадывается, что подъ горою Неглинный прудъ, на которомъ держатся еще кое-гдѣ опоздавшія льдины. Ему сейчасъ приходитъ на память кулачный бой на прудѣ и тутъ же, въ одной связи душевныхъ представленій, пунцовое покрывало, развѣвавшееся изъ терема. — «Этотъ теремъ долженъ быть недалеко» — думалъ онъ.

Товарищъ остановилъ его.

— Здѣсь, — сказалъ Хабаръ, и только что хотѣлъ

въ калитку, какъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко обхватилъ его ноги.

— Не пущу, — произнесъ глухо женскій голосъ, выражавшій отчаяніе, — не пущу, развѣ задушишь меня. Придешь, злодѣй, гречанки своей не застанешь въ живыхъ.

Вмѣсто отвѣта раздался могучій ударъ.

— Убей, не пущу тебя, — произнесъ опять голосъ отчаянія.

— Закричишь громче, убью! — сказалъ Хабаръ.

Свѣтъ изъ окна освѣтилъ слегка и мгновенно женщину молодую, пригожую, безъ кики и убруса, лежавшихъ поодаль отъ нея, съ распущенными косами. Она обвилась руками своими около ногъ Хабара и подъ градомъ ударовъ цѣловала его колѣна, а, можетъ быть, старалась, прилѣпясь къ нимъ устами, задушить отголосокъ своихъ страданій.

Это Селинова. Она хочетъ не гибели своего любовника, но только отвлечь его отъ опасной соперницы, и въ какую минуту? когда этой соперницѣ необходимо пособіе врача: можетъ пройти минута спасенія, и побѣда на ея сторонѣ. Ужасъ, негодованіе, отчаяніе переливаются на лицѣ Хабара. И для него наступило рѣшительное мгновеніе: надо восторжествовать во чтобъ ни стало, или погубить ту, для которой онъ пожертвовалъ Селиновой, ту, которая, повидимому, такъ дорога для него. Эта любимица, столько предпочтенная, столько дорогая, умираетъ, ждетъ его помощи, тутъ, въ домѣ, куда загородила ему путь ужасная ревность женщины. Онъ дѣлаетъ усиліе, отрываетъ Селинову отъ ногъ своихъ, какъ отрываютъ плющъ, въѣвшійся годами въ могучій дубъ, перебра-

сываетъ ее себѣ на плечо и, сказавъ Антону, чтобы онъ шелъ въ домъ черезъ отворенную калитку, уноситъ свою добычу.

И лекарь, съ грузомъ странныхъ, непріятныхъ впечатлѣній, входитъ на дворъ, на крыльцо. Лѣстница освѣщена фонарями: богатый, восточный коверъ бѣжитъ по ступенькамъ. Антонъ въ сѣни, въ прихожую. Видна необыкновенная суета въ домѣ. Страхъ написанъ на всѣхъ лицахъ; въ суматохѣ едва замѣтили лекаря. Слуги не русскіе. На какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ спрашиваютъ его, что ему надо. Онъ говоритъ по-русски — не понимаютъ, по-нѣмецки — то жъ, по-итальянски — поняли. «Господинъ Антоніо! господинъ лекарь!» — раздается по дому. Съ поспѣшностью ведутъ его и вводятъ въ маленькую горницу теремка, богато убранную въ восточномъ вкусѣ.

На постели разметалась молодая женщина; красота ея торжествуетъ и надъ болѣзнью. Мутные глаза издаютъ фосфорный блескъ, губы запеклись, двѣ черныя, длинныя косы вьются по бѣлоснѣжнымъ плечамъ и волнующейся груди, какъ два черные змѣя, которымъ смѣлая стопа придавила голову. Надъ нею, передъ иконой греческаго письма, осыпанною дорогими каменьями, горитъ лампада изъ цѣльнаго накра. Увидавъ молодого, пригожаго врача, больная, несмотря на свои страданія, старается оправить на себѣ одежды и уничтожить на лицѣ, въ своемъ положеніи, все непріятное, наброшенное на нее мучительною болѣзнью.

— Если еще время, возвратите мнѣ жизнь, господинъ врачъ. Я такъ молода, мнѣ еще хотѣлось бы пожить, — говоритъ она на итальянскомъ языкѣ, который вдвое слаще въ ея устахъ, и вслѣдъ за тѣмъ

подаетъ ему руку. Притянувъ его къ себѣ, прибавляетъ ему шопотомъ, на ухо. — Мнѣ дали яду я это чувствую, только, ради Бога, не говорите никому.

Возлѣ постели мужчина, лѣтъ за сорокъ, низенькій, лысый, щедушный, на козьихъ ножкахъ. Долженъ быть хозяинъ дома, потому что челядь, стоящая около него въ изумленіи и грусти, даетъ ему почетъ. Глаза его красны и распухли отъ слезъ. Ему бы дѣйствовать, подавать какую-нибудь помощь, а онъ плачетъ, хныкаетъ, какъ старая баба.

— Спасите ее! — жалобно говоритъ онъ лекарю дурнымъ итальянскимъ языкомъ, — когда бы я имѣлъ еще свою имперію, отдалъ бы ее за жизнь Гаиды. Геперь вознагражу васъ достойно, какъ деспотъ морейскій.

Кто бы могъ подумать? этотъ человѣкъ, съ клеймомъ физическихъ и душевныхъ немочей, этотъ плакса — послѣдняя отрасль византійскихъ царей, Андрей Палеологъ.

И вотъ что осталось отъ величія Римской имперіи!

Отецъ его, Ѳома, братъ послѣдняго изъ Константиновъ, съ однимъ сыномъ, именно Андреемъ, и дочерью Софьею, принцессою сербскою, искалъ убѣжища отъ побѣднаго меча оттомановъ сначала въ Корфу, потомъ въ Италіи. Другой сынъ предпочелъ остаться въ Константинополѣ — какъ говорили тогда наши, русскіе — *на хлѣбахъ* у поганаго царя, и не каялся: ему было сыто, тепло и спокойно у великодушнаго султана. Изгнанникъ Ѳома принесъ въ Римъ голову Апостола Андрея, права свои на престолъ византійскій и свои несчастія. Драгоцѣнную святыню принялъ отъ него первосвященникъ и обѣщалъ, вмѣстѣ

съ миланскимъ герцогомъ, возвратить ему потерянный вѣнецъ. Обѣщанія не исполнены, и онъ умеръ изгнанникомъ въ Дураццо, оставивъ по себѣ, въ лѣтописяхъ Италіи, нѣсколько строкъ, гдѣ говорится, что «онъ служилъ при какой-то великолѣпной церемоніи великолѣпнымъ *офиціантомъ*». Желая найти съ Востока врага невѣрному покорителю Константинова города и привлечь Русь подъ сѣнь своей тіары, папа Павелъ II сосваталъ дочь Ѳомы за русскаго великаго князя. Іоаннъ обманулъ разсчеты римскаго первосвященника. Пріѣздъ въ Москву Андрея, изъ простого ли желанія навѣстить сестру, или съ нехитрыми видами обольстить своего зятя правами на Византію, только послужилъ ему опытомъ, что одни тѣ права дѣйствительны, которыя можно поддержать великимъ умомъ, силою и деньгами. Не Ивана Васильевича было обольстить такою мишурой: онъ тотчасъ отгадалъ своего шурина и видя, что онъ ему въ тягость, не крѣпко чествлъ его. Дружба султана, хоть и невѣрнаго и поганаго бесермена, зарубленная на мечѣ, льстила болѣе его видамъ. А ему папа, жидъ Хози, Стефанъ молдавскій, Баторій венгерскій, ханъ татарскій, всѣ были равно любезны, когда были ему нужны.

Мы сказали, что Андрей Палеологъ, погруженный въ слезы, стоялъ у кровати прекрасной, страждущей женщины, но не сказали, что эта женщина, отравленная злодѣйскою рукой, которую, вѣроятно, навела ревность соперницы, его любовница. За годъ тому назадъ она продана, противъ воли ея, корыстолюбіемъ родной матери.

Къ счастію ея, отрава не сильна, время не упущено. Сила врачебныхъ пособій, сдѣланныхъ ей Ан-

тономъ, уничтожаетъ силу яда. Гаида спасена. Это прекрасное созданіе, близкое къ уничтоженію, расцвѣтаетъ снова жизнью пышной розы; на губы, на щеки спѣшитъ свѣжая кровь изъ тайниковъ своихъ. Обѣими руками своими, отлитыми на дивованіе, беретъ она руку молодого врача, прижимаетъ ее къ груди и, обращая къ небу черноогненные глаза, изъ которыхъ выступили слезы, благодаритъ ими сильнѣе словъ.

Отъ такой небывалой благодарности Антонъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ и смутился. Несвязно, едва внятно, изъясняетъ онъ свою радость, что возвратилъ къ жизни такое прекрасное существо. Вспомнивъ о братѣ Анастасіи, онъ не удивляется, почему гречанка предпочтена вдовѣ Селиновой.

Деспотъ морейскій отъ радости ходитъ около постели, какъ ученый котъ на цѣпочкѣ, и вдругъ, по первому взгляду, брошенному на него изъ жалости, впивается въ ручку, которую Гаида протягиваетъ ему неохотно, едва не съ презрѣніемъ.

— Теперь внизъ, къ собесѣдникамъ, къ друзьямъ моимъ,—говоритъ онъ, пощелкивая пальцами и увлекая за собою Антона, —мы отпразднуемъ здоровье нашей царицы. Если бы можно, я заставилъ бы весь міръ веселиться съ нами.

Врачъ невольно слѣдуетъ за нимъ, подаренный на прощаніе обольстительнымъ взглядомъ, которымъ такъ умѣютъ награждать женщины, увѣренныя въ своей красотѣ. Но едва успѣли они переступить черезъ порогъ комнаты, какъ сладкозвучный голосъ Гаиды отозвался слуху Палеолога. Онъ бросается къ ней на хрупкихъ ножкахъ своихъ.

— Слышишь? ему, моему спасителю, — говоритъ

она повелительнымъ голосомъ, отдавая Палеологу золотую цѣпь дорогой цѣны.

— То-то умница, — отвѣчаетъ онъ, — я хотѣлъ... да не зналъ, что подарить: раздумье брало. Ну, еще ручку на прощанье, хоть мизинчикъ.

— Некогда, тебя дожидаются; пошелъ! — сказала Гаида, и деспотъ — однимъ именемъ, спѣшилъ исполнить волю своей госпожи.

Антонъ вспомнилъ бѣдную мать свою, и принялъ царскій подарокъ. Онъ еще имѣетъ дорогое ожерелье отъ великой княгини Софіи Ѳоминишны за леченіе попугая, соболи и куницы отъ великаго князя. Все ей, милой, безцѣнной матери. Какъ она пышно разрядится и покажется сосѣдямъ! — «Это все мой добрый Антонъ прислалъ мнѣ», — скажетъ она съ гордостью матери.

Какъ скоро Гаида увѣрилась, что Палеологъ далеко, она велѣла всѣмъ женщинамъ своимъ выйти, потомъ позвала одну изъ нихъ.

— Ты давича подавала мнѣ пить? — спросила она ее, покачавъ головой въ видѣ упрека. — Что сдѣлала я тебѣ?..

Женщина была блѣдна, какъ смерть. Рыдая, она упала въ ноги своей госпожѣ и призналась во всемъ Селинова подкупила ее: былъ данъ ядъ, но страхъ, совѣсть уменьшили долю его.

— Это останется между нами и Богомъ, — сказала Гаида, подавая ей свою руку. — Моли Отца всѣхъ насъ, чтобы Онъ тебя простилъ, а я тебя прощаю. Грѣшная раба Его смѣетъ ли осуждать другую грѣшницу?.. Но... идутъ. Встань, тебя могутъ застать въ этомъ положеніи...

И преступленіе навсегда осталось тайною между этими двумя женщинами, лекаремъ и Богомъ.

Явился Хабаръ. Преданность и любовь служителей обоего пола къ ихъ госпожѣ отворяли ему двери во всѣ часы дня, отводили отъ него подкупленный взглядъ сторожа; эти чувствованія стояли на часахъ, когда онъ посѣщалъ ее тайкомъ. Лицо его было пасмурно. Оно тотчасъ прояснилось при первомъ взглядѣ на него Гаиды.

— Ко мнѣ, сюда, безцѣнный мой, сокровище! — сказала она, и прижала чернокудрую голову молодца къ своей груди. — Безъ тебя я умерла бы. Вѣдь ты прислалъ мнѣ лекаря?

— Я, конечно, я. Пошелъ бы и въ преисподнюю для тебя, прости Господи! Ненаглядная моя, жемчужина моя!

— Теперь будешь ли называть лекаря поганымъ басурманомъ, колдуномъ?

— О, теперь готовъ побрататься съ нимъ. Чтожъ? скажи, не утай отъ меня, чѣмъ ты захворала, моя ластовица? Не зелье ли ужъ?..

— Да, зелье... только не отъ чужой руки... Сама, дурочка, всему виновата. Пожалѣла серебряную черпальницу да взяла мѣдную; въ сумракѣ не видала, что въ ней ярь запеклась,—и черпнула питья. Немного-бъ еще, говорилъ лекарь, и глаза мои закрылись бы на вѣки. Видитъ Богъ, свѣта мнѣ не жаль, жаль тебя одного. Поплакалъ бы надъ моей могилкой, и забылъ бы скоро гречанку Гаиду.

— Нѣтъ, не томилъ бы очей своихъ слезами, а велѣлъ засыпать ихъ желтыми песками. Сосватала

бы меня гробова доска съ другою, вѣковѣчною полюбовницей.

Нѣжная, страстная Ганда поцѣловала его поцѣлуемъ юга. Такъ земля полуденная, въ палящіе дни, жадно пьетъ небесную росу.

— Чу! — сказалъ Хабаръ, поднявъ голову, будто конь, послышавши звукъ бранной трубы, — шумятъ внизу. Иду.

— Пускай ихъ пируютъ себѣ! Мой названный царекъ теперь безъ ума отъ хмѣля; а ты, мой царь, мой господинъ, подари хоть два, три мгновенія ока своей рабынѣ.

— Пируютъ!.. А меня нѣтъ!.. Не могу... Прощай, голубица моя; темны ночи наши.

— Твое веселье — мое. Ступай.

И рванулся Хабаръ изъ объятій ея съ одного пира на другой.

Между тѣмъ лекарь былъ представленъ разнородному обществу, которое въ большой, продолговатой комнатѣ съ нетерпѣніемъ ожидало Палеолога. Тутъ были русскіе, греки, италіянцы, стѣнные и палатные мастера, литейщики, *дѣлатели* серебра и мѣди, бояре съ *вичемъ* и безъ *вича*, боярскія дѣти, дьякъ Бородатый, переводчикъ Бартоломей; тутъ были и изъ прочихъ крупныхъ и мелкихъ чиновъ, которыхъ Иванъ Васильевичъ надѣлалъ и поставилъ на свои мѣста, по разрядамъ, а теперь уравнивала вакханалія. Нетерпѣніе ихъ происходило не отъ желанія насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдою великаго деспота морейскаго и претендента на византійскій престолъ, но отъ жажды иностранныхъ винъ, которыми любилъ онъ потчивать своихъ гостей. Безъ него оловянники, въ зѣвающемъ

положеніи, серебряныя, *писанныя* стопы и кузки, съ грустною, сухою миною, и ковши, будто отъ стыда обратившіеся навзничь, стояли на дубовомъ столѣ, одинокомъ, покинутомъ, какъ разоренный хлѣбосолъ, который не можетъ болѣе угощать сытными обѣдами. По числу многоемной *суды*, поставленной въ эффектномъ безпорядкѣ, по изобильному окропленію стола, по отуманеннымъ взорамъ и краснымъ носамъ гостей, можно было видѣть, что Вакхъ не дремалъ и чашники служили ему усердно. Скамьи всего болѣе пострадали: онѣ стояли въ такомъ положеніи, какъ будто надъ ихъ линіями дѣлали разные причудливые опыты военныхъ маневровъ. Полавочники то спущены были, какъ водопадъ, неровно стекающій, или какъ вытянутое крыло, то, немилосердно скомканные, служили изголовьемъ гостю уснувшему на полу.

Теньеръ нашелъ бы здѣсь для своей кисти обильную жатву. Иной изъ гостей, несмотря на пары, обвивавшіе его голову, чувствуя, что онъ находится у претендента на византійскій престолъ, старался чинно возсѣдать и придерживать губы, руки, ноги, все, что могло забыться въ жилищѣ такой высокой особы. Другой бродилъ около осиротѣвшаго стола и жалостно заглядывалъ то въ ту, то въ другую опустѣвшую стопу. Третій *всѣлъ* на скамейку, какъ на коня своего. Были такіе отчаянные, которые просто возлежали и трубили во славу деспота морейскаго. Но лишь только вошелъ Андрей Палеологъ, все очнулось, кто самъ, по какому-то магнетическому сочувствію, кто отъ толчка своего товарища, и вдругъ составилась около хозяина живописная, вопросительная группа. Каждый говорилъ, на какомъ языкѣ умѣлъ и какъ умѣлъ, и всякій хо-

тѣлъ предупредить другого своимъ усерднымъ вопросомъ, отъ чего составилась такая кутерьма, хоть святыхъ выноси вонъ. Наконецъ можно было разобрать:

— Можно ль поздравить съ выздоровленіемъ синьоры?

— Что, господине деспотъ, твоя голубица Гаида Андреевна?

И тутъ иностранецъ предупредилъ русскаго.

Зато русскій былъ смышленѣе въ выборѣ величія. Какъ звали отца Гаиды, кто его знаетъ! Деспотъ ей отецъ, братъ, другъ, все, все... Чего жъ лучше, Андреевна! Пади-ка кто другой, выдумай!.. «Сейчасъ видно, что тонкая штука», сказала бы Гоголева городничиха.

— Спасена! Спасена! — кричалъ деспотъ морейскій. — И вотъ спаситель!—прибавилъ онъ, указывая на Антона.

— Чѣмъ же поволила захворать сударушка?

— Покушала неловко... (тутъ онъ показалъ на желудокъ, дѣлая кислую ужимку)... Теперь все прошло,— все ладно, ребята! Ну-ка, по-византійски, за здоровье лекаря! Чашникъ, лучшаго фряжскаго вина!

На этотъ возгласъ оловянники очнулись, стопы и ковши тронулись и заговорили въ рукахъ пировавшихъ.

Русскіе гости возложили на себя крестное знаменіе.

— Во здравіе нѣмчина Онтона! — сказали нѣсколько голосовъ по-русски.

— Благъ ему отъ росы небесныя и отъ тука земного! — промолвилъ дьякъ Бородатый.

— За здоровье нашего Антона! онъ нашъ родной по воспитанію! — вскричали итальянцы.

— Нашъ грекъ привезъ его сюда, онъ сберегъ розу нашего царскаго сада, онъ и намъ не чужой! — воскликнули греки.

— Грѣхъ творимъ, Матвѣй Сидоровичъ, — сказалъ потихоньку одинъ бояринъ безъ *вича*, своему товарищу съ *вичемъ*,—вино такъ и въ горлѣ остановилось, словно колъ. Вѣдь поганый басурманъ—колдунъ... Добро бы фрязъ!

— А у меня, Сема, и рука не довела стопы до устовъ, словно невѣсть-что подымаешь. Да вотъ, что-то и сосѣдушка задумался...

Сосѣдъ дрожа показалъ имъ свою стопу, до краевъ налитую.

— Посмотри-ка, не дразнитъ ли кто тамъ языкомъ?

И каждый, увидавъ въ винѣ свою рожу, свои растрепанные волосы, думалъ видѣть бѣса съ рогами.

— Выпили?—спросилъ деспотъ.

— Всѣ, всѣ!—закричали гости,—и ноготку не досталось.

— Вотъ-те порукой... великой... выпили...—повторили бояринъ съ *вичемъ* и его товарищи, зажавъ стопу тучною ладонью.

Когда Антону надо было благодарить осушеніемъ огромной стопы, которая уложила бы его подъ столъ, потому что онъ никогда еще не вкушалъ соку виноградnаго, онъ губами едва коснулся стопы. Извиненіемъ служили ему обязанности званія, призывающія его къ дѣлу во всякій часъ дня и ночи, и слабость здоровья.

— Врачъ все равно, что священникъ: оба даютъ

обѣтъ служить Богу, обѣщая служить человѣчеству; каждый у алтаря своего долженъ предстать чистымъ и непорочнымъ. Если же — прибавилъ Антонъ — могу своимъ присутствіемъ разстроить ваши удовольствія, такъ я готовъ удалиться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ, ты у насъ лучшій гость! — кричалъ Палеологъ. — Посмотри, какъ мы съ друзьями пируемъ. Вина, скорѣй вина!.. Или у царя византійскаго недостало его?..

Въ это время переводчикъ Бартоломей двигался, какъ маятникъ, то подойдетъ съ одной стороны къ Антону—не увидѣлъ, то съ другой—и тутъ не замѣтилъ. Наконецъ сталъ возлѣ уха его и зажурчалъ надъ нимъ такъ, что молодой человѣкъ вздрогнулъ.

— А, это ты?

— Какъ же, высокопочтеннѣйшій господинъ!.. Я, кажется, докладывалъ вамъ, что я здѣсь человѣкъ домашній, свой. Гмъ! не правда ли? какой умный, доблестный человѣкъ наслѣдникъ великаго Константина!

— Развѣ потому, что онъ доблестно осушаетъ ковши? И тутъ, кажется, скоро померкнетъ его звѣзда.

— Тише, тише, высокопочтеннѣйшій, не погубите меня... А видѣли красоточку? Что, солгалъ?..

— Впервой сказалъ правду.

— Если бъ?.. только намекните... это мое дѣло.

И переводчикъ глупо-лукаво мигнулъ глазомъ.

— Много чести. Присоедините и этотъ вѣнокъ къ тѣмъ сотнямъ, которыми закидали васъ отъ Рейна до Москвы.

И Антонъ, посадивъ переводчика на мель, спѣшилъ отъ него къ палатнымъ мастерамъ, съ которыми пріѣхалъ изъ Германіи.

Въ самый разгаръ пира явился Хабаръ. Узнавъ, что многіе были недовольны лекаремъ за излишнее воздержаніе его:

— Я за него и за себя отвѣчаю! — воскликнулъ онъ.

И передъ нимъ поставили красаулю, въ которой налито было двойное число стопъ, выпитыхъ каждымъ въ его отсутствіе.

— Вотъ какъ у насъ, по-византійски, купайся въ винѣ!—кричалъ Андрей Палеологъ.

Ножки его путались, какъ мокрое лыко; нижняя челюсть, которая и безъ того выдавалась впередъ, опустилась еще болѣе, такъ что профиль его съ рѣзкими углами тупоумія, ложившійся на стѣнѣ, былъ уморительно смѣшонъ.

— Вотъ какъ у насъ по-русски!—сказалъ Хабаръ, осушивъ ужасную красаулю.

Хмѣль всего скорѣе обнаруживаетъ характеры; не на днѣ колодца, а на днѣ стакана надо отыскивать истину. Отвага заискрилась въ глазахъ и словахъ Хабара; деспотъ морейскій тотчасъ высказалъ въ себѣ хвастунишку. Оба заняли главную сцену пира.

— Что же мы? — сказалъ Хабаръ, — пили за здоровье великаго князя, великой княгини и благороднаго хозяина, а не чествли благороднаго братца его, Манупла Ѳомича, что стережетъ для него Константиновъ градъ на завѣтныхъ камешкахъ?

Сколько ни сквозило въ головѣ Ѳомича, онъ понялъ однакожъ насмѣшку и объявилъ, что братъ за бѣгство свое къ султану лишенъ ихъ отцомъ правъ на византійскій престолъ. Тостъ былъ отказанъ.

— О, братцы, тяжела ноша царская,—сказалъ де-

спотъ, печально нахохлившись и вздыхая: — я и самъ отъ нея отказался. Вѣдь византійская имперія не то, что ваше Московское княжество. Сколько въ ней морей и рѣкъ, и сколько великихъ городовъ! Самый меньшой городокъ больше Москвы. Не только-что конному, и птицѣ въ годъ не облетѣть *наше* царство. А вашу землишку и всю въ горсть захватишь.

— Наша земля и такъ въ длани Божіей, да въ могучей рукѣ нашего богатыря Ивана Васильевича, и эта ручка махаетъ широко! — произнесъ важно дьякъ Бородатый, пріосанясь и охорашивая свою бороду.

Торжественное удовольствіе блестѣло въ глазахъ маленькаго великокняжескаго Тита-Ливія.

— Спасибо!—воскликнулъ Хабаръ—выручилъ! Никогда еще такъ ладно и складно не говорилъ. Поцѣлуемся за то, и выпьемъ во славу и красованіе нашей землицы... Прибавь еще, матушка наша Русь святая растетъ не по годамъ, а по часамъ, а Византія малилась да малилась до того, что уложилась вся въ господинѣ великомъ, деспотѣ морейскомъ, Андреѣ Ѳомичѣ.

— А кѣмъ же вашъ московскій князекъ и мой неблагодарный зятекъ вышелъ въ люди, какъ не черезъ Ѳомичей?

Хабаръ и за нимъ нѣсколько боярскихъ дѣтей захохотали. Около спорнаго пункта составился кружокъ; Антонъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту борьбу, въ которой дѣятелями были съ одной стороны благородная любовь къ родинѣ и своему государю, съ другой — хвастливая слабость. Кто бы не пожелалъ побѣды первой сторонѣ и не ручался за нее!

— Да, да, таки съ того времени, какъ появилась на Руси сестра моя Софія Ѳоминишна, вы и свѣтъ

Божій взвидѣли, татары отъ васъ побѣжали, Новгородъ палъ, Москва стала походить на городъ; съ того времени Иванъ Васильевичъ самъ поумылся...

— Охъ! — вырвалось изъ богатырской груди Хабара. Казалось, онъ глазами хотѣлъ съѣсть византійскаго хвастуна.

Бояринъ съ окладистою, сѣдою бородой вышелъ на сцену и произнесъ, низко поклонившись:

— Мы чествуемъ и кланяемся сестрицѣ твоей, а нашей господынѣ, великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминишнѣ, за то, что она Русь нашу полюбила паче своей родной земли (да стоитъ ли упоминать объ этой соромной землѣ, которую поѣдаетъ поганый бесерманъ, аки татарская саранча). А тебѣ, господине, деспотъ аморейскій, непригоже заочно на нашего осподаря Ивана Васильевича ла... — бояринъ остановился, покачавъ головою, — непригоже и мнѣ твоей милости худое слово.

— Вашъ господарь, а мой зятекъ, и самъ обижаетъ меня, — считаетъ хуже бракованной куницы. Выдалъ дочь мою за верейскаго князя и, изъ бабьева узорочья, прогналъ его въ Литву. Спасибо! Какая мнѣ честь во дворѣ великокняжескомъ? Въ какой льготѣ держитъ онъ меня? Какіе дары отъ него? Хуже, чѣмъ татарскому царевичу Даньяру!

— Дѣдъ и отецъ татарскаго царевича и онъ самъ трудились много христіанскаго дѣла ради, — молвилъ бояринъ, опять кланяясь: — коемуждо по заслугамъ.

— А я... я... эки вы дураки!

Бояринъ еще ниже поклонился и почесалъ голову.

— Знаете ли? у меня въ карманѣ византійская имперія.

— Невеличка, — прервалъ Хабаръ, — коли въ твой карманъ умѣстилась, такъ я посажу за свою пазуху и пятокъ твоихъ царствъ.

Этотъ отвѣтъ сопровождался хохотомъ русскихъ, которые были помоложе, и многихъ иностранцевъ, понимавшихъ русскій языкъ. Кто изъ нихъ, будто нечаянно, толкнулъ деспота морейскаго, кто показалъ сзади, что готовъ щелкнуть его по лысинѣ. Греки печально головой качали. Бояринъ съ окладистою бородою сохранялъ важный, холодный видъ.

— Я могъ бы... я сулилъ вашему Ивану мое византійское царство.

— Летитъ журавль въ небѣ! — запѣлъ Хабаръ.

— Не мѣшай же мнѣ, щенокъ! — вскрикнулъ претендентъ, топая повелительно ножкой. — Знаешь ли? словечко сестрѣ, мигомъ тебя въ желѣза!

Вспыхнулъ Хабаръ и всталъ во всю молодецкую высоту свою со скамьи, на которой до сихъ поръ сидѣлъ передъ Палеологомъ. Онъ засучилъ правый рукавъ своего кафтана и, гордо подбоченясь лѣвою рукой, закрутилъ большой палецъ ея блестящимъ поясомъ.

Претендентъ, довольный своею отвагой, можетъ быть и первенькой, продолжалъ, похваляясь и горячась болѣе и болѣе:

— Не честилъ меня Иванъ, какъ подобаетъ честить царя и шурина своего, такъ я всѣ права свои на византійское *мое* царство подарилъ испанскому королю Фердинанду и королевѣ Изабеллѣ.

— Ты забылъ, господинъ деспотъ,—сказалъ почтительно одинъ изъ грековъ, — что отдалъ сперва эти права французскому королю Карлу VIII, что онъ по

этому случаю наряжался въ константиновскую багряницу и торжественно величалъ себя Августомъ.

— Да! — сказалъ презрительно Андрей Палеологъ,—не угодилъ мнѣ, такъ я разгнѣвался на него и отдалъ другому. Такой же окаянный, какъ и русскій Иванъ...

— Лжешь!—вскричалъ Хабаръ, и вмѣстѣ съ этимъ далъ пощечину наслѣднику великаго Константина и Августа.

— Прекрасно, — сказалъ Антонъ, — кто не умѣетъ заставлять уважать себя, недостоинъ уваженія.

И бросилъ золотую цѣпь, подарокъ деспота, къ ногамъ его; она тяготила благороднаго молодого человѣка.

— Любо! — воскликнуло нѣсколько голосовъ, — за всю Русь нашу кланяемся тебѣ, Иванъ Васильевичъ Хабаръ.

— Охъ, охъ! — завопилъ деспотъ, придерживая щеку ладонью, — греки, мои греки, вступитесь за меня.. Обида господину вашему!.. Униженіе!

Сдѣлалась суматоха. Кто брался за шапку и острилъ лыжи, кто утекалъ и безъ шапки. Знаменитая пощечина отдалась въ головѣ пирующихъ и отрезвила многихъ. Нѣсколько домочадцевъ, составлявшихъ дворъ деспота, бросились было, чтобы схватить Хабара, но отступили, испуганные ли его грознымъ, неподвижнымъ положеніемъ, или криками русскихъ, что они бревна цѣлаго не оставятъ въ домѣ, если только дотронется кто до ихъ товарища. Можетъ быть, дворчане боялись наказа Гаиды—беречь милого человѣка. Кончилось тѣмъ, что Андрей Палеологъ, въ надеждѣ пожаловаться великой княгинѣ, пошелъ жаловаться

своей возлюбленной, а гридня, за нѣсколько минуть такая веселая и шумная, опустѣла и замолкла. Послѣдніе изъ нея вышли Хабаръ и постоялецъ отца его.

У воротъ перенялъ кто-то Хабара. Это была гречанка. Она пришла не пенять ему (смѣло ли это ея сердце?), но проститься съ нимъ—можетъ быть, надолго... можетъ быть, чтобы никогда не увидѣться. Какъ-то передадутъ это происшествіе Ивану Васильевичу; каковъ часъ найдетъ на грознаго властителя!

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА

стр

БАСУРМАНЪ

Прологъ. 1

Часть первая и вторая 15

Изданія Товарищества М. О. Вольфъ

СОЧИНЕНІЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА:

ВЪ ЛѢСАХЪ

Разсказано АНДРЕЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ

Изданіе второе, исправленное авторомъ. 4 т. въ 8 д. л. Цѣна 5 р., съ пер. 6 руб.

Это геніальное произведеніе представляетъ яркую бытовую картину Заволжскаго края, гдѣ до сихъ поръ сохраняется русская старина въ своеобразныхъ типическихъ чертахъ народной жизни. Въ разсказѣ очерчены, съ необыкновенною силою выраженія, мѣстные обычаи, нравы и преданія Заволжья, которыми обусловливается старый бытовой порядокъ, составляющій крѣпкій оплотъ старообрядческ. вѣрованій.

НА ГОРАХЪ

Разсказано АНДРЕЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ

Изданіе первое, 4 т. въ 8 д. л. Цѣна 6 р., съ пер. 7 р.

„На Горахъ"—обширная и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно просто задуманная эпопея — составляетъ съ романомъ того же автора „Въ Лѣсахъ" одно цѣлое, съ тѣми же лицами, которыя всѣ чрезвычайно выдержаны. Это собственно не романъ, а рядъ сценъ, рисующихъ различныя стороны промышленнаго и раскольничьяго быта приволжскаго населенія. Предъ читателемъ развертывается цѣлая драма, проникнутая своеобразнымъ и сильнымъ элементомъ народной жизни.

РАЗСКАЗЫ

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

Старые годы. —Бабушкины розсказни.—Красильниковы.— Поярковъ. — Гриша. — Дѣдушка Поликарпъ. — Медвѣжій уголъ.—Непремѣнный именинный пирогъ.—На станціи.— Въ Чудовѣ.

Изданіе второе. Одинъ томъ въ 8 д. л. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

Рядъ живыхъ, полныхъ интереса и художественныхъ очерковъ содержитъ это произведеніе автора, имя котораго ставятъ рядомъ съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ, Максимовымъ и пр. Тутъ и русская старина съ ея широкими натурами и первобытными типами, тутъ и современное старообрядчество, хранящее въ глуши своихъ селъ завѣты старорусскаго быта, тутъ и приволье волжскихъ промысловъ и кустарная промышленность Керженца и Ветлуги. Все это разсказано такъ, что немудрено увлечься. Въ книгу, заглавіе которой мы написали вверху, вошли всѣ прежнія произведенія, давшія Печерскому извѣстность въ нашей литературѣ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ его произведеніемъ „Въ Лѣсахъ" этотъ томъ составляетъ уже полное собраніе всѣхъ беллетристическихъ произведеній Мельникова, принадлежащаго теперь къ числу любимѣйшихъ нашихъ писателей.

Доз. цен. Спб., 27 марта 1900 г. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ В. О., 16 л., д. 5.

494867
LR
L4314V
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собраніе сочиненій...С.А.Венгерова.
v.9.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny...S.A.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

• БИБЛІОТЕКА •
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
• ИЗДАТЕЛЬ • 1900 ГОДЪ •